

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Иркутский государственный университет»
(ФГБОУ ВО «ИГУ»)

На правах рукописи

Соснерж Кристина Александровна

УПРАВЛЕНИЕ НАРОДАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
В ПЕРИОД КОНТРРЕФОРМ И КРИЗИСА САМОДЕРЖАВИЯ
(В 80-Х ГГ. XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.)

Специальность 5.6.1 - Отечественная история
Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель: д.и.н., профессор Л. М. Дамешек

Иркутск – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ЧИСЛЕННОСТЬ, РАССЕЛЕНИЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАРОДОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ. ЗНАЧЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО ФАКТОРА	39
1.1 Окраины и центры Юго-Восточной Сибири: расселение и национальный состав	39
1.2 Динамика народонаселения Юго-Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв.	65
1.3. Основные тенденции хозяйственного развития населения Юго- Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв.	90
ГЛАВА 2. ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОКРАИННОЙ ПОЛИТИКИ НА ВОСТОКЕ	107
2.1. Начало империи и формирование патерналистских традиций	107
2.2. Подчинение местного управления ведомству государственной администрации в XIX в.: от инструкций С. Л. Владиславича-Рагузинского к «Уставу об управлении инородцев» М. М. Сперанского	116
2.3. Разработка проектов по реформированию управления Сибири во второй половине XIX в.: от принятия «Программы» А. П. Игнатьева к началу реализации Волостной реформы на территории Юго-Восточной Сибири	130
ГЛАВА 3. РАЗРАБОТКА ПРОЕКТА ВОЛОСТНОЙ РЕФОРМЫ И РЕАЛИЗАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ	143
3.1 Решение аграрного вопроса в рамках реализации проекта Волостной реформы	143

3. 2. Народы Сибири в правовом поле империи (конец XIX – начало XX вв.): концепты, законы, практика	167
3.3. Инкорпорация коренного населения Сибири в социокультурное пространство Российской империи. Фактор фронта: социальный контекст и распространение христианства на территории Сибири	201
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	220
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	225

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Уникальность и сложность процесса становления российской государственности вызывает интерес у представителей различных областей науки – историков, юристов, социологов, политологов, географов. Синтез предметных областей позволяет решить ряд комплексных проблем, которые в современных условиях не поддаются изучению в русле лишь одного научного направления. Так, процесс формирования взаимоотношений между центром и периферией – метрополией и регионами, рассматриваемый с позиции междисциплинарного подхода, отражает трансформацию не только географического пространства империи, но и эволюцию административно-правовой, экономической систем, и, что немаловажно, демонстрирует изменения ментальных моделей многонационального, мультирелигиозного населения. Проблема организации административной структуры, эффективного территориального управления оставалась в поле исследовательских интересов на протяжении многих столетий, не потеряв своей актуальности и сегодня.

Немалую роль в историческом развитии государства сыграли такие факторы как огромная протяженность территории, ее пестрый этнический и социокультурный состав населения. В отношении первого стоит отметить, что территория Российской империи занимала треть восточной части Европы и две трети – северной части Азии, другими словами – располагалась сразу на двух материках. Иркутский исследователь Л. М. Дамешек в своем труде приводит следующие данные: если в 1649 г. ее площадь составляла 14,1 млн. кв. км (с численностью населения 6,7 млн. чел.), то к 1914 г. она увеличилась примерно в 1,55 раза и составила 21,8 млн. кв. км (с численностью населения 178,4 млн. чел., включая Финляндию и Польшу)¹.

¹ Дамешек Л. М. Этнический фактор окраинной политики империи в региональном измерении: сибирский вариант (XVIII-XX вв.) : монография / Л. М. Дамешек. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2022. – С. 53.

На протяжении XVI-XIX вв. в состав государства были включены территории Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Польши, Финляндии, Кавказа, Средней Азии, что обусловило еще один фактор в историческом развитии государства – разнородный этнический и социокультурный состав населения. К началу XX в. в России проживало около 200 больших и малых народов, каждый из которых имел свою историю и свой уникальный культурный код. Если в середине XVII в. на долю русского населения приходилось 95 % населения России, то в начале XX в. – только 44,6 %, поскольку численность представителей других этнических групп значительно возросла².

Следует отметить, что Россия являлась многонациональной страной со времен своего возникновения. Еще в Древней Руси славянские племена, расселявшиеся на территории вокруг Новгорода, тесно взаимодействовали с племенами неславянского происхождения, такими как чудь, карелы, кривичи, меряне, весь и др. Как описывается в Новгородской первой летописи, помещенной в своде «Повести временных лет», именно с этими племенами «словене» приглашали Рюрика на княжение. Дальнейшее становление российской государственности развивалось по пути от сословно-представительной монархии к империи. Этот период характеризовался процессом «собираания земель», который транслировался посредством внешнеполитических мероприятий Олега и Святослава, направленных на укрепление и расширение границ государства. В результате этих отнюдь не сиюминутных преобразований, сформировалась та Россия, которую мы знаем сегодня.

В течение весьма длительного периода расширения, «оцентрирования» границ государства, которое, в свою очередь, завершилось окончательным

² Соснерж К. А. Этнический фактор и формирование патерналистских традиций в окраинной политике Российской империи на востоке. Ч. I / Л. М. Дамешек, К. А. Соснерж // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2023. – № 1(49). – С. 43-44.

присоединением Сибири во второй половине XIX в., трансформировался и сам образ государства. Россия стала говорить на бесчисленном количестве языков и исповедовать религии от православного христианства до тибетского буддизма, и даже шаманизма в его сибирской интерпретации. Главной целью региональной политики Российского правительства являлась инкорпорация окраин, осуществлявшаяся разными методами и способами, которые в определенный момент времени наиболее полно отвечали запросам внутренней политики государства. В целом, процесс инкорпорации коренного населения Сибири в общероссийское пространство осуществлялся в трех основных направлениях: экономическом, административном и социокультурном, которые были тесно взаимосвязаны и дополняемы друг другом. Однако в настоящей работе, основное внимание автора уделяется процессу инкорпорации коренного населения в административно-правовое поле Российской империи, поскольку эта тематика является весьма репрезентативной для изучения эволюции методов и практик в осуществлении региональной политики государства.

Традиционно региональная политика Российской империи выстраивалась с учетом геополитических факторов, которые в свою очередь были связаны со стремлением обеспечить безопасность своих границ. Экономическому освоению новых территорий на Востоке страны предшествовало политико-административное освоение, направленное на интеграцию существующих потестарных образований в общероссийское административно-правовое и культурное пространство. На всех этапах формирования территории России, по мере развития экономического, политического, культурного взаимодействия перед правительством возникал вопрос организации местного управления и территориально-административного устройства того или иного региона, которое отвечало бы запросам и потребностям центральной власти³. Для решения этой задачи перед

³ Соснерж К. А. Волостная реформа в Сибири в отечественной историографии // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 35. С. 81.

правительством вставал серьезный вопрос, связанный с формированием в регионе единого для всей России эффективного территориально-административного устройства, установления новых границ и центров. По мере углубления процессов инкорпорации Сибирского региона в пространство России возникла проблема взаимоотношений центра и периферии.

В современном контексте управление территориями, заселенными различными этническими группами, остается одной из главных задач для правительства Российской Федерации. В Сибирском Федеральном округе, как и в других регионах страны, продолжают существовать многочисленные этнические и социально-экономические проблемы, которые требуют комплексного и эффективного решения со стороны властей. Изучение исторического опыта управления народами Сибири в кризисный период может стать ценным ресурсом для современного процесса государственного строительства, направленного на создание лучших условий для последующего устойчивого социально-экономического развития регионов.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 80-х гг. XIX – начала XX вв., интерпретируемого в научной литературе, как период контрреформ и кризиса самодержавной власти, который, в свою очередь, обнаружился на рубеже веков в результате комплекса нерешенных проблем, в том числе и на уровне региональной политики. Нижняя хронологическая граница исследования связана с признанием со стороны административной власти Петербурга идеи о необходимости «приравнивания» сословия сибирских «инородцев» к сословию русского крестьянства. В этом ключе началась активная работа по пересмотру действующего законодательства об «инородцах». Логическим завершением этого процесса явился выход документа, именуемого «Программа деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. и приблизительно на 10 лет», под авторством действующего генерал-губернатора Иркутской губернии графа А. П. Игнатьева. В документе

Игнатъев изложил основные направления будущих преобразований в управлении Сибири, базовой концепцией которых являлась унификация коренного населения с русским. Конечной целью подразумевалась ликвидация сословия «инородцев». Верхняя хронологическая граница определяется событиями февраля 1917 г., когда с крушением монархии последовали изменения в принципах управления внутренней, а вместе с тем и региональной политики. Стремление автора к компаративному анализу предопределило обращение к более раннему периоду истории инкорпорации. Сопоставление эпох правления Петра I, Александра I и Николая II позволило отразить специфические черты в динамике развития административной политики государства на окраинах, в выстраивании взаимоотношений центра и периферии на каждом из представленных этапов, а также проанализировать изменения в характере управленческих практик на разных промежутках времени.

Территориальные рамки исследования соответствуют географическим границам Юго-Восточной Сибири периода второй половины XIX – начала XX вв. В интерпретации указанного периода времени – это специфическое социокультурное пространство, охватывавшее территорию Иркутской губернии и Забайкальской области. Иркутская губерния в указанный период времени на севере и частично северо-востоке граничила с Якутской областью, на востоке и юго-востоке – Забайкальской областью, на юге – с Китайской империей (Монголия), на западе – с Енисейской губернией. В свою очередь, Забайкальская область в указанный период граничила со следующими территориями: на западе и севере с Иркутской губернией, на северо-востоке – с Якутской областью, на востоке – с Амурской областью, частично на юге и востоке – с Китайской империей. На сегодняшний день в рамках представленной территории в качестве субъектов Российской Федерации располагаются Иркутская область, входящая в Сибирский федеральный округ, Республика Бурятия и Забайкальский край входящие в Дальневосточный федеральный округ.

Выбор исследуемой территории был не случаен. Дело в том, что население Юго-Восточной Сибири связывала общность не только социально-экономических и политических процессов в составе империи, но и схожесть социокультурных, религиозных и иных традиций. В то же время, концепция компаративизма, разделяемый автором исследования, вызвала необходимость в сопоставлении материала, относящегося не только к Юго-Восточной Сибири, но и к смежным территориям, таким как Енисейская губерния, Якутская область.

Объектом исследования выступает административная политика и практики управления народами Восточной Сибири на протяжении периода с конца XIX – начала XX вв., именуемого в научной литературе как «периода кризиса самодержавия». **Предметом** исследования является политика государства в отношении коренного населения, проживавшего в указанный период времени на территории Восточной Сибири. Главным образом в настоящем исследовании внимание автора концентрируется на представителях бурятского населения, которое являлось наиболее многочисленным и экономически прогрессивным среди других коренных народов Восточной Сибири.

Цель исследования – изучить процесс изменений административной политики в отношении коренного населения Восточной Сибири от концепции регионализма до политики уравнивания в правах и обязанностях коренного населения с русским, получившей свое окончательное оформление в период кризиса самодержавия.

Исходя из целей исследования, были поставлены следующие **задачи**:

- показать особенности существовавшей модели управления на территории Восточной Сибири накануне принятия землеустроительного и административного законодательства;
- рассмотреть, с какими проблемами столкнулось российское правительство на пути к централизации управления в Восточной Сибири;

- проанализировать, каким образом российское правительство решало вопрос инкорпорации коренного населения с помощью землеустроительной и административной политики.

Степень научной разработанности. Анализ научной литературы и источников по теме данного исследования позволяет разделить труды на три хронологических периода: дореволюционный, советский и постсоветский.

Первый период представлен работами, которые в большей степени фокусировались на освещении следующих тем, касательно административно-территориальной политики: 1) административные реформы М. М. Сперанского; 2) управление коренными народами Сибири; и частично 3) решение аграрных вопросов на территории Сибири. В рамках данного периода трудов, которые бы наиболее целостно отразили процесс разработки и реализации административного устройства на территории Сибири в дореволюционный период представлено не было, однако интерес правящих кругов к вопросам организации эффективного управления в регионе тем не менее побудил к появлению официального направления в историографии.

Исследователями этого направления были рассмотрены частные вопросы, связанные с разработкой и реализацией «Устава» 1822 г., земельными отношениями в регионе, обсуждением экономической целесообразности колонизационных процессов. В отношении последних двух пунктов, рядом авторов выносилась оценка эффективности проводимых правительством мероприятий в отношении аграрных вопросов. Среди них интересно отметить труды исследователей В. Ю. Григорьева⁴, Д. К. Зайцева⁵, которые весьма полно проанализировали состояние поземельного устройства населения Сибири накануне принятия землеустроительного закона, а также выделили ряд проблем, связанных с юридическим обоснованием статуса

⁴ Григорьев В. Ю. К вопросу о поземельном устройстве инородцев в Сибири / В. Ю. Григорьев // Сибирские вопросы. – 1906. № 2.

⁵ Зайцев Д. К аграрному вопросу в Сибири / Д. К. Зайцев // Сибирские вопросы. – 1906. – № 2.

«инородческого» населения. Вопросы землеустройства в контексте переселенческой политики правительства были также рассмотрены известным статистом А. А. Кауфманом⁶, который особенно настаивал на том, что немалая часть пространств как Иркутской губернии, так и Забайкальской области, превышала действительные потребности коренного населения. В положительном ключе отзывался об аграрных преобразованиях начала XX в. министр внутренних дел П. А. Столыпин⁷, отмечая, что уменьшение количества земли в руках сибирского населения в ближайшем будущем должно было способствовать переходу к новым формам быта. Кроме этого, министр сделал весьма важный акцент на культурной составляющей переселенческого процесса.

В отличие от вопросов аграрных преобразований в регионе, проблема административного управления Сибири рассматривалась отдельными сюжетами в контексте работ по теории государства и права. Тем не менее, дореволюционные исследователи, современники событий (М. А. Корф⁸, С. М. Прутченко⁹, И. В. Щеглов¹⁰) оставили после себя немало стоящих работ, фактических материалов, документов, введенных в оборот, по отдельным отраслям истории административных преобразований в Сибири.

Интересны богатые статистические материалы, собранные авторами дореволюционного периода. Прежде всего стоит отметить фундаментальный трехтомный труд Ю. А. Гагемейстера «Статистическое обозрение Сибири»¹¹,

⁶ Кауфман А. А. Земельный вопрос и переселение / А. А. Кауфман // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. – СПб., 1908.

⁷ Столыпин П. А. Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 году. – СПб. – 1910.

⁸ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. II, (ч. 4). СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1861.

⁹ Прутченко С. М. Сибирские окраины : областные установления, связанные с сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства : Приложения / С. М. Прутченко. – СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1899.

¹⁰ Щеглов, Иван Васильевич Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032-1882 гг. / сост. И.В. Щеглов под ред. чл. Отд. В. И. Вагина. - Иркутск, 1883.

¹¹ Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным

в котором представлены помимо географических и климатических данных, демографические и хозяйственные сведения коренного населения, а также данные, связанные с колониционными процессами. Помимо этого, в третьей части «Обозрения» представлены материалы по истории управления Сибири. Статистические показатели «Обозрения» в основном охватывают первую половину XIX в. Однако, логическим продолжением, хотя и несколько скромным в отношении статистических материалов по сравнению с последним, явился компиляционный труд «Азиатской России», посвященный 300-летнему юбилею Дома Романовых. Демографические показатели в отношении населения Сибири, а также географические данные, связанные с территориальным обоснованием границ государства представлены в трудах таких авторов, как Н. В. Турчанинов¹² и М. А. Цветков¹³. Глубокий анализ погубернских статистических материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи был представлен в работах С. К. Патканова¹⁴. Автор на статистических данных доказал необоснованность суждений о вымирании «инородцев» после включения территории Сибири в состав России.

Другим исследовательским направлением авторов представленного периода являлось изучение процесса интеракции центра с регионами, жителей центральной и азиатской части империи и их влияния в отношении друг друга. Стоит отметить, что последнее вылилось в сферу исследования представителей, называемого в современной научной литературе, «областнического» направления, авторы которого посредством своих

статским советником Гагемейстером : [в 3 ч.]. – СПб. : Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Величества Канцелярии, 1854. – Ч. 3, – 109 с.

¹² Турчанинов Н. В. Население Азиатской России: стат. очерк // Азиатская Россия, Т. 1. Люди и порядки за Уралом. – Санкт-Петербург, 1914.

¹³ Цветков М. А. Пространство и границы Азиатской России // Азиатская Россия, Т. 1. Люди и порядки за Уралом. – Санкт-Петербург, 1914.

¹⁴ Патканов, С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т.1. – СПб., 1912; О приросте инородческого населения : статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен : (представлено в заседание Историко-Филологического Отделения 10 марта 1910 г.) / издание Имп. Акад. наук. - Санкт-Петербург : Тип. Имп. Академии наук, 1911.

публикаций стремились привлечь внимание правительства и интеллигенции к актуальным нуждам Сибири – экономическое развитие региона, распространение образования, повышение уровня жизни. На ряду с этим, среди отдельных представителей демократической мысли активно поддерживался тезис о вымирании «инородцев»¹⁵ в следствии присоединения их к России. Однако этот тезис был опровергнут рядом авторов как дореволюционной эпохи¹⁶, так и позже – советской¹⁷ и постсоветской¹⁸.

Как итог, авторам дореволюционного периода удалось сформулировать вопросы, которые касались поиска оптимальных форм административно-территориального устройства Сибири, взаимодействия центральных и местных властей, а также единства сибирского управления. Сфера интересов исследователей указанного периода охватывала весьма широкую область изучения, однако проблема административного устройства окраин представлена лишь фрагментарно, в основном в контексте работ по теории государства и права. Это связано с тем, что на данном этапе только формировался прочный «фундамент» для последующих исследований.

¹⁵ Ядринцев Н. М. Сочинения. Т.1. Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Её нужды и потребности. Её прошлое и будущее. Тюмень, 2000; Потанин, Г. Н. Письма Г. Н. Потанина. Т. 1. / Г. Н. Потанин ; ред. Ю. П. Козлов ; коммент. А. Г. Грумм-Гржимайло. – 2-е изд., перераб. и доп. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та , 1987. – 277 с.; Серебренников, И. Н. Инородцы в Сибири их состав и занятия / И. Н. Серебренников. – Иркутск, 1913. – 48 с.;

¹⁶ Клеменц Д. А. Население Сибири // Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды. – Санкт-Петербург, 1908.; Патканов С.К. О приросте инородческого населения Сибири / С. Патканов. - Санкт-Петербург : тип. "Т-ва Андерсона и Лойцянского", 1909. - 58 с.; Березин И. Н. Метрополия и колония // Отечественные записки. 1858. № 3-5; Григорьев В. В. Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами // Журнал Министерства народного просвещения. 1875. № 3 (март). С. 1-27.

¹⁷ Долгих Б.О. Расселение народов Сибири в XVII в. // Советская этнография, 1952, №3. – С. 76-84; Горюшкин Л. М. Главный труд Н. М. Ядринцева: [Предисловие] // Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / Н. М.Ядринцев. - Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003.

¹⁸ Дамешек Л. М. Избранное в 3 т. / Л. М. Дамешек. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.) / Л. М. Дамешек // Избранное. – Иркутск : Оттиск, 2018. – 417 с.

Также, стоит отметить, если представители так называемого официального направления историографии акцентировали свое внимание на историко-юридической составляющей административно-территориальной политики в регионе, то авторы демократического направления, в определенной степени критикуя характер государственной политики в отношении коренного населения Сибири, также внесли существенный вклад в изучение политики центральной власти в регионе, подсветив плюсы, но, в большей степени – минусы отдельных правительственных мероприятий.

Исследования периода после Октябрьской революции отчасти не позволяют дать объективную оценку отдельным процессам и событиям в интересующей нас теме, поскольку в отечественной историографии этого периода ярко прослеживается тенденция к тотальной критике действий правительства. Однако, в более поздний период, благодаря трудам советских исследователей, была оформлена теоретическая основа научных изысканий, которая отражала основные концепции окраинной политики на рубеже XIX-XX вв. В целом сферу научных интересов советских ученых в отношении интересующей нас темы входили следующие направления: 1) административные реформы в Сибири и политика в отношении управления коренным населением; 2) аграрная политика и переселенческий вопрос; 3) штрафная колонизация. Так, примерно с середины 1940-х гг. начинают выходить крупные работы по истории отдельных народов Сибири, в которых освещался комплекс проблем, связанных с их социально-экономическим и политическим развитием, ролью русского населения в хозяйственной деятельности коренного населения¹⁹. Кроме этого, в рамках представленного периода впервые была озвучена идея о преемственности закона 1898 г. о введении института крестьянских начальников на территории Сибири и закона

¹⁹ Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа (от XVII до 60-х гг. XIX в.). / Ф. А. Кудрявцев. – Москва: АН СССР, 1940. – 242 с.; Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России / Е. М. Залкинд ; [отв. ред. Г. Н. Румянцев] ; Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. комплексный НИИ. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1958. – 319 с.

о земских участковых начальниках 1889 г.²⁰, характерного для центральной части России. На данном этапе были поставлены конкретные вопросы о привлечении коренного населения к отбыванию воинской повинности, вопросы об административном и поземельном устройстве. В отношении последнего стоит выделить фундаментальные труды И. А. Асалханова²¹, Л. М. Горюшкина²², Г. А. Корневой²³, в которых представлен подробный анализ аграрного законодательства Сибири XIX – начала XX вв. В частности, исследователем Корневой была обозначена позиция государства в отношении земли, занимаемой крестьянами и «инородцами». Важные труды советского периода «История бурят-монгольского народа АССР»²⁴ и пятитомная работа «История Сибири»²⁵ отразили итог развития сибиреведения за последние 50 лет, а также связали процесс формирования политики российского государства в отношении коренного населения с общероссийскими процессами. Однако, представленные результаты вместе с тем продемонстрировали, что интересующая нас тематика нуждается в дальнейшем комплексном исследовании.

Таким образом, если исследователи предшествующего периода сформировали теоретическую основу для изучения представленной тематики, то советские ученые существенно ее расширили и дополнили внушительным объемом статистических показателей. В целом, в научной литературе советского периода генеральная идея заключалась в том, что с приходом русского населения на территорию Сибири экономическая и культурно-

²⁰ Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа (от XVII до 60-х гг. XIX в.). / Ф. А. Кудрявцев. – Москва: АН СССР, 1940.

²¹ Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1975.

²² Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). – Новосибирск: Наука, 1976.

²³ Корнева Г.А. Разработка о землеустройстве 23 мая 1896 г. и вопрос о поземельной собственности в Сибири / Г. А. Корнева // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX – 1917 г.). – Красноярск, 1982.

²⁴ История Бурят-Монгольской АССР. В 2 т. Т. 1 / под ред. П. Т. Хаптаева. – Улан-Удэ, 1954.

²⁵ История Сибири с древнейших времен до наших дней (в 5 томах) / под ред. А.П. Окладникова. Л.: Наука, 1968-1969.

бытовая жизнь коренных народов вышла на более высокий уровень развития, а сами сибирские народы были включены в систему всемирного исторического развития.

Таким образом, за годы советской власти в изучении истории народов Сибири и государственной политики в отношении последних были достигнуты определенные успехи, кроме этого, в научный оборот был введен широкий комплекс архивных источников. Однако, в силу идеологической составляющей, работы советских авторов характеризовались тотальной критикой действий «царского режима». Отдельные вопросы, связанные с историко-юридическими, экономическими и социокультурными аспектами рассматривались через призму марксистско-ленинской методологии. Стоит отметить, что вопрос правительственной политики в отношении коренного населения советскими авторами изучен отнюдь неравномерно. Основное внимание авторов было сфокусировано на проблемах экономического развития регионов, связанного с проникновением капиталистических отношений в хозяйственную и социокультурную жизнь коренного населения. Красной линией в исследованиях авторов советского периода прослеживается тезис о том, что народы Сибири хотя и не прошли стадии промышленного капитализма, однако капиталистические отношения тем не менее активно проникали в привычный уклад жизни, навсегда его трансформируя. На ряду с этим, вопросы, связанные с разработкой аграрного законодательства в отношении коренного населения, а также о взаимосвязи итогов землеустройства в Сибири с переселенческой политикой Российского правительства изучены весьма фрагментарно. Кроме этого, слабо прослеживается связь между аграрной политикой и административными мероприятиями правительства в регионе.

В постсоветский период отечественной историографии особое внимание стало уделяться исследованию проблем государственного строительства, организации полиэтничного, поликонфессионального и разнообразного по своей структуре пространства России. Это обстоятельство было обусловлено

возросшим интересом к проблемам регионализма и федерализма в результате изменения основных концепций взаимоотношений центра и регионов начиная с 1990-х гг. Обширность и разносторонность современной историографии управления Сибири вынуждает сместить ракурс внимания на более специфичные вопросы такие, как концепция имперского регионализма, деятельность особых комитетов, управление «инородческим» населением.

Перед современным исследователем ставится задача отразить эволюционный процесс становления «технологий и практик» государственного управления в регионах, поиска общих наиболее эффективных принципов организации государственных структур, а также определения возможных методов совершенствования управленческих институтов и элементов, которые перестали отвечать современным реалиям и/или актуальным запросам центральной власти. Так, исследовательский интерес современных авторов сфокусировался на поиске и обосновании оптимальной модели взаимоотношений центра с национальными окраинами. В трудах современных авторов, с позиции исторической дистанции, оценивается уровень эффективности различных по своему характеру управленческих практик правительственной администрации.

С точки зрения управления, Российская империя представляла собой сложноорганизованную систему, в которую были включены разные по своему уровню политического, социально-экономического и культурного развития территории. Такая многоаспектность позволила сформулировать концепцию имперского регионализма, послужившего в последствии предметом детального изучения омских, иркутских и улан-удэнских историков-сибиреведов. Содержание понятия «имперский регионализм» весьма объемно и включает в себя такие направления региональной политики как продвижение основных идеологических концептов со стороны российского правительства на отдаленные территории, установление и регулирование демаркационных линий, а также мониторинг эффективности управленческих практик внутри конкретного территориального пространства. Огромный вклад в изучение

вопросов имперского регионализма внес иркутский исследователь Л. М. Дамешек, его ученики и коллеги. В своих трудах, посвященных этой тематике, ученый обоснованно сформулировал важность и необходимость дифференцированного подхода к изучению и оценке окраинной политики Российской империи, ее многофакторности и многоплановости²⁶. Кроме этого, внимание автора уделяется деятельности М. М. Сперанского и разработке его реформ. Собственно, через личность Сперанского в трудах Л. М. Дамешака отражен процесс становления имперского регионализма в Сибири²⁷. Согласно самой концепции имперского регионализма, важной особенностью государственного строительства России являлось преобладание целей властного освоения, нежели чем экономического. Так, за решением первоначальных военно-политических задач, в процессе расширения границ государства, следовали задачи властного освоения, что обеспечивало последовательность интеграции региона в общероссийское пространство.

В этой тематике стоит отметить труды И. Л. Дамешек, в которых исследователь отразила анализ административной политики Российского правительства в отношении ее азиатских окраин²⁸. Автор делает вывод о том, что в первой половине XIX в. правительству не удалось выработать универсальную модель управления окраинами, что послужило причиной дальнейшего поиска и совершенствования системы управления. В целом, для изучения как частных, так и более общих вопросов истории России имперского периода, необходимо учитывать региональное измерение. Исследователи настаивают на том, что комплексное изучение

²⁶ Дамешек Л. М. Избранное : в 3 т. Иркутск : Оттиск, 2018; Сибирь в составе Российской империи. / Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. – Москва: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.

²⁷ М. М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. (Отв. ред. Л.М. Дамешек). Иркутск: Оттиск, 2003. 262 с.; Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А. Сибирские реформы М.М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Издательство ИГУ. Иркутск. 2017. 341 с.

²⁸ Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (Компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002. – 208 с.; Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX вв.), Иркутск, 2005, – 246 с.

внутриполитических сюжетов должно проводиться с учетом как внешнеполитических факторов, так и с учетом национального и религиозного фактора.

Существенный вклад в изучение вопросов имперской политики в Сибири внес А. В. Ремнев. В своих трудах ученый отразил взаимосвязь общественно-политической жизни Сибири интересующего нас периода, с общероссийскими процессами и событиями. Кроме этого, автор обозначил существовавшие на тот момент противоречия и сложности в становлении и функционировании института генерал-губернаторской власти на востоке России, а также роль бюрократического аппарата в деятельности местной администрации²⁹.

Комплекс проблем аграрного устройства и государственного административного управления Сибири подробно изложен в трудах таких исследователей как Ч. Г. Андреев³⁰, Л. М. Дамешек³¹, Б. Ц. Жалсанова³², Л. В.

²⁹ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск, 1995. – 237 с.; Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997. – 253 с.; Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск, 2015. – 580 с.

³⁰ Андреев Ч. Г. Из истории подготовки землеустроительной реформы в Забайкалье в конце XIX – начале XX вв. / Ч. Г. Андреев // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – 2011. – № 1 (1). – С. 102-115; Андреев Ч. Г. Новации в жизни коренных народов Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX века / Ч. Г. Андреев // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Изд-во: БГУ. Иркутск. 2017.

³¹ Дамешек Л. М. Аграрное законодательство самодержавия и народы Сибири в пореформенный период (60-70-е гг. XIX в.) / Л. М. Дамешек // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. / ред. С. Ф. Хроленок. – Иркутск, 1984; Дамешек Л. М. Этнический фактор окраинной политики империи в региональном измерении: сибирский вариант (XVIII-XX вв.) : монография / Л. М. Дамешек. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2022.

³² Жалсанова Б. Ц. История формирования и развития органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. : монография / Б. Ц. Жалсанова. – Иркутск : Оттиск, 2012; Жалсанова, Б. Ц. «Реформа проводится бесповоротно...» Документы Национального архива Республики Бурятия о волостной реформе в Забайкальской области. 1901-1904 гг / Б. Ц. Жалсанова // Отечественные архивы. – 2008. – № 1.

Курас³³, С. А. Сафронов³⁴. Исследователи отмечают, что в административной практике государства на территории Сибири существовала тенденция как к усложнению управленческих форм, связанная с территориальным расширением государства, так и тенденция к упрощению регулирования, поскольку в этот период происходил процесс установления единообразия управления регионом.

Проблема проведения административных преобразований, в частности волостной реформы на территории Юго-Восточной Сибири освещена в трудах Б. Ц. Жалсановой. Автор акцентирует внимание на изучении административных преобразований, проводившихся на территории Иркутской губернии и Забайкальской области. Ученым обстоятельно и весьма скрупулезно исследуется вопрос о создании органов самоуправления иркутских и, в большей степени, забайкальских бурят. В отличие от большинства работ предшественников, в которых деятельность Степных дум и инородных управ рассматривалась с точки зрения административной политики империи, Б. Ц. Жалсанова представила всесторонний анализ создания и упразднения этих органов местного управления, механизмов их работы и принципов территориального размещения³⁵.

Интересно отметить труды ученых, посвященные трансформационным процессам в образе жизни коренного населения Сибири. По замечанию

³³ Курас, Л. В. Волостная реформа в Забайкальской области в 1901-1904 гг. (на материалах баргузинского ведомства) / Л. В. Курас, Б. Ц. Жалсанова // Власть. – 2012. – № 8; Курас, Л. В. Бурятские Степные думы в имперской системе власти и степень их изученности в современной российской историографии / Л. В. Курас, Б. Ц. Жалсанова // Terra Eurasica: к 60-летию академика Б.В. Базарова : Сборник научных статей / Отв. редакторы Н.Н. Крадин, Л.В. Курас. – Иркутск : Общество с ограниченной ответственностью "Издательство Оттиск", 2020.

³⁴ Сафронов С. А. Столыпинская аграрная реформа и ее влияние на хозяйственное развитие Восточной Сибири в 1906–1917 гг. (на материалах Енисейской и Иркутской губерний) / С.А. Сафронов. – Красноярск: Изд-во КрасГУ, 2006.

³⁵ История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 503 с.; Жалсанова Б.Ц. Инородные управы как органы местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Б.Ц. Жалсанова. Улан-Удэ: Изд-во ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2009. 240 с.; История формирования и развития органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Б.Ц. Жалсанова. Иркутск: Оттиск, 2012. 364 с.

исследователя Ч. Г. Андреева³⁶, большую роль в этом играли, прежде всего, изменения в хозяйственной жизни населения – переход от номадного к новому хозяйственно-культурному типу производства. Вместе с колонизацией региона шел активный процесс привлечения коренного населения к православному христианству³⁷.

Как уже отмечалось выше, современный этап развития отечественной историографии в соответствии с заданной тематикой был обусловлен разработкой актуальной для постсоветского пространства проблематики, связанной с вопросами роли и места национально-государственных образований в составе Российской Федерации. В теоретическом плане это отразилось на замене понятий «центр – периферия», дефиницией «фронтир», которая, в свою очередь появилась в США еще в конце XIX в. Современные исследователи, применительно к вопросам Сибири по-разному трактуют это понятие. Например, такими исследователями как А. В. Ремнев³⁸, Д. Я. Резун и М. В. Шиловский³⁹, А. С. Хромых⁴⁰, И. И. Юрганова⁴¹ с позиции фронта были рассмотрены сложные процессы христианизации. Весьма интересной представляется идея о концепции фронта как многогранного феномена, который, в свою очередь, включает экономико-географические, хозяйственно-исторические, философско-культурологические и духовно-ментальные

³⁶ Андреев Ч. Г. Новации в жизни коренных народов Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX века / Ч. Г. Андреев // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Изд-во: БГУ. Иркутск. 2017; Андреев Ч. Г. Образ жизни коренных народов Восточной Сибири: бурят, хакасов, якутов во второй половине XIX - начале XX вв. : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук : 07.00.02 / Ч.Г. Андреев ; Институт истории СО РАН. - Новосибирск, 2001.

³⁷ Дамешек Л. М. Сибирь в составе Российской империи. / Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. – Москва: Новое литературное обозрение, 2007; Нанзатов Б. З. Буряты в зоне влияния православной церкви в XIX в. – начале XX в.: трансформация идентичностей / Б. З. Нанзатов // Вестник КИГИ РАН. – 2017. – №5 (33).

³⁸ Ремнев А. В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития. – 2011. – № 3 (62). – С. 111.

³⁹ Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: изд-во «Сова», 2005.

⁴⁰ Хромых А. С. Проблема «сибирского фронта» в современной российской историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 5.

⁴¹ Юрганова И. И. Русская православная церковь в Восточной Сибири: от фронта до окраины // Северо-Восточный гуманитарный вестник, – 2022, – № 3.

аспекты. Авторы в этом ключе обращают внимание прежде всего на формирование новой ментальности, рождение нового общества, в результате сложившихся условий на территории Сибири. Приведенные исследования дают возможность рассмотреть исторический контекст через призму междисциплинарного подхода, построенного на стыке исторической науки и культурологии.

Еще одним важным междисциплинарным аспектом исследования является изучение демографической структуры и поведения населения Юго-Восточной Сибири. Эта область на современном этапе представлена трудами исследователей Д. М. Маншеева⁴², С. Г. Скобелева⁴³, А. С. Шилиной⁴⁴. Помимо анализа данных, связанных с движением населения (естественного и механического прироста, убыли и т.д.) и его социально-экономическими показателями, был поднят вопрос о необходимости комплексного изучения, таких важных показателей как средний возраст населения Юго-Восточной Сибири, а также уровень демографического старения населения.

Исследование процессов, связанных с проведением административных преобразований на территории Юго-Восточной Сибири, представлено наиболее полно в отношении Забайкальской области. Научные труды, основанные на солидной базе документации, сохранившейся в фондах Государственного архива Республики Бурятия (далее – ГАРБ), освещают развитие самоуправления в среде бурятского населения, отражают специфические особенности замены местных институтов управления на общероссийские, действовавших в свою очередь в рамках единой для всей России волостной организации. В отношении Иркутской губернии, в рамках

⁴² Маншеев Д. М. Буряты в XIX В. : демографические процессы // Известия АлтГУ. 2010. № 4-2.

⁴³ Скобелев С. Г. Демография коренного населения Сибири: объективистское направление в дореволюционной отечественной историографии (материалы для учебного курса) // Вестник НГУ. Серия: История, филология, 2013. – №5.

⁴⁴ Шилина А. С. Население Восточной Сибири накануне и во время Первой мировой войны: гендерное соотношение // Вестник КрасГАУ. – 2015. – № 3.

изучения проблематики, связанной с проведением волостной реформы, вопрос требует дальнейшего изучения и более детальной проработки.

Таким образом, тематика имперской политики, как и в целом – империи, на протяжении длительного периода времени неизменно вызывает интерес не только среди историков, но и среди политологов, юристов, социологов и др. Все это время исследователи разных сфер пытаются осмыслить империю как феномен российской государственности. В каждый период представленного историографического обзора исследователями делался огромный и ценный вклад в развитие источниковой базы для правильного понимания проблем региональной политики уже в нашем XXI веке. Стоит отметить, что на современном этапе историографии управления Сибири, в исследовательских работах ракурс внимания смещается от центра к периферии, а вопросы управления империей рассматриваются через призму коренных народов, переживавших сложные процессы инкорпорирования в общероссийское административно-правовое, экономическое и социокультурное пространство. Важной особенностью современных работ является их свобода от идеологических штампов, что способствует всестороннему изучению и обмену полученными результатами не только на отечественном, но и на международном уровнях. Массив аналитической информации, дополненный и переосмысленный на разных промежутках времени, позволяет проследить динамику и эволюцию развития административно-территориальной политики в регионе, выявить общие и специфические черты управленческой практики государства, и с помощью компаративного анализа обеспечить максимально целостное исследование столь длительного процесса централизации, которое будет актуально еще долгое время.

Разработка **методологии и методики исследования** проводилась автором при учете объекта, предмета, целей и задач исследования. Диссертационная работа содержит методологическую концепцию в виде системы общих правил, принципов и научных подходов, которые в свою очередь, связаны с тематикой исследования. В настоящей работе методы

исследования рассматриваются как инструменты и конкретные приемы научно обоснованного исторического анализа.

Основой исследования являются фундаментальные принципы исторической науки: историзм и объективность. На их базе подобран и проанализирован с позиции исторической дистанции материал и литература по теме исследования. Кроме этого, с целью проведения первоначального анализа исторических событий, отраженных в исследовании, был использован метод нарратива, который освещает причинно-следственные связи и предваряет более детальное изучение ряда вопросов.

Метод компаративного анализа, используемый при разработке диссертационного исследования, предполагает комплексное сравнение и отражение наиболее ярких контрастов в таких элементах, как создание и развитие политических институций, проведение административных реформ, экономическое развитие, социально-демографические процессы и культурные особенности на протяжении разных временных периодов, характерных для разных территорий. Применение метода компаративного анализа позволило рассмотреть ряд вопросов, касающихся управленческой практики в отношении Сибири, сопоставить и проанализировать различные аспекты и результаты политических и реформаторских усилий в отношении региона в период правления Петра I, Александра I и Николая II, а также выявить общие тенденции и отличия в политической стратегии и практике каждого из представленных правителей. Например, в рамках исследования в качестве первоначального этапа инкорпорационных процессов в регионе представлены политические меры Петра I, направленные преимущественно на укрепление центральной власти на местах и защиты пограничных территорий. В период правления Александра I инкорпорационные процессы в отношении Сибири проходили в ключе «имперского регионализма», и были направлены на деконцентрацию власти в регионе. Окраинная политика проводилась с учетом региональных особенностей территории, социального и экономического уровня развития населения. По сути, существовавшие в Сибири в начале этого

этапа политические институты, которые уже не являлись своего рода «потестарными образованиями», как в период правления Петра I, органично адаптировались и включались в общероссийское правовое поле, что пришлось на период правления Александра I. Однако, изменившийся внутривластный курс, не без влияния геополитического фактора, правительственной политики, проводимой Александром III и окончательно оформившийся уже при Николае II, был направлен на жесткую централизацию власти на местах, что в свою очередь отразилось и на характере инкорпорационных процессов в регионе. Главной целью правительства стало окончательное включение региона в общероссийское пространство, уравнивание в правах и обязанностях коренного населения с русским, а также учреждение единой для всей России волостной организации, с соответствующей ей структурой управления. Таким образом, при применении метода компаративного анализа в настоящем исследовании важно учитывать контекстуальные особенности каждого периода, историческую документацию, явления, происходившие в процессе становления российской государственности, а также оценивать влияние этих явлений на характер и результаты окраинной политики. Проведенный анализ способствовал отражению в диссертационной работе более образного представления процессов централизации и децентрализации власти в регионе в разные периоды, характера этого длительного и противоречивого процесса, который, в свою очередь, зависел от генеральной идеологической линии внутренней политики Российского государства.

Важное место в работе занимают принципы междисциплинарного исследования. Например, междисциплинарный подход прослеживается при анализе и характеристике корпуса инородческих голов и родовых старшин, составлявших «элиту» инородческого общества, крестьянских и инородческих начальников как с точки зрения анализа исторической динамики и эволюции этих социальных групп, так и с точки зрения представления этих групп в политической структуре государства. В этой связи, в рамках исследования,

применялся просографический подход, который акцентирует внимание на некоторых биографических аспектах истории социальных групп, их трансформациях, взаимодействиях с другими группами, а также на изменениях ролей и идентичности. Другими словами, просографический подход предполагает детальное изучение индивидуальных жизненных путей представителей социальных групп, а также анализ их социального, экономического, политического и культурного контекста. Такой подход представляет возможность более глубокого понимания исторической динамики и эволюции социальных групп, их роли и значения в обществе, а также взаимосвязи с другими акторами и процессами.

Для анализа статистических данных, демонстрирующих различные аспекты состава населения, хозяйственной и экономической деятельности, использовался статистический метод. В рамках диссертационной работы использовались следующие инструменты статистического метода:

1. Сбор данных (качественный и количественный) включал в себя поиск исторических источников, архивных документов и других исторических материалов, сбор статистических показателей.

2. Классификация и категоризация данных проводилась по определенным критериям при учете взаимосвязи с поставленными перед исследователем целью и задачами.

3. Статистический анализ использовался непосредственно для выявления связей, зависимостей и различий между историческими переменными.

4. Интерпретация результатов представлена основными выводами по определенному кругу вопросов, связанным с тем или иным историческим контекстом.

Важно отметить, что статистический метод в исторических исследованиях требует осторожности и критического подхода. Это связано как с ограниченностью исторических данных, так и с наличием возможных методологических и/или фактических ошибок. Примером первому служит

тезис о «вымирании инородцев» в отечественной историографии, характерный для второй половины XIX в., который в последствии был опровергнут благодаря уточнению статистических показателей и расширению исследовательской базы. В связи с этим, необходимо учитывать особенности и ограничения статистического метода, исторический контекст исследуемого периода.

Таким образом, в рамках исследования использовались как общие (диалектика, индукция, дедукция, анализ, синтез), так и специальные методы (ретроспективный, статистический, сравнительно-исторический). С помощью диалектического метода с различных ракурсов внимания была рассмотрена разработка и реализация преобразований в интересующем нас регионе. Такой подход дал возможность объективно оценить рассматриваемые, в рамках исследовательской работы, события. При использовании индуктивного метода автором, на основе отдельных фактов, общегосударственных процессов и событий, были определены общие и отличительные тенденции. Метод дедуктивного познания был использован при анализе частных явлений в рамках общегосударственных процессов.

Научная новизна исследования заключается в представлении автором комплексного подхода в изучении процессов, связанных с разработкой и реализацией административных преобразований, нацеленных на распространение на территории Юго-Восточной Сибири единой для всей России волостной организации. В исследовании приводятся результаты междисциплинарного подхода в изучении проблемы. Так, на основе демографических данных выявлены такие региональные особенности как средний возраст населения Юго-Восточной Сибири, а также демографическое поведение населения. Не смотря на специфику выбранной тематики исследования, статистические материалы составили существенную часть в иллюстрации важнейших изменений в хозяйствовании, демографии и образе жизни коренного населения.

На базе широкого круга архивных документов проанализирован уровень состояния административных структур во вновь созданных в начале XX в. органах волостного управления и состояния делопроизводства последних. Важное место в настоящей работе занимает анализ нового института местной администрации – волостных старшин. Исследование характеристики последних показало ряд изменений в выстраивании корпоративных отношений в период кризиса империи. Если традиционной опорой российского правительства в проведении окраинной политики была лояльная к российскому правительству аристократическая верхушка бурятского общества, то в начале XX в., в обострившейся политической обстановке, эта «опора» стала рушиться, по разным причинам сопротивляясь проведению запланированных преобразований в регионе. Правительством было принято решение, в последствии, оказавшееся весьма неэффективным – принудительное назначение должностных лиц во вновь образованных волостных правлениях. Так, новые институции стали состоять преимущественно из незаинтересованных, с низким уровнем мотивации и вовлеченности, или, в некоторых случаях, даже антагонизирующих политическому курсу российского правительства служащих. Для этого были исследованы и представлены причины, специфические социокультурные условия, сложившиеся к началу XX в. в практике местного управления. Вниманию представляются материалы официальной корреспонденции, отражающие обострившийся конфликт между населением и административными служащими в период проведения преобразований на территории региона.

Кроме этого, в настоящей работе представлен такой немаловажный аспект проводимой политики действующего правительства, как инкорпорация коренного сибирского населения в социокультурное пространство Российской империи. Автором работы подробно дается определение дефиниции «социокультурное пространство», а также представляется видение конфессиональной политики через призму фронтальных исследований.

Источниковая база исследования состоит из следующих документов: законодательные акты, материалы официального делопроизводства, среди которых представлены приказы, распоряжения, протоколы заседаний, доклады и отчеты; статистические сборники и отчеты по демографическому, социально-экономическому состоянию региона, официальная корреспонденция, отчеты и документы, связанные с экспедициями и научными исследованиями Восточной Сибири в заявленный период, ревизионные отчеты и замечания.

Изучение процесса становления административной политики Российской империи на Юго-Восточных окраинах не представляется возможным без детального мониторинга этапов развития законодательства. Нормативно-правовые акты наглядно демонстрируют ключевые принципы в работе административно-правового механизма на уровне регионального управления. Благодаря скрупулезной работе М. М. Сперанского по кодификации законов Российской империи у современных авторов есть возможность через призму контент-анализа отразить общие и специфические черты нормативно-правовых актов начиная с XVII в. Особый интерес представляют законодательные акты в отношении «инородческого населения». После введения «Сибирского учреждения» в 1822 г. наиболее приоритетным направлением окраинной политики российского правительства помимо военной и экономической сферы стал процесс организации местного управления. Как отмечает Л. М. Дамешек, общее число законодательных актов, изданных за исследуемый период в отношении Сибири, равнялось 913, которые в свою очередь, согласно иерархии, подразделялись на высочайшие, именные и сенатские указы, постановления Комитета министров и т.д.⁴⁵. Из них 183 закона относится к области управления регионом, однако в рамках исследовательской работы были отобраны законы, в основном касающиеся административно-территориальной политики государства в регионе,

⁴⁵ Дамешек Л. М. Избранное : в 3 т. Т. 3 : Сибирские окраины Российской империи (XVIII – начало XX в.) / Л. М. Дамешек – Иркутск : Отгиск, 2018. – С. 228.

организации и упразднения властных институтов. Важное место в настоящей работе занимают законодательные акты 80-х гг. XIX – начала XX вв. Среди них стоит выделить группу законодательных актов, связанных с поземельным устройством крестьян и «инородцев»⁴⁶, а также группу актов, связанных с управлением и учреждением нового штата чиновников, именуемых «крестьянскими и инородческими начальниками»⁴⁷. Дополнительные указы, распоряжения, касающиеся более специфических вопросов управления представлены в фондах архивов Иркутской области и Республики Бурятия.

Весьма важной группой источников являются материалы официального делопроизводства, представленные архивными документами Канцелярии Иркутского генерал-губернатора⁴⁸, Главного управления Восточной Сибири (ГУВС)⁴⁹, Иркутского губернского управления⁵⁰ и Переселенческого управления⁵¹. Материалы, содержащиеся в архивных фондах Государственного архива Иркутской области (ГАИО) – уникальное собрание делопроизводственных документов региональной администрации Иркутской и Енисейской губерний, отражающие колоссальное количество аспектов управленческой региональной деятельности, интересующего нас периода.

Представляет интерес фонд 25, в котором содержится особо ценный документ – «Всепопданейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири графа А. П. Игнатьева за 1887-1889 гг.»⁵², в котором автор обстоятельно изложил текущее состояние административно-территориальной организации

⁴⁶ «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев...» / Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание третье : с 1 марта 1881 до конца 1913. – СПб. : Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – 48 т.: указ. Т. 16. № 12998; «Правила о порядке определения земельных наделов...» / там же, Т. 18. Ч. 1. № 15539; «Об утверждении границ земель...» / там же, Т. 21. Ч. 1. № 20125.

⁴⁷ «Временное положение о крестьянских начальниках» / Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание третье : с 1 марта 1881 до конца 1913. – СПб. : Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – 48 т.: указ. Т. 18. № 15503; «Временное положение об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области» / там же, Т. 21. Ч. 1. № 19984.

⁴⁸ ГАИО. Ф. 25.

⁴⁹ ГАИО. Ф. 24.

⁵⁰ ГАИО. Ф. 32.

⁵¹ ГАИО. Ф. 171.

⁵² ГАИО. Ф. 25. ОЦ. Д. 563.

и института местного управления. Помимо оценки актуальной ситуации в отчете генерал-губернатора были даны конкретные рекомендации и так называемая «дорожная карта» будущих преобразований в регионе. Выход данного документа можно рассматривать как точку отсчета начала «обрусительной» политики в отношении коренного населения, поскольку характер документа весьма полно отражает эту концепцию. Интересно отметить связанное с деятельностью генерал-губернатора дело, содержащееся в упомянутом фонде, именуемое «Об упразднении Степных дум в Иркутской и Енисейской губерниях и учреждении инородных управ»⁵³, в котором размещены Протоколы комиссии по организации общественного управления бурят Иркутской губернии, а также результаты обсуждений проектов наставлений инородческим управлениям и согласованности их со статьями «Сибирского учреждения».

В материалах архивного фонда 32 содержится дело «Об утверждении инородческих начальников»⁵⁴, в котором изложен большой массив информации, связанный с выбором должностных лиц. В многочисленных донесениях, занимающих более чем 250 листов, содержится информация о характере поведения, возрасте, языке и вероисповедании избираемых лиц. Кроме этого, присутствуют материалы, свидетельствующие о различных нарушениях в избирательном процессе, а также о недостойном поведении некоторых отдельных должностных лиц. Материалы дела позволили воссоздать социальный портрет представителей административной власти конца XIX в. в среде коренного населения интересующего нас региона.

Упомянув о превышении должностных обязанностей лиц, транслирующих интересы центральной власти в регионе, стоит отметить ряд вопиющих случаев некорректного поведения представителей власти в отношении коренного населения. Исследователем приведены отдельные ситуации, на его взгляд, отражающие грубые нарушения не только

⁵³ ГАИО. Ф. 25. ОЦ. Д. 574.

⁵⁴ ГАИО. Ф. 32. Оп. 14. Д. 35.

профессиональной этики, но и моральных принципов с точки зрения человеческих отношений. Так, уже в упомянутом фонде 25, в рамках дела «По жалобе инородцев Алятской волости Балаганского уезда...», обнаружены донесения, повествующие о действиях насильственного характера со стороны представителя власти, а также о его мошеннических мероприятиях в отношении коренных жителей⁵⁵. Интересно отметить, что многие ходатайства о правонарушениях не были удовлетворены.

В представленных в настоящей работе материалов архивного фонда 25 содержится важная информация о предложениях, связанных с решением аграрного вопроса, в частности решения такого острого вопроса, как межевания земель как конца XIX в., так и более позднего периода. Например, материалы по землеустройству коренного населения, в том числе предписание главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина, датированное январем 1908 г., об обязательном поземельном устройстве «инородцев» на равных условиях с крестьянами. В этом случае, указывалось, что ходатайства о несогласии с результатами землеустройства, или нежелании способствовать проведению работ строго отклонялись⁵⁶.

Таким образом, посредством опубликованных протоколов и общественных приговоров возможно отследить изменения в характере проведения преобразований в регионе и реакцию коренного населения на происходящие события, о чем свидетельствуют многочисленные прошения о приостановлении или полном отказе от принятия запланированных преобразований. Стоит отметить, что абсолютное большинство делопроизводственных документов, связанных с разработкой и реализацией политики в отношении коренного населения Сибири, не предполагалось для публикации. Поэтому характер этих материалов отражает психологические аспекты авторов источников – представителей центральной власти.

⁵⁵ ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. К. 891. Д. 2663.

⁵⁶ ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. К. 194. Д. 3671.

Особый интерес представляют делопроизводственные материалы «инородческих» органов управления, которые содержатся в фондах Государственного Архива Республики Бурятия (ГАРБ). Огромный массив документов регионального управления по языку делопроизводства можно разделить на две части: русский и старомонгольский. Например, Хоринская⁵⁷, Агинская⁵⁸ и частично Баргузинская⁵⁹ Степные думы использовали в делопроизводстве (почти все внутренние документы между Степными думами и родовыми управлениями, корреспонденция тайшей и зайсанов) старомонгольскую письменность. Однако, для взаимодействия с центральной администрацией, тем не менее, использовался русский язык. Материалы, собранные в процессе работы в ГАРБ, в настоящем исследовании так же можно разделить на две условные группы, отражающие эволюционные процессы административной организации: созданные в период существования Степных дум, и период после их упразднения.

Группа документов, связанных с деятельностью Степных дум, инородных управ и родовых управлений, содержащие протоколы выборов должностных лиц, сопровождаются подписями присутствовавших на заседаниях в Степной думе и инородных управах – представителей родов. Кроме этого, среди материалов были представлены многочисленные жалобы и прошения «инородцев», в связи с различными злоупотреблениями и превышением должностных полномочий родовых начальников.

Помимо материалов местного самоуправления, в исследовании представлены весьма важные делопроизводственные документы Крестьянских и инородческих начальников. Наиболее полно отражают аспекты административной организации на территории Забайкальской области собрания документов Крестьянских и инородческих начальников

⁵⁷ ГАРБ. Ф. 8.

⁵⁸ ГАРБ. Ф. 129.

⁵⁹ ГАРБ. Ф. 7.

следующих участков: 3-го участка Баргузинского уезда⁶⁰, 1-го⁶¹ и 4-го⁶² участка Верхнеудинского уезда, 3-го участка Селенгинского уезда⁶³. В этой группе документов содержатся уникальные материалы, связанные с состоянием делопроизводства в волостных органах управления в начале XX в., различные ревизионные отчеты по управлению на территории той или иной волости, а также об общем социально-экономическом состоянии населения. Кроме этого, большой исследовательский интерес представляют документы, отражающие персональные характеристики должностных лиц – их возраст, материальное положение, уровень грамотности и вероисповедание. Результаты работы исследования в этом ключе представлены в виде Таблиц 24 и 25 на основании материалов фондов 2 и 7⁶⁴ ГАРБ.

Помимо этого, в фондах архива содержится большое количество материалов, отражающих уровень лояльности, а чаще – нелояльности коренного населения к проведению преобразований в регионе. Здесь интересно отметить секретные циркуляры, поступившие на имя крестьянских и инородческих начальников о сохранении спокойствия, твердости и последовательности действий в проведении реформы среди населения и отражении его противостояний⁶⁵. Помимо этого, интересны материалы дела, связанные с назначением нового штата должностных лиц во вновь введенных волостных правлениях. Как правило, в новые органы назначались лица уже отслужившие, или имеющие незапятнанную репутацию. Бурятских чиновников, способствующих проведению преобразований в регионе представляли к государственным наградам⁶⁶.

Делопроизводственная переписка позволяет проследить, как менялся характер проведения административных реформ и какие предпринимались

⁶⁰ ГАРБ. Ф. 73.

⁶¹ ГАРБ. Ф. 78.

⁶² ГАРБ. Ф. 77.

⁶³ ГАРБ. Ф. 80

⁶⁴ ГАРБ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2211; там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2558; там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2394.

⁶⁵ ГАРБ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 37.

⁶⁶ ГАРБ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 6.

меры в разрешении наиболее острых и конфликтных ситуаций. Например, в деле «... о выборах и назначении должностных лиц по волости» размещена телеграмма под грифом «секретно» с разрешением ношения оружия в целях самообороны⁶⁷.

При подготовке настоящей работы использовались и статистические данные, представленные прежде всего в материалах Первой всеобщей переписи населения Российской империи⁶⁸, годовых погубернских Обзорах⁶⁹ и сборниках Центральных Статистических комитетов⁷⁰. Статистические данные помогли проиллюстрировать состояние экономического положения коренного населения Юго-Восточной Сибири на разных промежутках времени, демографическую структуру и демографическое поведение населения, как в региональном, так и в более узком срезе – по округам.

Широкое отражение «инородческий вопрос» получил на страницах центральной и местной периодической печати различных направлений. Отдельные публикации встречаются на страницах таких изданий как «Московские ведомости», «Гражданин», «Русское слово», а также на страницах региональных журналов и газет: «Сибирские записки», «Сибирский архив», «Сибирский земледелец», «Сибирь», «Восточное обозрение»,

⁶⁷ ГАРБ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 276

⁶⁸ Общий свод по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года: в 2 т. – Санкт-Петербург : Тип. Н. Л. Ныркина, 1905. – Т. 1.; Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.): [В 3-х т.]. - СПб., 1911 - 1912. – Т. 3 : Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. - 1912. – С. 434-999

⁶⁹ Обзор Енисейской губернии за 1908 год. – Красноярск, 1909; Обзор Енисейской губернии за 1911 год. – Красноярск, 1912; Обзор Иркутской губернии за 1908 год. – Иркутск: Губернская типография, 1910; Обзор Иркутской губернии за 1911 год. – Иркутск: Губернская типография, 1912; Обзор Забайкальской области за 1908 год. – Чита, 1909; Обзор Забайкальской области за 1911 год. – Чита, 1915; Обзор Якутской области за 1908 год. – Якутск: Типография Якутского областного правления, 1910; 133.Обзор Якутской области за 1911 год. – Якутск: Типография Якутского областного правления, [1913].

⁷⁰ Волости и населенные места 1893 года / [предисл.: дир. Центр. Стат. Комитета Н. Тройницкий ; картограф А.Н. Петровский]. – Санкт Петербург : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1893-1896. – Вып. 4: Иркутская губерния. – 1894; Волости и населенные места 1893-1896 гг. (Статистика Российской империи). – Вып. 8. Забайкальская область. – СПб., 1894.

«Епархиальные ведомости» и др. В основном вектор внимания статей был направлен на вопросы этнографического характера, затем шли тематики хозяйственного быта, деятельности христианских миссионеров и социальных отношений. Необходимо отметить, что исследованию периодической печати как источника по изучению народов Сибири посвящены отдельные труды таких авторов, как А. А. Кружалина⁷¹, А. В. Гимельштейна и Е. А. Сениной⁷².

Помимо этого, специфика данного исследования не ограничивается кругом одних лишь законодательных актов и делопроизводственных документов. Для комплексного изучения выбранной тематики необходимо привлечение источников личного происхождения, таких как воспоминания, записки или частная переписка. Прежде всего, эта группа источников отражает общие изменения в историческом контексте и их, зачастую, субъективную оценку, связанные с трансформацией образа жизни, изменениями в ментально-психологическом аспекте той или иной группы населения⁷³.

Таким образом, благодаря широкому кругу источников по изучению административной политики государства и смежных с этой тематикой областей, отражающих главные аспекты процесса инкорпорации коренного населения в общероссийское пространство, был проведен комплексный анализ мероприятий правительства, направленных на интеграцию региона в состав Российской империи. Учет специфики исследования обусловил

⁷¹ Кружалина, А. А. Национальный вопрос в общественном мнении сибиряков во второй половине XIX века: на материалах периодической печати : специальность 07.00.02 "Отечественная история" : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Кружалина Анастасия Алексеевна. – Иркутск, 2013. – 296 с.

⁷² Гимельштейн А.В., Дамешек Л.М., Сенина Е. А. Образ «инородцев» на страницах сибирской периодической печати. Вторая половина XIX в. – начало XX в. Иркутск. 2007. – 320 с.

⁷³ Кропоткин П. А. 4 января 1863 г., Чита. Письма из Восточной Сибири // Кропоткин П. А. Дневники разных лет / публ. и коммент. А. П. Лебедевой – Москва: Терра, 1992.; Медведев А. Посещение генерал-губернатором Восточной Сибири графом А. П. Игнатьевым Балаганского инородческого ведомства // Е.И.В. Прибавления. 1886. 22 февр. (№ 8); Майнов И. И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области / И. И. Майнов. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912.; Сборник статей, заметок и корреспонденций Н. П. Штейнфельда. 1888-1895 гг. – Казань : тип. Б. Л. Домбровского, 1896. – 136 с.

основной интерес автора настоящей работы прежде всего к законодательным актам Российской империи, а также документам официального делопроизводства следующих уровней: генерал-губернаторского, губернского и, особенно, местного. Автор выражает надежду, что с учетом трудов предшественников, ему удалось отразить в полной мере и с высокой степенью объективности результаты решения поставленных перед ним задач в рамках исследовательской работы.

Степень достоверности и апробации результатов исследования. Основные положения исследовательской работы отражены в 21 научной публикации, 6 из которых входят в список К1 и К2 Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Среди общего количества научных работ, 2 научные статьи опубликованы в издании Сибирского отделения Российской Академии наук в 2022 и в 2023 гг.

Диссертационное исследование было поддержано грантом Благотворительного фонда В. Потанина в 2020 г., а также грантами на проведение научно-исследовательской работы аспирантов и молодых сотрудников Иркутского государственного университета в 2021 и 2022 гг.

Основные результаты исследования были представлены на международных, всероссийских и всероссийских (с международным участием) научных конференциях в следующих городах: Томск (Томский государственный университет, 2019 г.), Барнаул (Алтайский государственный университет, 2019 г.), Новосибирск (Новосибирский государственный университет, 2020 г.), Иркутск (Иркутский государственный университет, 2019 г., 2020 г., 2021 г., 2022 г., Байкальский государственный университет, 2019 г.), Братск (Братский государственный университет, 2019 г.) и Якутск (Северо-Восточный Федеральный университет им. М. К. Аммосова, 2021 г.).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Выявлена несостоятельность существовавшей системы управления коренным населением, которая во второй половине XIX в. перестала отвечать актуальным запросам государства.
2. Освещены, основные тенденции готовящихся преобразований в регионе, которые затрагивали как политическую, экономическую, так и социокультурную сторону жизни коренного населения.
3. Рассмотрены главные проекты, которые получили законодательное оформление в отношении аграрного и административного устройства региона, направленные на ликвидацию старой административно-территориальной системы и введению новой, единой для всей России волостной организации. Кроме этого, отмечен изменившийся характер проведения преобразований и реакция населения на действия правительства.
4. Отмечены основные итоги реализации преобразований конца XIX – начала XX вв.

ГЛАВА 1. ЧИСЛЕННОСТЬ, РАССЕЛЕНИЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАРОДОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ. ЗНАЧЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО ФАКТОРА

1.1 Окраины и центры Юго-Восточной Сибири: расселение и национальный состав

Рубеж XV-XVI вв. в научной литературе рассматривается как период общего кризиса кочевой цивилизации. Этот период по времени совпал с завершением процесса централизации Российского государства. После установления господства на западных рубежах, вектор внешней политики, проводимой Иваном IV, был направлен на Восток. Это было связано как с политическими, так и с экономическими мотивами. Дело в том, что в этот период времени главной «валютой» государства являлась пушнина. За «мягкой рухлядью» отправлялись на другой край земли – в Сибирь. Путь к Сибири, в свою очередь, открывался через Казань, с покорением и присоединением которой в 1552 г., Московское государство впервые включило в свой состав, как отмечает исследователь А. Каппелер в своем труде: «... вполне суверенное государство с населением (татарским, чувашским, мордовским, марийским и удмуртским) и нехристианским (языческим/анимистическим и мусульманским) населением»⁷⁴. С этого момента Россия приняла статус полиэтнического и мультирелигиозного государства. В научной литературе существует справедливое мнение, что взятие Казани является отправной точкой дальнейшего расширения границ России⁷⁵.

⁷⁴ Каппелер А. Формирование Российской империи в XV – начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды / А. Каппелер // Российская империя в сравнительной перспективе : сб. ст. – Москва, 2004. – С. 98-101 с.

⁷⁵ Дамешек Л. М. Избранное : в 3 т. Т. 3 : Сибирские окраины Российской империи (XVIII – начало XX в.) / Л. М. Дамешек – Иркутск : Оттиск, 2018. – С. 76.

Процесс включения сибирской территории в единое пространство Российского государства начался в конце XVI в. и преследовал весьма долгосрочные цели. Присоединение территории не являлось только лишь военным закреплением новых территорий с последующим их хозяйственным освоением. В перспективе выстраивалось ментальное осмысление сибирской территории как Земли Русской – неотъемлемой части России, которая изменила ее географическое и историческое пространство. Основой для превращения Сибири в Россию в социокультурном плане явилось расселение русского православного элемента на восточных окраинах, формирование так называемой критической массы русского населения – этнодемографической основы государственной целостности.

На момент прихода русских в Сибирь ее огромная и, на первый взгляд, казавшаяся незаселенной территория была освоена местными народами – эвенками, тофаларами, бурятами. Последние, в свою очередь, являлись самой большой по численности и самой продвинутой в хозяйственном отношении народностью. Стоит отметить, что бурятские территории и проживавшие на них племена, в том виде, в котором их застали казачьи отряды, сформировались в результате сложных процессов этногенеза, смены мировых систем и центров. Появление в этом пространстве русских сформировало новый виток развития этнической истории бурят и послужило началом для новых демографических процессов.

В территориальном отношении бурятское население разделялось по отношению к озеру Байкал на предбайкальских (иркутских) и забайкальских. Согласно административному делению территории Восточной Сибири буряты проживали в Иркутской губернии и Забайкальской области соответственно. Две эти территории существенно отличались друг от друга в отношении климата и ландшафта, что в свою очередь отражалось на образе жизни, типах хозяйствования и ментальности бурят той или иной части этнической Бурятии.

Согласно административному делению, сложившемуся во второй половине XIX в., Иркутская губерния, равная ок. 639 тыс. кв. верстам или ок.

727 тыс. кв. км, и являвшейся территорией проживания предбайкальских бурят, состояла из пяти округов: Иркутский (г. Иркутск), Балаганский округ (г. Балаганск), Верхоленский округ (г. Верхоленск), Киренский округ (г. Киренск) и Нижнеудинский округ (г. Нижнеудинск). Согласно данным Первой всеобщей переписи Российской империи в 1897 г. на территории Иркутской губернии проживало 514 267 душ обоего пола (далее: душ об.п.). Численность населения по каждому отдельному округу представлена ниже (Таблица 1). Плотность населения при этом составляла 0,7 чел./кв. км. (подсчитано автором – К. С.).

Таблица 1

Общая численность населения Иркутской губернии в 1897 г.

Название округа	Численность населения		
	муж. п.	жен. п.	душ об.п.
Иркутский	85 041	78 058	163 099
Балаганский	76 687	69 004	145 691
Верхоленский	35 911	33 192	69 103
Киренский	29 281	26 175	55 456
Нижнеудинский	47 159	33 759	80 918
Итого:	274 079	240 188	514 267

Таблица составлена на основании данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи, 1897 г. по Иркутской губернии⁷⁶.

В свою очередь Забайкальская область, равная ок. 539 тыс. кв. верст или ок. 613 тыс. кв. км. разделялась на восемь округов: Читинский (г. Чита), Акшинский (г. Акша), Баргузинский (г. Баргузин), Верхнеудинский (г. Верхнеудинск), Нерчинский (г. Нерчинск), Нерчинско-Заводской (с. Нерчинско-Заводское), Селенгинский (г. Селенгинск), Троицкосавский (г. Троицкосавск). По материалам Первой всеобщей переписи Российской

⁷⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – LXXV : Иркутская губерния. – СПб. : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1904. С. 1.

империи в 1897 г. на территории Забайкальской области проживало 672 037 душ об.п. Численность населения по каждому отдельному округу представлена в Таблице 2. Плотность населения при этом составляла 1,1 чел. кв. км. (подсчитано автором – К. С.).

Таблица 2

Общая численность населения Забайкальской области в 1897 г.

Название округа	Численность населения		
	муж. п.	жен. п.	душ об.п.
Читинский	78 086	65 681	138 767
Акшинский	17 195	17 689	34 884
Баргузинский	13 135	12 339	25 474
Верхнеудинский	84 285	83 591	167 876
Нерчинский	49 409	44 925	94 334
Нерчинско-Заводской	38 696	37 041	75 737
Селенгинский	50 573	51 585	102 158
Троицкосавский	16 164	16 643	32 807
Итого:	347 543	329 494	642 517

Таблица составлена на основании данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи, 1897 г. по Забайкальской области⁷⁷.

Прежде всего стоит отметить, что коренное население Сибири, в результате установления в 1822 г. государственной и политической системы в регионе, имело трехступенчатую административную организацию – Степная дума, инородческая управа и родовое управление⁷⁸. Несмотря на то, что такая административно-хозяйственная единица как Степная дума согласно

⁷⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – LXXIV : Забайкальская область. – СПб. : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1904. С. 1.

⁷⁸ Высочайше утвержденный Устав – об управлении инородцев // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. – Санкт Петербург : Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Величества канцелярии, 1830. – 48 т.: указ. Т. 38, № 29126. – С. 394-407.

основным положениям «Устава об управлении инородцев» М. М. Сперанского предполагалась только для кочевого населения Забайкальской области. Однако в Предбайкалье, в виду ряда обстоятельств, они также существовали. На этой территории действовали следующие Степные думы: Балаганская, Идинская, Аларская, Кудинская, Верхоленская, Ольхонская, и Тункинская. В Забайкалье вели свою работу Кударинская, Баргузинская, Селенгинская и Хоринская Степные думы.

На основе статистических материалов Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ), улан-удэнский исследователь Д. М. Маншеев в своем труде приводит следующие данные по общей численности населения Предбайкалья и Забайкалья в 1842 г. На обеих территориях проживало ревизских душ (далее: р. д.): из бурят численностью в 93 673 р. д. (44 %), из которых числилось 90 642 р. д., ведущих кочевой образ жизни и 3031 р. д., ведущих оседлый образ жизни⁷⁹.

В отношении численности населения в первой половине XIX в. в Предбайкалье и Забайкалье, Д. М. Маншеев отмечает, что русского населения на обеих территориях насчитывалось 117 052 р. д. (56 %). Отдельно в Предбайкалье проживало 45 505 р. д. бурятского населения (42,6 %) и 61 240 р. д. русского населения (57,7 %). В Забайкалье в первой половине XIX в. наблюдалась примерно похожая картина: 48 168 р.д. (46,3 %) бурятского населения и 55 812 р.д. (53,7 %) – русского⁸⁰.

В связи с продолжавшейся переселенческой политикой государства ко второй половине XIX в. преобладание русского населения существенно возросло. По данным исследования Л. М. Горюшкина, опубликованным в монографии «Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900 – 1917 гг.)», в период с 1886-1895 гг. в Сибирь из центральной части России

⁷⁹ Маншеев Д. М. Буряты в XIX В. : демографические процессы // Известия АлтГУ. 2010. № 4-2. С. 148.

⁸⁰ Там же.

ежегодно переселялось свыше 39 тыс. человек⁸¹. Для сравнения динамики русского и коренного населения Сибири в XIX в. интересно обратиться к сравнительной таблице иркутского исследователя Л. М. Дамешека (Таблица 3). Здесь в процентном соотношении приведен рост численности русского населения, который в первой половине XIX в. составил около 100 %, в середине века – около 160 %, и в конце столетия – около 355 %. По сравнению с демографической ситуацией в среде коренного населения, наибольший разрыв в численности русского и коренного населения пришелся на конец столетия, когда в процентном соотношении рост численности коренного населения уменьшился примерно в половину.

Таблица 3

Динамика русского и коренного населения Сибири в XIX в.

(тыс. душ м.п.).

Год	русское население			коренное население			всего		
	чел.	%	рост в %	чел.	%	рост в %	чел.	%	рост в %
1816	651	74,74	100	220	25,26	100	871	100	100
1858	1041	786,77	159,9	315	23,23	143,1	1356	100	155,6
1897	2310	84,87	354,8	413	15,13	187,2	2723	100	312,6

Таблица составлена на основе материалов, представленных в работе иркутского исследователя Л. М. Дамешека⁸².

При изучении численности населения на той или иной территории необходимо учитывать специфику природно-климатических условий, ландшафта и особенностей миграционных процессов, проходивших на определенной территории. Кроме этого, внутри каждой отдельной территории

⁸¹ Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). – Новосибирск: Наука, 1976. – С. 116.

⁸² Дамешек Л. М. Избранное в 3 т. Т. 1 / Л. М. Дамешек. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.) – Иркутск: Оттиск, 2018. – С. 442.

в Предбайкалье и Забайкалье варьировалось и количественное соотношение кочевого и оседлого населения. Тот или иной тип хозяйствования напрямую был связан как с местом обитания коренного населения, так и со степенью интенсивности их коммуникации с русским населением. Анализируя представленные в настоящей работе количественные показатели, можно отметить, что бурятское население проживало преимущественно в Балаганском (39,9 %), Иркутском (37,1 %) и Верхоленском (40 %) округах. В Киренском округе бурятского населения, согласно представленной ниже Таблице 4, почти не было, а большинство населения, проживавшего в этом округе, являлось русским.

Таблица 4

Соотношение русского крестьянского и бурятского населения
на территории Иркутской губернии в 1897 г.

Название округа	Русское крестьянское население		Бурятское население		Всего	
	душ об. п.	%	душ об. п.	%	душ об. п.	%
Иркутский	65 007	62,9	30 476	37,1	82 002	100
Балаганский	77 483	60,1	51 517	39,9	129 000	100
Верхоленский	36 496	59,8	24 553	40,2	61 049	100
Киренский	42 932	99,9	68	0,1	43 000	100
Нижнеудинский	57 752	97,5	1524	2,5	59 276	100
Всего:	279 670	72,2	108 118	27,8	387 788	100

Таблица составлена на основании данных Первой всеобщей переписи населения Иркутской губернии в 1897 г.⁸³ % подсчитаны автором.

В Забайкалье бурятское население проживало в основном на территории Селенгинского (57,9 %), Баргузинского (57,3 %) и Читинского (46,9 %) округов. В свою очередь, бурятское население отсутствовало почти полностью на территории Нерчинского и Нерчинско-Заводского округов, где русские

⁸³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – LXXV : Иркутская губерния. – СПб. : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1904. – С. 156-165.

составляли около 100%. Соотношение коренного крестьянского и бурятского населения на территории Забайкальской области представлено в Таблице 5.

Таблица 5

Соотношение русского и коренного населения в Забайкальской области
в 1897 г. (душ м. п.)

Название округа	Русское крестьянское население		Бурятское население		Всего	
	душ об. п.	%	душ об. п.	%	душ об. п.	%
Читинский	44 084	53,1	38 938	46,9	83 022	100
Акшинский	1510	59,9	1012	40,1	2522	100
Баргузинский	8514	42,7	11 422	57,3	19 936	100
Верхнеудинский	99 927	65,5	52 700	34,5	152 627	100
Нерченский	8251	96,6	292	3,4	8543	100
Нерчинско-Заводской	25 457	95,5	125	0,5	25 582	100
Селенгинский	33 731	42,1	46 436	57,9	80 167	100
Троицкосавский	544	71,7	215	28,3	759	100
Всего:	222 018	59,5	151 140	40,5	373 158	100

Таблица составлена на основании данных Первой всеобщей переписи населения Забайкальской области в 1897 г.⁸⁴ % подсчитаны автором.

Таким образом, представляется, что территории Юго-Восточной Сибири по степени заселенности не были однородными – внутри них имелись свои густонаселенные центры и слабо населенные окраины. Дифференцированный подход в изучении демографической составляющей региона позволяет представить и проанализировать количественные данные на территории каждого отдельного округа как в Иркутской губернии, так и в Забайкальской области.

⁸⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – LXXIV : Забайкальская область. – СПб. : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1904. – С. 162-175.

Иркутская губерния

Иркутский округ.

Во второй половине XIX в. Иркутский округ занимал территорию в размере 68 594 кв. верст или около 78060 кв. км. Среди округов Иркутской губернии по размеру площади одноименный округ занимал третье место. Согласно Первой всеобщей переписи населения Иркутской губернии в 1897 г. на территории Иркутского округа (без учета городского населения) проживало 163 099 чел. об. п. Плотность населения составляла 2 чел./кв. км. Похожая по размеру территория. В течение десятилетнего периода численность населения округа выросла до 10,3 %. Общая динамика за 1880-1890 гг. представлена в Таблице 6.

Таблица 6

Рост численности населения в Иркутском округе в 1880-1890 гг.

Год	Численность населения		
	муж. п.	жен. п.	об. п.
1880	46 757	43 059	89 816
1881	47 358	43 391	90 749
1882	46 966	43 469	90 435
1883	48 758	44 465	92 222
1884	48 344	34 703	93 047
1885	47 930	44 287	92 217
1886	-	-	-
1887	50 361	46 594	96 955
1888	51 812	47 242	99 054
1889	52 550	47 950	100 500
1890	51 209	47 863	99 072

Таблица составлена на основании материалов Центрального статистического комитета МВД (1893-1896 гг.)⁸⁵.

⁸⁵ Волости и населенные места 1893 года / [предисл.: дир. Центр. Стат. Комитета Н. Тройницкий ; картограф А.Н. Петровский]. – Санкт Петербург : издание Центрального

На территории Иркутского округа к концу XIX в. вели свою работу 6 инородческих ведомств, 3 родовых управлений, 10 волостей и 2 Инородные управы – Торская и Харибятская⁸⁶. Соотношение русского крестьянского и бурятского населения на территории Балаганского округа представлено в Таблице 4.

Балаганский округ.

Во второй половине XIX в. Балаганский округ занимал территорию в размере 37 315,1 кв. верст или около 42 464,6 кв. км. Среди округов Иркутской губернии по размеру площади округ занимал пятое место. По данным Первой всеобщей переписи населения Иркутской губернии в 1897 г. на территории округа проживало всего 145 691 чел. об. п. Плотность населения составляла 3,4 чел./кв. км. В Центральной России похожую по размеру площадь занимали Виленская губерния (36 826,3 кв. верст или 41 908,3 кв. км.) с населением 1 591 207 чел. об. п.⁸⁷, где плотность равнялась приблизительно 37,4 чел./кв. км. (подсчитано автором – К. С.), и Рязанская губерния (36 844,7 кв. верст или 41 929,2 кв. км.) с населением 1 802 196 чел. об. п.⁸⁸, где плотность населения равнялась 43,4 чел./кв. км. (подсчитано автором – К. С.).

В течение 10 лет второй половины XIX в. численность населения возросла на 14 181 чел., т. е. годовой прирост населения составлял 12,5 %. Динамика роста населения на территории Балаганского округа представлена в Таблице 7.

статистического комитета Министерства внутренних дел, 1893-1896. – Вып. 4: Иркутская губерния. – 1894. – С. 23, 35-36.

⁸⁶ Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. (На основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) / С. Патканов. – Санкт-Петербург : Тип. «Ш. Буссель», 1912. – Т. 3 : Иркутская губерния, Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. – 433-1004 с. – (Записки Императорского Русского Географического общества по отделению статистики ; Т. 11, вып. 3). – С. 438-439.

⁸⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – IV : Виленская губерния : тетрадь 3 (последняя). – 1904. – Санкт-Петербург : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1904. – С. 2.

⁸⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – XXXV : Рязанская губерния. – 1904. – Санкт-Петербург : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1904. – С. 1.

Рост численности населения Балаганского округа в 1880-1890 гг.

Год	Численность населения		
	чел. муж.п.	чел. жен. п.	чел. об. п.
1880	58 373	55 398	113 771
1881	60 096	56 607	116 703
1882	59 967	56 277	116 244
1883	61 289	57 372	118 661
1884	72 780	58 604	121 384
1885	63 039	58 853	121 892
1886	-	-	-
1887	64 332	59 575	123 817
1888	64 708	59 814	124 522
1889	66 304	60 657	126 961
1890	66 379	61 573	127 952

Таблица составлена на основании материалов Центрального статистического комитета МВД (1893-1896 гг.)⁸⁹.

На территории Балаганского округа располагалось 12 инородческих ведомств и 12 волостей⁹⁰. В результате сложившихся обстоятельств, которые привели к некорректному функционированию органов местного самоуправления, о чем говорится в настоящей работе в Параграфе 3.2 «Народы Сибири в правовом поле империи (конец XIX – начало XX вв.): концепты, законы, практика», на территории Балаганского округа до 1899 г. вела свою работу Балаганская Степная дума. После ее упразднения была учреждена Балаганская инородная управа. Соотношение русского крестьянского и бурятского населения на территории Балаганского округа представлено в Таблице 4. По статистическим данным Переселенческого управления

⁸⁹ Волости и населенные места 1893 года... – Вып. 4: Иркутская губерния. – 1894. – С. 23, 35-36.

⁹⁰ Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири... Т. 3. – С. 462-263.

Главного управления землеустройства и земледелия, к 1911 г. численность населения Балаганского округа составила 196 125 д. об. п.⁹¹, что говорит о дальнейшем росте населения.

После изменения административного статуса на «уезд» в 1898 г. и последовавшего в 1924 г. полного упразднения, территория получила статус Балаганского района, который известен на сегодняшний день. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в 2020 г. размер территории Балаганского района составил 6347, 22 кв. км.

Верхоленский округ.

Во второй половине XIX в. Верхоленский округ располагался на территории размером 65 667,3 кв. верст или около 74 729,3 кв. км. Среди округов Иркутской губернии по размеру площади округ занимал предпоследнее место. По данным Первой всеобщей переписи населения Иркутской губернии в 1897 г. на территории Верхоленского округа всего проживало 69 103 чел. об. п. Плотность населения составляла 0,9 чел./кв. км. В Центральной России похожую по размеру площадь занимали Волынская (63 037 кв. верст или 71 736.1 кв. км.) с населением 2 989 482 чел. об. п.⁹², где плотность равнялась приблизительно 41,6 чел./кв. км. (подсчитано автором – К. С.), и Херсонская губернии (63 213 кв. верст или 71 936.3 кв. км.) с населением 2 733 612 чел. об. п.⁹³, где плотность населения равнялась 37,9 чел./кв. км. (подсчитано автором – К. С.).

В течение 10 лет второй половины XIX в. численность населения возросла на 4 800 чел., т. е. годовой прирост населения составил 8,3 %. Динамика роста населения на территории Верхоленского округа представлена в Таблице 8.

Таблица 8

⁹¹ Турчанинов Н. В. Население Азиатской России : стат. очерк / Н. В. Турчанинов // Азиатская Россия. – Санкт-Петербург, 1914. – Т. 1 : Люди и порядки за Уралом. – С. 89.

⁹² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – VIII : Волынская губерния. – 1904. – Санкт-Петербург : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1904. – С. 1.

⁹³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – XLVII : Херсонская губерния. – 1904. – Санкт-Петербург : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1904. – С. 1.

Рост численности населения Верхоленского округа в 1880-1890 гг.

Год	Численность населения		
	чел. муж.п.	чел. жен. п.	чел. об. п.
1880	29 696	28 059	57 755
1881	29 555	28 100	57 655
1882	29 304	28 008	57 312
1883	29 839	28 306	58 145
1884	29 810	28 461	58 271
1885	29 739	28 296	58 055
1886	-	-	-
1887	29 819	28 241	58 060
1888	30 124	28 255	58 379
1889	30 808	28 759	59 567
1890	32 445	30 110	62 555

Таблица составлена на основании материалов Центрального статистического комитета МВД (1893-1896 гг.)⁹⁴.

На территории Верхоленского округа по данным исследователя С. К. Патканова, располагалось 11 инородческих ведомств и 5 волостей⁹⁵. Как и в случае с Балаганским округом, в результате некорректного функционирования местных органов власти, на территории Верхоленского округа до 1903 г. работала Агинская Степная дума. После ее упразднения были учреждены Агинская и Цугольская инородческие волости. Соотношение русского крестьянского и бурятского населения на территории Балаганского округа представлено в Таблице 4.

В 1897 г. статус округа был изменен на «уезд». С приходом Советской власти Верхоленский уезд был упразднен. Сегодня территория известна под

⁹⁴ Волости и населенные места 1893 года... – Вып. 4: Иркутская губерния. – 1894. – С. 23, 35-36.

⁹⁵ Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири... Т. 3. – С. 502-503.

названием Качугского района Иркутской области. Размер территории, по данным Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области на 2020 г. равен 31395,42 кв. км.

Киренский округ.

Во второй половине XIX в. Верхолениский округ располагался на территории размером 359 798,2 кв. верст или около 409 450,3 кв. км. Среди округов Иркутской губернии это был самый большой по площади округ. Согласно статистическим данным Первой всеобщей переписи населения Иркутской губернии в 1897 г. на территории Киренского округа всего проживало 55 456 чел. об. п. Плотность населения была весьма низкой и составляла 0,1 чел./кв. км.

В течение 10 лет второй половины XIX в. численность населения возросла на 6 690 чел., т. е. годовой прирост населения составил 16,9 %. Динамика роста населения на территории Киренского округа представлена в Таблице 9.

Таблица 9

Рост численности населения Киренского округа в 1880-1890 гг.

Год	Численность населения		
	чел. муж.п.	чел. жен. п.	чел. об. п.
1880	20 594	18 870	39 464
1881	21 187	19 381	40 568
1882	21 861	19 576	41 437
1883	21 749	19 680	41 429
1884	22 052	20 132	42 184
1885	22 700	20 610	43 310
1886	-	-	-
1887	22 510	20 507	43 017
1888	22 614	20 502	43 116

1889	22 957	20 843	43 800
1890	24 547	21 607	46 154

Таблица составлена на основании материалов
Центрального статистического комитета МВД (1893-1896 гг.)⁹⁶.

На территории Киренского округа по данным исследователя С. К. Патканова, располагалось 6 инородческих ведомств, 12 волостей и 1 родовое управление⁹⁷. Соотношение русского крестьянского и бурятского населения на территории Киренского округа представлено в Таблице 4.

В конце 1920-х гг. Киренский округ был упразднен. Сегодня территория носит другой административный статус и известна как Киренский район Иркутской области. Размер территории, по данным Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области на 2020 г. равен 43 904,7 кв. км.

Нижнеудинский округ.

Во второй половине XIX в. Нижнеудинский округ являлся вторым по величине в Иркутской губернии. Размер его территории составлял 106 823,6 кв. верст или около 121 565,2 кв. км. По данным Первой всеобщей переписи населения Иркутской губернии в 1897 г. на территории округа проживало всего 80 918 чел. об. п. Плотность населения составляла 0,6 чел./кв. км.

В течение 10 лет второй половины XIX в. численность населения Нижнеудинского округа возросла на 3 018 чел., т. е. годовой прирост населения составил 7 %. Динамика роста населения на территории округа представлена в Таблице 10.

Таблица 10

Рост численности населения Нижнеудинского округа в 1880-1890 гг.

Год	Численность населения
-----	-----------------------

⁹⁶ Волости и населенные места 1893 года... – Вып. 4: Иркутская губерния. – 1894. – С. 23, 35-36.

⁹⁷ Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири... Т. 3. – С. 528-529.

	чел. муж.п.	чел. жен. п.	чел. об. п.
1880	22 212	20 879	43 091
1881	22 223	20 933	43 156
1882	22 772	21 593	44 367
1883	23 268	22 035	45 303
1884	24 100	22 677	46 777
1885	23 915	22 330	46 245
1886	-	-	-
1887	25 251	22 495	47 746
1888	26 220	22 449	48 669
1889	27 714	23 163	50 877
1890	23 356	22 766	46 112

Таблица составлена на основании материалов
Центрального статистического комитета МВД (1893-1896 гг.)⁹⁸.

На территории Нижнеудинского округа располагалось 1 кочевье коренного малочисленного населения Сибири – карагасов (тофаларов) и 6 волостей⁹⁹. Соотношение русского крестьянского и бурятского населения на территории Балаганского округа представлено в Таблице 4.

С приходом Советской власти Нижнеудинский уезд был переименован в Тулунский уезд (г. Тулун) и разделен на 5 районов, среди которых: Братский, Куйтунский, Нижнеилимский, Нижнеудинский и Тулунский. Однако к концу 1920-х гг. Тулунский уезд был упразднен полностью, а его территория вошла в состав Тулунского округа Сибирского края. Сегодня территория известна как Нижнеудинский район в составе Иркутской области. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области, в 2020 г. размер территории составил 49 969,06 кв. км.

⁹⁸ Волости и населенные места 1893 года... – Вып. 4: Иркутская губерния. – 1894. – С. 23, 35-36.

⁹⁹ Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири... Т. 3. – С. 538-539.

Забайкальская область

Читинский округ.

Согласно данным Центральной статистической комиссии МВД, размер территории Читинского округа к концу XIX в. был равен 101 219 кв. верст или 115 187,2 кв. км. без учета внутренних вод¹⁰⁰. Среди округов Забайкальской области Читинский округ по размеру площади занимал третье место. На территории Читинского округа в январе 1894 г. насчитывалось 128 596 д. об. п.¹⁰¹ Следовательно, плотность населения равнялась 1,1 чел./кв. км. Если обратиться к этим же данным, представленным в Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., то можно отметить, что спустя три года, численность населения увеличилась и составила 138 767 д. об. п., вместе с этим весьма незначительно увеличилась и плотность населения до 1,2 чел./кв. км. Соотношение мужского и женского населения в округе представлено в Таблице 2. В соотношении русского крестьянского и бурятского населения, можно отметить, что в процентном соотношении русское крестьянское население на территории округа составляло 53,1 %, а бурятское – 46,9 %. Данные по количественным и процентным показателям состава населения на территориях других округов Забайкальской области представлены в Таблице 5.

На территории Читинского округа свою работу вели Агинская и Урульгинская Степные думы. Согласно данным Центральной статистической комиссии МВД¹⁰², в ведение Агинской Степной думы входили 7 инородных управ: Бырке-Цугайская, Калининская, Моготуевская, Тургинская, Тухтолтуевская, Цугольская и Шелотуевская. Кроме этого, в пространстве Агинской Степной думы существовало 41 село, 9 волостей, 4 станowych

¹⁰⁰ Волости и населенные места 1893-1896 гг. (Статистика Российской империи). – Вып. 8. Забайкальская область. – СПб., 1894. – С. 1.

¹⁰¹ Там же. С. 32.

¹⁰² Там же. С. 77-83.

обществ и 1 отдельное сельское общество¹⁰³. В ведомство Урульгинской Степной думы входило 6 инородных управ: Куржетаевская, Маньковская, Оловская, Онгоцанская, Урульгинская и Шундуйская, а также две волости: Усть-Илинская и Чиронская. Стоит отметить, что Урульгинская Степная дума была единственной в своем роде тунгусской Степной думой и включала в себя так называемых конных тунгусов, а также бродячих ороchon Восточного Забайкалья¹⁰⁴.

В ходе проведения волостной реформы в начале XX в., на территории Агинской Степной думы были учреждены две волости – Цугольская и Агинская. Урульгинская Степная дума была ликвидирована в 1901 г. С приходом советской власти в начале 1920-х гг. Читинский округ был реорганизован в Читинский уезд, и просуществовал в таком статусе до 1926 г. В настоящее время на месте Читинского уезда располагаются порайонные г. Чите территории в составе Забайкальского края.

Акшинский округ.

По данным Центральной статистической комиссии МВД, размер территории Акшинского округа к концу XIX в. был равен 32 372 кв. верст или 36 893,3 кв. км. без учета внутренних вод¹⁰⁵. По площади территории среди других округов Забайкальской области Акшинский округ не являлся особенно крупным и занимал пятое место. Однако при сравнении с размерами территорий Европейской части России, Акшинский округ был приблизительно схож по размеру площади с Ярославской губернией, которая в свою очередь составляла 31 296 кв. версты или 35 615 кв. км. Численность населения этой территории в 1897 г. составляла 1 071 355 д. об. п.¹⁰⁶. Соответственно плотность населения была равна 30 чел./ кв. км. (подсчитано

¹⁰³ Дамешек Л. М. Бурятский этнос в имперской системе власти XIX – начало XX вв. : монография / Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. – Иркутск : Оттиск, 2020. – С. 275.

¹⁰⁴ Там же. С. 276.

¹⁰⁵ Волости и населенные места... – Вып. 8. Забайкальская область. – С. 1.

¹⁰⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Л : Ярославская губерния. – СПб. : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1904. С. 1.

автором – К. С.) На момент работы статистической комиссии в 1894 г. в Акшинском округе проживало 29 809 д. об. п.¹⁰⁷. Через три года, на момент проведения Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. на территории Акшинского округа проживало 34 884 д. об. п.¹⁰⁸ Здесь так же наблюдается относительно небольшой прирост населения. Если в 1894 г. плотность населения составляла 0,8 чел./кв. км., то в 1897 г. она составила 1 чел./кв. км. Сопоставление мужского и женского населения в округе представлено в Таблице 2. Процентное соотношение русского крестьянского и бурятского населения в округе выглядело следующим образом: русские крестьяне составляли 59,9 %, бурятское население – 40,1 %. Для сравнения этих данных по Акшинскому округу с другими округами интересно обратиться к Таблице 5.

На территории округа действовали 12 становых обществ, в каждом из которых в среднем находилось по 5-6 населенных пунктов – поселков и станиц. В начале XX в. округ получил статус уезда, а с приходом советской власти был ликвидирован. В настоящий момент округ носит название Акшинский муниципальный район в составе Забайкальского края.

Баргузинский округ.

Размер территории Баргузинского округа к концу XIX в. составлял 138 291 кв. верст или 157 375,1 кв. км. без учета внутренних вод¹⁰⁹. По размеру пространства среди округов Забайкальской области Баргузинский округ являлся самым большим. В сравнении с территориями Центральной части России, размер округа был приблизительно сопоставим с размером Самарской губернии, занимавшей в этот период 136 713,5 кв. верст¹¹⁰ или 155 579,9 кв. км. (подсчитано автором – К. С.). Численность населения этой территории по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

¹⁰⁷ Волости и населенные места... – Вып. 8. Забайкальская область. – С. 32.

¹⁰⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – LXXIV : Забайкальская область. – СПб. : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1904. С. 1.

¹⁰⁹ Волости и населенные места... – Вып. 8. Забайкальская область. – С. 1.

¹¹⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – XXXVI : Самарская губерния. – СПб. : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1904. С. 1.

была равна 2 751 336 д. об. п. Плотность населения в этот период составляла 17,7 чел./кв. км. (подсчитано автором – К. С.). В свою очередь численность населения Баргузинского округа по данным Центрального статистического комитета Российской империи в 1894 г. составляла 22 085 д. об. п. Плотность населения территории равнялась 0,1 чел./кв. км. Гендерное соотношение по материалам Переписи представлено в Таблице 2. Кроме этого, стоит учесть и соотношение русского крестьянского к бурятскому населению, которое составляло 42,7 % к 57,3 % соответственно. Отметим, что Баргузинский округ, наравне с Селенгинским являлись округами с преимущественной численностью бурятского населения над русским.

На территории Баргузинского округа свою работу вели Баргузинская Степная дума, два отдельных сельских общества: Верхнеангарское и Горячинское, а также одна Читканская волость¹¹¹. В начале XX в. статус округа был изменен на уезд, а в начале 1920-х гг. преобразован в Баргузинский аймак. Сегодня округ существует в качестве Баргузинского района в составе Республики Бурятия Российской Федерации. Размер территории в настоящее время составляет 18 533 кв. км.

Верхнеудинский округ.

Размер территории Верхнеудинского округа к концу XIX в. составлял 104 514 кв. верст или 118 936,9 кв. км. без учета внутренних вод¹¹². По величине эта территория занимала второе место среди округов Забайкальской области. В сравнении с территориями Центральной части России размер пространства Верхнеудинского округа сопоставимо с размером Новгородской губернии, которая на момент проведения Первой всеобщей переписи составляла 104 163,4 кв. версты или 118 537,9 кв. км.¹¹³. Наличного населения на данной территории числилось 1 367 022 д. об. п., что составляло плотность населения: 11,5 чел./кв. км. (подсчитано автором – К. С.). Что касается

¹¹¹ Волости и населенные места... – Вып. 8. Забайкальская область. – С. 13-15.

¹¹² Там же. С. 2.

¹¹³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – XXVI : Новгородская губерния. Тетрадь I. – СПб. : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1904. С. 1.

численности населения Верхнеудинского округа, то в 1894 г. она составляла 154 059 д. об. п. Следовательно, плотность населения была равна 1,2 чел./кв. км. (подсчитано автором – К. С.). К 1897 г. плотность населения увеличилась до 1,4 при численности 167 876 д. об. п. (подсчитано автором – К. С.). Соотношение критериев по половому признаку представлено в Таблице 2. Процентное соотношение русского крестьянского и бурятского населения в округе выглядело следующим образом: русские крестьяне составляли 65,5 %, бурятское население – 34,5 %. Эти же данные по остальным округам Забайкальской области приведены в Таблице 5.

На территории Верхнеудинского округа свою работу вели Хоринская Степная дума, 20 волостей и единственное отдельное общество – Укыршенуйское. Как и остальные округа Забайкальской области в начале XX в. был преобразован в уезд. С 1930-х гг. известен как Тарбагатайский район в составе Республики Бурятия Российской Федерации. Площадь современной территории равняется 3304 кв. км.

Нерчинский и Нерчинско-Заводский округа.

По данным Центральной статистической комиссии Российской империи, в конце XIX в. размер территории Нерчинского округа составлял 96 461 кв. верст или 109 772,6 кв. км. (подсчитано автором – К. С.). Численность населения по данным 1894 г. составляла 141 659 д. об. п.¹¹⁴. Соответственно плотность населения в этот период составляла примерно 1,2 чел./кв. км. (подсчитано автором – К. С.). Если обратиться к данным, представленным в сводной Таблице 11, увидим, что данные по Нерчинско-Заводскому округу отсутствуют. Кроме этого, стоит обратить внимание, что в 1897 г. численность населения по Нерчинскому округу существенно снижена по сравнению с 1894 г., в то время как во всех остальных округах существовала тенденция к стабильному прибавлению численности населения.

Таблица 11

Соотношение численности населения в округах Забайкальской области

¹¹⁴ Волости и населенные места... – Вып. 8. Забайкальская область. – С. 32.

(в 1894 и 1897 гг.)

Название округа	1894			1897		
	муж. п.	жен. п.	об. п.	муж. п.	жен. п.	об. п.
Читинский	69 966	58 630	128 596	73 086	65 681	138 767
Акшинский	15 331	14 478	29 809	17 195	17 689	34 884
Баргузинский	11 338	10 747	22 085	13 135	12 339	25 474
Верхнеудинский	79 592	74 467	154 059	84 285	83 591	167 876
Нерчинский	72 344	69 315	141 659	49 409	44 925	94 334
Нерчинско-Заводской	-	-	-	38 696	37 041	75 737
Селенгинский	50 277	48 383	98 660	50 573	51 585	102 158
Троицкосавкий	15 667	14 420	30 087	16 164	16 643	32 807
Всего:	314 515	290 440	604 953	342 543	329 494	672 037

Таблица составлена на основании материалов Центрального статистического комитета МВД (1893-1896 гг.)¹¹⁵; Первой всеобщей переписи населения Российской империи (1897 г.) по Забайкальской области¹¹⁶.

Автор настоящей работы предполагает, что 1894 г. численность по Нерчинскому и Нерчинско-Заводскому округу в этом случае была посчитана суммарно. Единственные количественные данные конца 1890-х гг. (до Первой всеобщей переписи), которыми мы располагаем, представлены в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, в котором говорится о том, что к 1896 г. численность Нерчинско-Заводского округа равнялась 67 889 д. об. п., из которых 34 982 д. муж. п. и 32 907 д. жен. п.¹¹⁷. Тот же источник говорит о том, что к 1896 г. на территории Нерчинского округ к 1896 г. насчитывалось 76 807 д. об. п., а сама территория округа равнялась 38 181 кв.

¹¹⁵ Там же. С. 32.

¹¹⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – LXXIV : Забайкальская область. – СПб. : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1904. С. 1.

¹¹⁷ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том ХХА (40). Наказный атаман — Неясыти. – Санкт-Петербург. – 1897. – С. 912-913.

в. Для наглядности данных по этим двум округам, представим численность населения и размер территории в Таблице 12.

Таблица 12

Соотношение численности и размера территорий Нерчинского
и Нерчинско-Заводского округов (в 1896 и в 1897 гг.)

Название округа	S, кв. в.	1896		
		муж. п.	жен. п.	об. п.
Нерчинский	38 181	39 115	37 692	76 807
Нерчинско-Заводский	86 401	34 982	32 907	67 889

Таблица составлена на основании материалов
Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (1897 г.)¹¹⁸.

Селенгинский округ.

Размер территории Селенгинского округа к концу XIX в. составлял 30 305 кв. верст или 34 487 кв. км. без учета внутренних вод. По величине эта территория была самой компактной среди округов Забайкальской области. Однако в сравнении с территориями Центральной части России, один только Селенгинский округ занимал пространство, по размеру равное территории целой Московской губернии, которая в свою очередь в 1897 г. была равна 29 236,4 кв. в. или 33 271 кв. км., с численностью 2 430 581 д. об. п., половина которого приходилось на городских жителей¹¹⁹.

На территории Селенгинского округа, по данным Центральной статистической комиссии Российской империи в 1894 г., проживало 98 660 д. об. п. Однако уже в 1897 г. этот показатель вырос до 102 158 д. об. п. Плотность населения, в первом случае составляла 2,8 чел./кв. км., а во втором – 2,9 чел./кв. км. Селенгинский округ считался самой густонаселенной территорией в Забайкальской области. Процентное соотношение русского

¹¹⁸ Там же. С. 912-913, 914-915.

¹¹⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – XXIV : Московская губерния. – СПб. : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1905. С. 1.

крестьянского и бурятского населения было в пользу последних. Если крестьянское население округа составляло 42,1 %, то бурятское – 57,9 %.

На территории Селенгинского округа свою деятельность вели Кударинская и Селенгинская Степные думы, инородные управы: Арматская, Закаменская и Цонгольская, а также 8 волостей и других более мелких административных образований. В первые годы XX в. округ был переименован в уезд. В 1920-х гг. уезд был ликвидирован, а его территория была включена в Бурят-Монгольскую автономную область Дальневосточной республики. В настоящее время территория известна как Селенгинский район в составе Республики Бурятия Российской Федерации. Площадь современной территории равно 8 259,3 кв. км.

Троицкосавский округ.

По данным Центральной статистической комиссии МВД, размер территории Троицкосавского округа к концу XIX в. был равен 19 175 кв. верст или 21 821.1 кв. км. (подсчитано автором – К. С.) без учета внутренних вод¹²⁰. Численность округа в 1894 г. составляла 30 087 д. об. п., соответственно плотность населения была равна 1,3 чел./кв. км. (подсчитано автором – К. С.). Согласно данным Первой всеобщей переписи, в 1897 г. численность населения увеличилась до 32 807 д. об. п.¹²¹, что также, как и в ряде других округов Забайкальской области говорит о постепенном, хотя и не высоком увеличении численности населения. На территории Троицкосавского округа русское крестьянское население по численности преобладало бурятское – 71,7 % к 28,3 % соответственно, количественные данные приведены в Таблице 5. Однако стоит учитывать, что крупнейшим сословием на этой территории являлись войсковые казаки, чье присутствие, по материалам Первой всеобщей переписи оценивается в 23 961 д. об. п.

¹²⁰ Волости и населенные места... – Вып. 8. Забайкальская область. – С. 2.

¹²¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – LXXIV : Забайкальская область. – СПб. : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1904. С. 1.

На территории Троицкосавского округа в этот период располагалось 11 станичных обществ Забайкальского казачьего войска¹²². В первые годы XX в. округ был переименован в уезд, а в 1920-х гг. после ликвидации Троицкосавского уезда, его территория частично вошла в состав Бурят-Монгольской автономной области. Сегодня эта территория известна как Кяхтинский район в составе Республики Бурятия Российской Федерации, и занимает площадь, равную 4 663,2 кв. км.

Таким образом, на протяжении всего рассматриваемого периода, исходя из представленных в настоящей работе данных, отмечается постоянный рост численности коренного населения в округах как Иркутской губернии, так и Забайкальской области. Если проанализировать более широкий диапазон времени, например, с конца XVIII до конца XIX вв., то видим, что в течение целого столетия с 1795 по 1897 гг. численность коренного населения Сибири увеличилась более чем в два раза. Согласно подсчетам иркутских и улан-удэнских исследователей, представленных в труде «Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX – начало XX вв.)», численность коренного населения в течение этого периода увеличилась с 183 тыс. д.м.п. до 413 тыс. д.м.п.¹²³. Кроме этого, в указанных в параграфе таблицах можно отметить, что численность мужского и женского населения в разные промежутки времени была примерно одинакова, без каких-либо экстремальных разрывов.

На территории Сибири самой многочисленной народностью являлись буряты, численность которых по подсчетам исследователя Л. М. Дамешека «... составляла 288,6 тыс. (более 35 % от всей численности коренного населения), следующими по численности являлись якуты – 226,7 тыс. (27,5%), за ними следовали алтае-саянские народы (тюркские ветви) – 108,8 тыс. (13,2 %)»¹²⁴. Существовали и малые коренные народы, например, такие как, тофалары,

¹²² Волости и населенные места... – Вып. 8. Забайкальская область. – С. 45-47.

¹²³ Дамешек Л. М. Бурятский этнос в имперской системе власти XIX – начало XX вв. : монография / Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. – Иркутск : Оттиск, 2020. – С. 184.

¹²⁴ Дамешек Л. М. Избранное : в 3 т. Т. 1 : Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.) / Л. М. Дамешек. – Иркутск : Оттиск, 2018. – С. 443.

компактно проживающие на границе Нижнеудинского и Иркутского округов. Их численность составляла не более 400 человек.

Так же стоит отметить существенные изменения в динамике миграционного процесса населения в рамках указанного периода. Интенсивный приток преимущественно русского населения к концу XIX в. зафиксировался отметкой 2,3 млн. (на конец XVIII в. численность русского населения в Сибири составляла 412 тыс. душ м.п.). В то же время, по данным исследователя Л. М. Дамешека «... вес коренного населения сократился в два раза – с 30 % в 1795 г. до 15 % в 1897 г.»¹²⁵. Тем не менее, внутри этнических групп наблюдался регулярный прирост населения, который в свою очередь не был однороден по ряду исторических, географических и климатических причин. В разных местностях увеличение численности коренного населения проходило в своем, характерном для каждой отдельной территории, темпе. Например, отмечается, что наиболее динамичный рост коренного населения был зафиксирован в Иркутской губернии, где с 1795 по 1897 гг. его число увеличилось со 127 тыс. душ. м. п. до 309 тыс. душ м. п. соответственно, т. е. в 2,4 раза¹²⁶. В качестве сравнения, представим данные по территориям Западной Сибири, где в этот же период численность коренного населения в Томской губернии возросла в 2 раза, а в Тобольской – 1,6 раз¹²⁷.

Такому сложному и весьма многогранному процессу как рост численности населения способствовал целый комплекс сложившихся обстоятельств. Среди них можно выделить, по мнению автора, наиболее значимые: интенсивное распространение среди коренного населения земледелия, и, как следствие, повсеместный переход к оседлому образу жизни; тесные контакты коренного с русским крестьянским населением; а также интеграционная политика российского правительства, направленная на вовлечение сибирской территории в общероссийское правовое поле. Не

¹²⁵ Дамешек Л. М. Избранное в 3 т. Т. 2 / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек. Сибирь в системе имперского регионализма (1822-1917 гг.) – Иркутск: Оттиск, 2018. – С. 319.

¹²⁶ Дамешек Л. М. Бурятский этнос в имперской системе власти... С. 184

¹²⁷ Там же. С. 185.

смотря на положительную динамику численности населения, о чем нам сообщают представленные в параграфе Таблицы 3, 6-10, 12, тем не менее существовали и факторы, ограничивающие более высокий рост численности населения. Например, эпизодические неурожаи, периодически вспыхивавшие эпидемии и эпизоотии, низкий уровень медицинского обслуживания, фискальная политика государства, обострявшаяся в разные периоды времени.

1.2 Динамика народонаселения Юго-Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв.

В результате сложного и противоречивого процесса вхождения в общероссийское правовое поле, к концу XIX в. Сибирь получила свое окончательное территориальное оформление, став неотъемлемой частью Российской империи. К 1914 г. Российское государство представляло собой территорию колоссального размера – общей площадью 22,7 млн. кв. км. (вместе с Финляндией и Польшей), занимавшую две части света Европу и Азию. Включение в состав империи разных по своему политическому и экономическому развитию, социокультурному уровню территорий обусловили длительное сосуществование многочисленных народов, различных в этническом, конфессиональном и ментальном отношении. В начале XX в. на территории России насчитывалось около 200 больших и малых народов, вместе составлявших многонациональную империю. Так, к 1915 г. первое место по численности занимали русские – 44,6 %, затем следовали украинцы – 18,1 %, далее поляки – 4,2 %, евреи и белорусы – 4 %¹²⁸.

Как образно отметил в одном из своих трудов уже упомянутый нами исследователь Л. М. Дамешек: «... одной из величайших территорий, которую когда-либо осваивал человек за всю свою историю, была Сибирь»¹²⁹.

¹²⁸ Дамешек Л. М. Этнический фактор окраинной политики империи в региональном измерении: сибирский вариант (XVIII-XX вв.) : монография / Л. М. Дамешек. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2022. – С. 53.

¹²⁹ Там же, С. 4.

Подтверждение этому легко обнаружить в официальном издании «Азиатской России», посвященному 300-летию юбилею Дома Романовых, в котором говорится о том, что сибирская территория в первой четверти XIX в. занимала 15 102 727 кв. версты (или 17 186 903.3 кв. км) вместе с внутренними водами и островами, что составляло 75,7 % от общей территории страны¹³⁰. В свою очередь, территория Европейской России располагалась на гораздо меньшей площади (24,3 %), равной 4 846 088 кв. версты (или 5 515 675.4 кв. км.). Кроме этого, интересно обратить внимание на сравнение в территориальном отношении некоторых сибирских губерний с размерами территорий стран Западной Европы: «... взять для примера Томскую губернию или Забайкальскую область, то Франция, Германия, Испания окажутся меньше. Мелкие же государства Европы – меньше отдельных сибирских уездов...»¹³¹.

Представляя такую обширную территорию, как Сибирь важно учитывать не только многообразие природно-климатических зон, но и этническое многообразие народов. Поскольку вместе с присоединением восточных территорий, происходил столь важный процесс инкорпорации в общероссийское пространство коренного населения, проживавшего на этих территориях. Для православных народов, проживавших преимущественно на Западе от России, войти в Империю удавалось значительно проще, нежели чем носителям иных вероисповеданий, иной культуры.

Для того, чтобы иметь представление о таких компонентах как интеграция окраинных этносов, их адаптация к новым условиям, в рамках интересующей нас территории – Юго-Восточной Сибири, необходимо составить полную демографическую картину с учетом ее специфических особенностей. Одной из таких особенностей является крайне неравномерное распределение населения, о чем подробно изложено в предыдущем параграфе (см. 1.1 Окраины и центры Юго-Восточной Сибири: расселение и

¹³⁰ Цветков М. А. Пространство и границы Азиатской России // Азиатская Россия, Т. 1. Люди и порядки за Уралом. – Санкт-Петербург, 1914. – С. 39.

¹³¹ Там же. С. 43-44.

национальный состав). Однако здесь стоит еще раз упомянуть, что в ходе расселения важную роль играли миграционные процессы, проходившие на определенной территории, тесное соседство преимущественно с русским крестьянским населением, а также правительственные мероприятия, направленные на тотальное сближение коренного населения с русским. Важно учесть, что для носителей нехристианских вероисповеданий, конфессиональный фактор имел особое значение – остро ощущалась чужеродность в православном государстве, в то время как «христианизация» с позиции государства рассматривалась как один из главных инструментов насаждения «русскости».

Еще одной важной особенностью в представлении демографических процессов являлся тот факт, что большинство населения Юго-Восточной Сибири проживало в сельской местности. По мнению автора, это было связано прежде всего с экономическими задачами правительства – формирование мощной продовольственной базы на Востоке. Сибирские города, некогда носившие функции военно-административных центров, к началу XIX в. все больше ориентировались на развитие промышленно-торговых функций. Стоит отметить, что процесс инкорпорации коренного населения в общероссийское пространство наряду с экономическими интересами, также преследовал цель формирования единой ментальности коренного населения с русским. Здесь особая роль отводилась православному крестьянину-земледельцу, который по образному высказыванию Л. М. Дамешека: «... должен был духовно сплотить империю, научить сибирского «инородца» не только пахать, косить, строить дома, но и даже молиться, и думать по-русски»¹³².

В результате тысячелетних стихийно складывавшихся этногенетических и миграционных процессов, к XIX в. на территории Сибири оформился ряд постоянно проживающих аборигенных племен. Суммарные сведения о национальном составе населения, проживавшего на рубеже XIX – первой

¹³² Дамешек Л. М. Избранное... Т. 2. – С. 323.

четверти XX вв. на территории Юго-Восточной Сибири наиболее полно отражены в статистических материалах «Азиатской России». Стоит отметить, что согласно официальному источнику, историческое деление Сибири состояло из 4 губерний: Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская, и 2 областей: Забайкальская и Якутская. При этом, Тобольская и Томская губернии относились к Западной Сибири, а все остальные территории – к Восточной¹³³. Согласно подсчетам по материалам источника, на территории Восточной Сибири к 1911 г. проживало 2 861 937 д. об. п., в то время как во всей Сибири насчитывалось 8 510 922 д. об. п. (подсчитано автором – К. С.). Исходя из этого, результаты анализа данных свидетельствуют о том, что на рубеже XIX-XX вв. самой многочисленной группой окраинного коренного населения на территории Восточной Сибири являлись буряты (11,6 %). Далее, по числу представителей этнических групп следовали якуты (8,6 %), сибирские татары (2,1 %), эвенки, алтае-саянские народы (тюркские ветви) и т. д. Русское население на территории Восточной Сибири к этому моменту составляло абсолютное большинство – 72,4 %. Численность и национальный состав региона представлен в Таблице 13.

Таблица 13

Численность и национальный состав населения
Восточной Сибири к 1911 г.

Губерния, область	Русские (д.об.п.)	Буряты (д.об.п.)	Эвенки (д.об.п.)	Якуты (д.об.п.)	Алтае- саянск., тюркс.ветви (доб.п.)	Сибирские татары (д.об.п.)
Енисейская	875 000	-	3276	2 064	14 159	48 496
Иркутская	588 148	127 852	2 614	3 166	-	7 474
Забайкальская	590 645	204 131	39 593	-	-	2 936
Якутская	18 035	-	12 930	240 614	-	1 278

Таблица составлена на основании статистических материалов, представленных в таблицах «Азиатской России» Т. 1. Санкт-Петербург,

¹³³ Цветков М. А. Пространство и границы Азиатской России // Азиатская Россия, Т. 1. Люди и порядки за Уралом. – Санкт-Петербург, 1914. – С. 44.

1914¹³⁴. Некоторые малые народы, не превышающие 1000 чел., в таблице не учитываются.

Важным аспектом в представлении демографических процессов на той или иной территории является отражение динамики численности населения. Здесь уместно обратиться к исследованиям В. И. Пронина, который отмечал, что во второй половине XIX в. население Сибири росло в одинаковом темпе с населением Европейской России: «... в Сибири оно увеличилось в течение 1863-1885 гг. на 34,2 %, в Европейской России – на 33,6 %»¹³⁵. Однако, с середины 1880-х гг. в динамике населения Сибири наблюдались качественные изменения следующего характера. Дело в том, что в указанный период в центральной части России наметилась тенденция к снижению прироста населения, в то время как в Сибири прирост населения неизменно увеличивался: если в 1863-1870 гг. этот показатель составлял 1,27 %, то в период 1890-1897 гг. – 2,62 %¹³⁶. Сравнительные данные по среднегодовому приросту населения на территориях Сибири представлены в Таблице 14.

Таблица 14

Среднегодовой прирост населения Сибири (в %)

Годы	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Всего по Сибири
1863-1870	1,40	1,07	1,27
1870-1875	1,65	1,08	1,42
1875-1880	1,98	0,87	1,52
1880-1885	1,90	1,12	1,58
1885-1890	2,36	1,28	1,94
1890-1897	2,80	2,30	2,62

¹³⁴ Турчанинов Н. В. Население Азиатской России: стат. очерк // Азиатская Россия, Т. 1. Люди и порядки за Уралом. – Санкт-Петербург, 1914. – С. 82-85.

¹³⁵ Пронин В. И. Население Сибири за 50 лет (1863—1913 гг.) / В. И. Пронин // История СССР. – 1981. – № 4. – С. 55.

¹³⁶ Там же, С. 55-56.

Таблица составлена на основании данных В. И. Прониной
Население Сибири за 50 лет (1863—1913 гг.)
// История СССР. – 1981. – № 4¹³⁷.

Стоит отметить, что тенденция к увеличению численности прослеживается отнюдь не у всех народностей и этнографических групп коренного населения. В то время как к XX в. численность бурят возросла примерно в 10,6 раз, якутов – 7,9, алтае-саянских народов – 6,5, татар – 3,1; по сведениям исследователя Б. О. Долгих к этому времени численность юкагиров, ительменов, энцев значительно уменьшилась. В исследованиях известных авторов второй половины XIX в., поддерживавших областнические идеи, был распространен тезис о вымирании «инородцев», в связи с сокращением их численности в следствии присоединения их к России. Однако, этот тезис справедлив далеко не во всех случаях. Например, советский ученый Л. М. Горюшкин на основании статистических материалов пришел к выводу, что как такового «вымирания» в среде «инородцев» не было. Скорее всего, наличие этого неоднозначного тезиса было связано с особенностями окраинной политики российского правительства, которая, по замечанию автора, тем не менее была лояльнее, чем политика других стран в испанских или португальских колониях¹³⁸. Задолго до исследований Л. М. Горюшкина, на этот факт так же обращали внимание и другие авторы. Например, И. Н. Березин и В. В. Григорьев в своих трудах весьма высоко оценивали последствия для народов Азии (в том числе и народов Сибири), связанные с их инкорпорацией в Российское пространство¹³⁹. По замечанию авторов, в отличии от характера испанской, французской и английской колонизации, в вопросе освоения новых территорий российское правительство, по крайней мере на первых порах, действовало с позиции патернализма по отношению к

¹³⁷ Там же, С. 58

¹³⁸ Бурятский этнос в имперской системе власти... – С. 47.

¹³⁹ Скобелев С. Г. Демография коренного населения Сибири: объективистское направление в дореволюционной отечественной историографии (материалы для учебного курса) // Вестник НГУ. Серия: История, филология, 2013. – №5. – С. 8.

коренному населению, выстраивая при этом уникальную систему взаимоотношений с окраинными территориями.

Известный этнограф Д. А. Клеменц в одном из своих трудов отмечал, что если вымирание и имеет место, то в среде «наименее культурных племен», таких как юкагиры, остяки и частично тунгусы. Однако наиболее продвинутое в экономическом плане племена как сибирские татары, буряты и якуты определенно растут в своей численности. Кроме этого, Д. А. Клеменц отмечал высокий уровень ассимиляции коренного населения с русским: «Есть целые селения, и довольно значительных размеров, которые считаются ясачными, а вместе с тем они живут совершенно по-русски, и давным-давно уже забыли свой родной язык»¹⁴⁰. В совместном труде исследователей П. Е. Кузнецовой и А. А. Кулакова содержатся статистические данные подтверждающие, что «... минусинские и ачинские татары отнюдь не принадлежат к вымирающим инородцам», в свою очередь, прирост населения в среде коренных жителей шел скачкообразным образом, в основном под влиянием русского населения и распространения земледелия¹⁴¹.

Здесь, также стоит отметить и трехтомный фундаментальный труд исследователя-демографа С. К. Патканова, в котором на базе статистических данных Первой переписи населения Российской империи 1897 г. был показан весьма значительный прирост коренного населения¹⁴². Кроме этого, стоит также отметить еще один важный труд упомянутого исследователя, в котором отмечается, что с интенсивностью земледельческого производства, «... достигнув этой последней, высшей для сибирских инородцев, степени культурного развития, они начинают вести более спокойную и по большей части более обеспеченную жизнь, и, как правило, быстро увеличивается в

¹⁴⁰ Клеменц Д. А. Население Сибири // Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды. – Санкт-Петербург, 1908. – С. 78.

¹⁴¹ Кузнецова А. А., Кулаков П. Е. Минусинские и ачинские инородцы (материалы для изучения). Красноярск: Тип. Енисейск. губерн. управления, 1897. – С. 12-13.

¹⁴² Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири... Т. 3.

числе»¹⁴³. Однако Патканов не отрицает, что некоторые племена, в частности, ведущие бродячий образ жизни, подвержены исчезновению по разным на то причинам: эпидемиологические заболевания и низкий уровень или вовсе отсутствие медицинского обслуживания, неблагоприятные условия быта, высокая степень эксплуатации (например, в период существования Российско-Американской компании) и т. д. В отношении ассимиляции, Патканов отмечал, что многие аборигенные племена в результате влияния своих ближайших соседей – русского населения, усваивают себе их образ жизни, постепенно сливаясь с ними и ассимилируясь¹⁴⁴.

О существенной роли процессов миграции и ассимиляции, которые усиливались по мере возрастания на территории Сибири числа русского населения, так же упоминает в своих трудах исследователь Л. М. Дамешек¹⁴⁵. Кроме этого, автор, ссылаясь на труды Н. Н. Козьмина, отмечает, что в вопросе «вымирания» коренного населения, количественные данные в сторону уменьшения не всегда играли главную роль, «... племенная группа, утратившая язык, костюм, обычаи предков, считается вымершей»¹⁴⁶. Если рассматривать распространение русского языка в среде коренного населения как маркер этнической ассимиляции, то на основании данных по материалам Первой всеобщей переписи 1897 г. видим следующую картину. Из числа всех «инородцев» Иркутской губернии только 1,8 % (2 130 из 115 858 душ об. п.)¹⁴⁷ признали русский язык родным (% подсчитан автором – К. С.). В Забайкальской области из числа всех «инородцев» только 0,8 % (1 412 из 184 046 душ об. п.)¹⁴⁸ назвали родным языком – русский (% подсчитан автором

¹⁴³ Патканов С. К. О приросте инородческого населения Сибири / С. Патканов. – Санкт-Петербург : Тип. «Т-ва Андерсона и Лойцянского», 1909. – 58 с. – Отд. оттиск из «Ежегодника России 1908». – С. 172-173.

¹⁴⁴ Патканов С. К. О приросте инородческого населения Сибири... С. 173.

¹⁴⁵ Дамешек Л. М. Избранное... Т. 1. – С. 118.

¹⁴⁶ Там же. С. 116.

¹⁴⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – LXXV : Иркутская губерния. – СПб. : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1904. – С. 154-155.

¹⁴⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – LXXIV : Забайкальская область. – СПб. : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1904. С. 156.

– К. С.). Согласно подсчетам С. К. Патканова на территории Восточной Сибири русский язык в качестве родного признавали следующие этнические группы: вогулы (манси) – 29,4 %; тунгусы (Читинского округа Забайкальской области) – 69,2 % (без учета ороchon); юкагиры – 24 %; буряты Иркутской губернии – 12,5 % и буряты Забайкальской области – 5,2 %, якуты – 0,1 %¹⁴⁹.

Таким образом, из представленных данных можно сделать вывод о том, что усилившийся во второй половине XIX в. процесс миграции, повлекший за собой изменения привычных условий жизни для большинства этнических групп, а также многолетнее плотное соседство аборигенного населения, с носителями иного образа жизни, зачастую с более продвинутым уровнем хозяйствования, в целом внесли ощутимые коррективы в социально-демографическую структуру общества Юго-Восточной Сибири к концу XIX – началу XX вв.

Как уже отмечалось ранее, одной из особенностей демографических процессов, проходивших на территории Юго-Восточной Сибири, являлся тот факт, что большинство населения региона проживало в сельской местности. Прежде всего, это было связано с исторически сложившимся типом хозяйствования и образом жизни коренного населения: преобладание сельского хозяйства (скотоводство, земледелие) над другими видами хозяйственной деятельности (охота, рыболовство). Распределение городского и сельского «инородческого» населения в регионе представлено в Таблице 15. Согласно официальным данным, в городах Восточной Сибири проживало только 8,4 % всего населения. Из них на долю «инородческого населения», проживавшего в городах, приходилось лишь 1,1 %. Стоит отметить, что в свою очередь, к 1897 г. основная масса сельского населения состояла из следующих категорий населения: старожилы (38,6 %), казаки (4,5 %), переселенцы (27,4 %), коренное население (29,5 %) ¹⁵⁰.

Таблица 15

¹⁴⁹ Патканов С. К. О приросте инородческого населения Сибири... С. 173.

¹⁵⁰ Дамешек Л.М. Избранное... Т. 1. – С. 445

Соотношение городского и сельского населения
Восточной Сибири в 1897 г. (душ об. п.)

	Енисейская губ.	Иркутская губ.	Забайкальская обл.	Якутская обл.
В городах	338	541	1 749	3 838
В уездах	49 727	115 820	210 850	231 785
Всего:	50 065	116 361	212 599	235 623

Таблица составлена на основании статистических материалов,
представленных в издании «Азиатской России» Т. 1.
Санкт-Петербург, 1914¹⁵¹.

В целом, представляется возможным сопоставить удельный вес городского населения во второй половине XIX в. в Сибири и Европейской части России, когда оба этих показателя находились на уровне 10 %. Однако уже к началу XX в. это соотношение изменилось. Дело в том, что поток переселенцев в Сибирь был направлен преимущественно в районы сельской местности. Поэтому, если в центральной части России в 1900 г. удельный вес городского населения вырос до 12 %, то в Сибири, наоборот, снизился до 8 %. Накануне Первой мировой войны эти показатели выглядели следующим образом: городское население Европейской России составляло 27 %, в Сибири – 13 %¹⁵².

Возросший уровень присутствия русского крестьянского элемента в сельской местности Юго-Восточной Сибири в корне изменил этно-демографическую картину азиатской периферии, что вполне отвечало основным направлениям внутренней политики Российской империи. В свою очередь, окраинная политика российского правительства была направлена на решение стратегической задачи – усиление политического единства империи, что вполне достигалось за счет хозяйственного освоения Сибири русским

¹⁵¹ Турчанинов Н. В. Население Азиатской России: стат. очерк // Азиатская Россия, Т. 1. Люди и порядки за Уралом. – Санкт-Петербург, 1914. – С. 86.

¹⁵² Дамешек Л. М. Избранное... Т. 2. – С. 118.

крестьянином, и последующей полной интеграции окраин в единое экономическое и социокультурное пространство. По мнению исследователя дореволюционной эпохи А. И. Термена, посредством общей культуры, поддержания экономических интересов на окраинах «... создается плотность, которая в силах противостоять наступающим извне элементам, и, подобно “встречному палу”, остановить вторжение в пределы России интересов соседних государств»¹⁵³.

Социально-экономическая сфера, как правило, тесно сопряжена с демографической. Так, с середины 1880-х гг. в динамике населения Сибири произошел ряд существенных сдвигов качественного характера. Например, если в Европейской России к этому периоду наметилась тенденция к снижению прироста населения, то в Сибири – наоборот, к увеличению. Исследователь В. И. Пронин в своем труде обращает внимание на два периода, отражавших наиболее яркие демографические изменения: с 1863 – по 1885 гг., когда прирост населения происходил по возрастающей прямой, преимущественно за счет естественного прироста; и с 1885 – по 1897 гг., когда этот процесс происходил по возрастающей кривой, где пик подъема приходился на 1890-е гг., что говорит о наличии как естественного, так и механического прироста¹⁵⁴. На основании данных губернских статистических комитетов и административно-полицейских исчислений, которые как источник, по мнению автора, считались наиболее достоверными в вопросах определения общей численности населения, динамика населения во второй половине XIX в. выглядела следующим образом. В 1880-1885-х гг. ежегодный прирост населения в Сибири составлял 1,5 %; в 1885-1890-х гг. – 1,94 %; в 1890-1897-х гг. – 2,62 %. Изменения численности населения на промежуточных этапах второй половины XIX в. представлены в Таблице 16.

¹⁵³ Термен А. И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области : очерки и впечатления / А. И. Термен. – Санкт-Петербург : Тип. М-ва внутр. дел, 1912. – С. 128.

¹⁵⁴ Пронин В. И. Население Сибири за 50 лет... С. 57.

Население Сибири с 1870 по 1890 гг. (тыс. душ об. п.)

Год	Западная Сибирь		Восточная Сибирь				Итого по Сибири
	Томская губ.	Тобольская губ.	Енисейская губ.	Иркутская губ.	Забайкальск. обл.	Якутская обл.	
1870	837,0	1086,8	372,9	374,8	430,8	232,0	3334,3
1875	933,5	1151,2	409,8	385,8	461,1	231,2	3572,6
1880	1057,6	1234,0	418,7	400,8	489,7	243,4	3844,2
1890	1396,1	1411,7	461,0	444,9	580,2	257,8	4551,7

Таблица приведена на основании материалов, представленных в труде В. И. Пронина¹⁵⁵.

Стоит отметить, что в динамике населения Западной и Восточной Сибири имелись свои отличительные особенности. Дело в том, что население Восточной Сибири росло крайне медленно вплоть до 1880-х гг., а средний пророст его был ниже, чем в целом по стране. В свою очередь, Западная Сибирь, еще задолго до открытия железной дороги, имела такой темп прироста населения, который Восточная Сибирь приобрела лишь в последнее десятилетие XIX в.

На протяжении всего XIX в. генеральной демографической тенденцией являлся рост численности коренного населения Сибири. Например, с 1816 (начало проведения VII ревизии) по 1897 гг. этот показатель увеличился почти в 1,5 раза – с 437 124 душ об. п. до 614 648 душ. об. п., т. е. увеличение составило 40,6 % (подсчитано автором – К. С.). Однако, не стоит забывать, что на фоне интенсивного притока русского населения, удельный вес коренного снизился с 30 % в 1795 г. до 15 % в 1897 г.¹⁵⁶. По данным Л. М. Дамешека, наиболее быстрыми темпами проходил рост коренного населения в Иркутской губернии – с 1795 по 1897 гг. показатель увеличился в 2,4; следующими по темпу роста коренного населения были Томская (в 2 раза) и Тобольская (в 1,6

¹⁵⁵ Там же. С. 57.

¹⁵⁶ Бурятский этнос в имперской системе власти... С. 184.

раз) губернии¹⁵⁷. Также, отметим, в течение 50 лет после реформ 1860-х гг. население в стране естественным путем удваивалось: за период с 1863 по 1913 гг. с 61,2 до 121,8 млн. человек. В свою очередь, в Сибири за этот же промежуток времени, население почти утроилось в числе, увеличившись примерно на 5,9 млн., из которых 3,6 млн. прибавилось только за 1897-1913 гг.¹⁵⁸.

Если среди причин угасания существования той или иной этнической группы, особенно ведущей «бродячий» образ жизни, мы уже указывали, например, распространение эпидемиологических заболеваний и низкий уровень или отсутствие медицинского обслуживания, неблагоприятные условия быта, высокая степень эксплуатации более экономически продвинутым населением. То, в свою очередь, главной причиной роста численности большинства народностей и этнографических групп можно считать, например, распространение в среде коренного населения земледелия и повсеместный переход на оседлый образ жизни. Кроме этого, в своем труде исследователь С. К. Патканов отмечал, что благоприятные условия ждут тех бродячих и полуоседлых «инородцев», которым в ближайшем будущем удастся «... перейти к более верным источникам пропитания – к скотоводству и хлебопашеству: они, как показывают многие примеры, имеют все шансы выжить и дать стране здоровых полезных граждан»¹⁵⁹. Стоит упомянуть, что процесс перехода к оседлому образу жизни продвигался быстрее в тех районах, где проходило наиболее интенсивное общение коренного населения с русским.

На процесс воспроизводства населения влияло, прежде всего, соотношение мужского и женского полов. В Первой всеобщей переписи Российской империи зафиксированы данные, которые говорят о том, что в пределах государства в общей сложности проживало 125 640 021 душ об. п.

¹⁵⁷ Дамешек Л. М. Избранное... Т. 2. – С. 318.

¹⁵⁸ Пронин В. И. Население Сибири за 50 лет... С. 59.

¹⁵⁹ Патканов С. К. О приросте инородческого населения Сибири... С. 171.

(кроме этого, указано, что 40 661 человек приходилось на русских подданных в Великом княжестве Финляндском, в заграничном плавании на военных судах, а также на подданных в Хиве и Бухаре); из общего числа следует, что на долю мужского населения приходилось 62 512 698 чел. (или 49,8 %), женского – 63 167 984 (или 50,3 %) ¹⁶⁰. Представленные данные презентуют, что женского населения в пределах страны было несколько больше. Можно согласиться, что разница в процентном соотношении мужского и женского населения едва ощутима, однако это не отменяет того факта, что в Российской империи гендерное соотношение было в пользу женщин на 655 286 чел. Согласно статистическим материалам Общего свода переписи населения 1897 г. интересно отметить, что наиболее ощутимый перевес женского населения над мужским был в Европейской части России, где на 45 749 575 мужчин приходилось 47 693 289 женщин ¹⁶¹. В Сибири этот разрыв был хотя и небольшой, однако в пользу мужчин: на 2 964 419 мужчин приходилось 2 794 403 женщины (разница составляла 170 016 чел.) ¹⁶². В региональном отношении картина выглядела несколько иначе, чем в центральной части России. В Таблице 17 представлено гендерное соотношение на территориях Западной и Восточной Сибири. На территории последней всего проживало 2 026 345 чел. из которых на долю мужчин приходилось 1 055 187 чел., а на долю женщин – 971 158 чел. Как видим, на территории Восточной Сибири был ощутимый перевес в пользу мужского населения (разница составляла 84 029 чел.). На территории Западной Сибири эта разница была в пользу женского населения и составляла всего 23 862 чел.

Таблица 17

Соотношение мужского и женского населения в Сибири в 1897 г.

¹⁶⁰ Общий свод по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года: в 2 т. – Санкт-Петербург : Тип. Н. Л. Ныркина, 1905. – Т. 1. – С. 1.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же.

	Западная Сибирь		Восточная Сибирь			
	Томская губ.	Тобольская губ.	Енисейская губ.	Иркутская губ.	Забайкальск. обл.	Якутская обл.
муж.	961 932	706 498	298 968	274 079	342 543	139 597
жен.	965 747	726 545	271 193	240 188	329 494	130 283
всего:	1 927 679	1 433 043	570 161	514 267	672 037	269 880

Таблица составлена на основе материалов Общего свода по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.¹⁶³.

Такой гендерный дисбаланс в пользу мужчин, вероятно, имеет корни с самого момента крестьянской колонизации Сибири в конце XVII в., когда еще в мало- или совсем неизвестную «страну» холостых людей шло гораздо больше, чем семейных. В посылаемых с колонизационной целью отрядах «служилых людей» также наблюдался перевес в пользу холостых. По замечанию дореволюционного исследователя Н. В. Турчанинова, общей тенденцией в гендерном соотношении было «... постепенное, в направлении с запада на восток, падение относительного количества женщин в общем числе населения губерний и областей Азиатской России»¹⁶⁴.

Правительством не раз предпринимались попытки исправить сложившуюся ситуацию с недостатком женщин – из центральной России высылались целые партии «женок и девок». Однако результаты этих усилий были весьма сомнительны, поскольку «... порядочные женщины не соглашались идти в Сибирь в качестве товара, а шли только самые подонки общественные (среди них женщины, ссылаемые за мужеубийство, детоубийство и другие социальные девиации негативного характера)»¹⁶⁵. В течение XVII-XVIII вв. в рамках принудительной колонизации прямым или

¹⁶³ Общий свод по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года: в 2 т. – Санкт-Петербург : Тип. Н. Л. Ныркина, 1905. – Т. 1. – С. 3.

¹⁶⁴ Турчанинов Н. В. Население Азиатской России... – С. 76.

¹⁶⁵ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. – Т. II. Вып. 2: Иркутская губерния. – Иркутск, 1890 – С. 7.

косвенным (вместе с мужем, нарушившим закон) образом женщины прибывали в Сибирь. В 1757 г. вышло распоряжение ссылать в Сибирь преступниц «... по наказании их кнутом, но не вырывая у них ноздрей и не ставя на лице знаков»¹⁶⁶. Таким образом, видим, что особенности формирования населения Сибири в достаточно сильной степени отразились на его гендерной структуре.

Перевес в пользу численности мужского населения на территории Восточной Сибири сохранялся и в начале XX в. Например, по данным Центрального статистического комитета МВД, к началу 1905 г., в регионе проживало примерно 1 047 900 мужчин и 987 600 женщин (разница составляла примерно 60 300 человек). В Таблице 18 представлены данные по соотношению мужского и женского населения в губерниях и областях Сибири.

Таблица 18

Соотношение мужского и женского населения в Сибири к 1905 г.

	Западная Сибирь		Восточная Сибирь			
	Томская губ.	Тобольская губ.	Енисейская губ.	Иркутская губ.	Забайкальск. обл.	Якутская обл.
муж.	1 096,6	760,4	299,0	249,7	350,7	148,5
жен.	1 083,9	776,9	284,3	230,0	335,9	137,4
всего:	2 180,5	1 537,3	583,3	479,7	688,6	285,9

Таблица составлена на основании материалов Ежегодника России 1905 г. Центрального статистического комитета¹⁶⁷.

Как видим, по данным таблицы, наиболее сильный разрыв в гендерном соотношении приходился на территорию Иркутской губернии, затем идет Енисейская губерния, Забайкальская и Якутская области. Вероятно, дисбаланс ощущался больше всего именно в тех округах, где доля ссыльнопоселенцев была наиболее высокой. По официальным статистическим данным, в 1914 г. в Иркутской губернии числилось 64 837 ссыльнопоселенцев, из них абсолютное

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Ежегодник России 1905 г. (год второй). – Санкт-Петербург: Центр. стат. комитет, 1906. – С. 62-63.

большинство приходилось на лиц мужского пола – 60 983 чел. (94 %) ¹⁶⁸. В Енисейской губернии из 8 124 ссыльных, 7 480 чел. приходилось на лиц мужского пола (92 %) ¹⁶⁹.

В среде коренного населения Восточной Сибири, по крайней мере к концу XIX в. также наблюдался дисбаланс в гендерном соотношении – мужская часть коренного населения превалировала над женской, за исключением территории Забайкальской области, где численность женского населения была несколько выше мужского. В Таблице 19 представлено численное соотношение мужского и женского «инородческого» населения.

Таблица 19

Соотношение мужского и женского коренного населения Сибири в 1897 г.

	Западная Сибирь		Восточная Сибирь			
	Томская губ.	Тобольская губ.	Енисейская губ.	Иркутская губ.	Забайкальск. обл.	Якутская обл.
муж.	60 214	43 319	24 217	60 409	91 078	117 458
жен.	56 263	39 841	23 421	55 449	92 968	117 217
всего:	116 477	83 160	47 638	115 858	184 046	234 675

Таблица составлена на основе материалов Общего свода по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. ¹⁷⁰.

В целом, разница в гендерном соотношении по Сибири сгладилась в результате военных событий. Особенно заметные коррективы в гендерную ситуацию внесла Первая мировая война, когда в следствии ряда мобилизаций, на фронт отправилось значительное число мужчин. В этой общей картине исключение составляло коренное население Сибири, в среде которого к 1917 г. мужское население по-прежнему оставалось в большинстве. По подсчетам

¹⁶⁸ Обзор Иркутской губернии за 1914 год. – Иркутск: Губернская типография, 1916. – С. 62.

¹⁶⁹ Статистический обзор Енисейской губернии за 1914 год. – Красноярск: Енисейская губерн. тип., 1915. Ведомость № 9. – С. 82.

¹⁷⁰ Общий свод по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года: в 2 т. – Санкт-Петербург : Тип. Н. Л. Ныркина, 1905. – Т. 1. – С. 170-171.

исследователя А. С. Шилиной, основанных на материалах Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям, из числа инородцев мужское население составляло 53 189 чел., женское – 46 481¹⁷¹.

Сложившиеся обстоятельства в гендерной ситуации Восточной Сибири повлияли на формирование демографического поведения населения. Согласно Демографическому энциклопедическому словарю, под «демографическим поведением» понимается система взаимосвязанных действий субъекта (ими могут выступать: отдельные индивиды, семьи, этнические группы, население региона), направленных на изменение и сохранение его демографических характеристик, в число которых входит воспроизводство населения, миграционные процессы, социальная мобильность, матримониальные отношения¹⁷². Именно в этом контексте понятие используется в настоящей работе. В свою очередь, демографическое поведение обусловлено различными факторами, такими как социально-экономические условия, культурные и религиозные традиции, уровень образования и здоровья.

Естественный прирост населения является одним из аспектов демографического поведения. Например, на основании подсчетов по материалам «Обзоров» сибирских губерний и областей, а также по данным губернских отчетов, исследователь В. И. Пронин, отмечает, что почти за 40 лет (1858-1897 гг.) естественный прирост населения Сибири составил 1900,7 тыс. человек¹⁷³. В результате этого, была восполнена естественная убыль в количестве 1502,9 тыс. человек. В среде «инородческого» населения также отмечается естественные прирост, который равнялся 0,8 % в год, согласно подсчетам по материалам Российского государственного исторического

¹⁷¹ Шилина А. С. Население Восточной Сибири накануне и во время Первой мировой войны: гендерное соотношение // Вестник КрасГАУ. – 2015. – № 3. – С. 220.

¹⁷² Демографический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / Гл. ред. Валентей Д. И. – Москва: Советская энциклопедия, 1985. – Режим доступа: <http://geography.su/demogr/item/f00/s00/e0000894/index.shtml> (дата обращения: 17.03.2023).

¹⁷³ Пронин В. И. Население Сибири за 50 лет... С. 61.

архива (РГИА) иркутского исследователя Л. М. Дамешека¹⁷⁴. В целом, автор отмечает, что за 14 лет (с 1897 по 1911 гг.) коренное население Западной и Восточной Сибири выросло в среднем на 18 % и 12 % соответственно¹⁷⁵.

В настоящей работе изначально планировалось представить подборку статистических данных за одиннадцатилетний период (с 1900 по 1911 гг.), отражающих демографическую структуру населения Восточной Сибири, в частности соотношение заключенных браков, численность рожденных (законнорожденных и внебрачных) детей, численность умерших и т.д. Для этого планировалось использование материалов погубернских «Обзоров». К сожалению, данные этих «Обзоров» на территории Восточной Сибири оказались не полными – по Забайкальской и Якутским областям отсутствуют годовые отчеты за несколько лет. В отличие от всех остальных губерний и областей Восточной Сибири, наиболее полные годовые статистические обзоры имеются только по Иркутской губернии (с 1880 по 1914 гг.). В противовес этому, например, по Якутской области представлены «Обзоры» только за 1888, 1908, 1909 и 1911 гг. Сводные данные по результатам анализа представленных источников помещены в Таблицу 20.

Таблица 20

Демографическое поведение населения Восточной Сибири 1900-1911 гг.

Енисейская губерния									
Год	Число браков	Законнорожд-х		Внебрачных		Всего		Умерших	
		м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
1900	5 006	15 902	15 315	1 661	1 620	17 563	16 935	13 814	12 269
1903	6 431	17 502	16 303	1 546	1 361	19 048	17 664	13 057	11 452
1904	5 496	18 790	17 922	1 327	1 267	20 117	19 259	13 038	11 378
1905	5 612	16 831	15 951	1 310	1 314	18 141	17 265	14 198	12 418

¹⁷⁴ Дамешек Л. М. Избранное... Т. 1. – С. 114.

¹⁷⁵ Там же. С. 116

1906	7 607	19 677	18 860	1 414	1 273	21 091	20 133	14 354	12 323
1907	7 715	20 870	20 024	1 510	1 516	22 380	21 540	16 538	14 292
1908	8 119	23 394	22 528	1 673	1 608	25 067	24 136	17 852	15 732
1909	7 861	25 758	24 581	1 477	1 565	27 235	26 146	18 314	16 062
1910	8 706	27 250	25 662	1 718	1 718	28 968	27 380	19 304	16 402
1911	8 641	27 214	25 932	1 636	1 558	28 850	27 490	17 750	15 639
Иркутская губерния									
1900	3 849	11 609	10 661	793	692	12 402	11 353	10 012	8 255
1901	4 017	11 661	10 957	1 031	966	12 692	11 923	9 433	7 747
1902	4 565	12 911	12 100	1 049	1 085	13 960	13 185	10 625	8 862
1903	4 585	11 771	11 000	756	711	12 527	11 711	11 145	9 436
1904	4 459	13 242	12 529	1 353	1 168	14 595	13 697	10 784	8 793
1905	4 891	12 030	11 900	790	757	12 820	12 667	11 835	9 416
1906	6 031	13 622	12 874	977	1 022	14 599	13 896	12 238	9 547
1907	6 269	13 968	13 356	1 238	1 263	15 206	14 619	10 653	10 581
1908	4 956	13 517	11 720	975	907	14 492	12 627	11 015	8 955
1909	5 307	14 283	13 796	866	780	15 149	14 576	11 942	10 234
1910	6 696	15 307	15 408	922	779	16 243	16 194	3 933	10 744
1911	5 895	16 040	15 510	1 360	1 424	17 390	16 934	11 372	9 631
Забайкальская область									
1902	4 721	12 883	11 602	210	220	23 093	11 822	7 754	7 022
1903	4 782	13 274	12 234	242	221	13 516	12 455	8 995	8 116
1905	4 768	12 321	11 068	375	363	12 696	11 431	10 974	10 200
1906	6 686	15 188	13 958	225	235	15 417	14 193	9 664	8 733
1908	5 796	17 237	15 619	275	246	17 512	15 865	11 353	9 876
1911	6 248	18 334	16 514	343	299	18 677	16 817	11 057	9 514
Якутская область									

1908	2 758	5 238	5 063	109	118	5 347	5 181	3 826	3 769
1909	2 882	5 894	5 617	289	289	6 183	5 906	4 283	4 311
1911	2 300	5 503	5 341	226	255	5 729	5 596	3 845	3 945

Таблица составлена на основе статистических материалов, представленных в ведомостях годовых погубернских «Обзоров»¹⁷⁶.

Из представленных данных, видим, что в каждой губернии и области Восточной Сибири генеральной тенденцией был прирост населения. По представленным данным, наибольший прирост населения пришелся на 1911 г. в каждой восточносибирской губернии и области. Так, в Енисейской губернии он составил 40,7 %, в Иркутской губернии – 38,8 %, в Забайкальской области – 68,8 %, в Якутской – 31,2 %. В Таблице 21 на основании используемых источников представлен годовой анализ прироста населения в числовом и процентном соотношении.

Таблица 21

Показатели естественного прироста населения в Восточной Сибири
1900-1911 гг.

Енисейская губерния				
Год	Родились (об. п.)	Умерли (об. п.)	Прирост (об. п.)	%
1900	34 498	26 083	8 415	24,4%
1903	36 712	24 509	12 203	33,2%
1904	39 376	24 416	14 960	38,0%
1905	35 406	26 616	8 790	24,8%
1906	41 224	26 677	14 547	35,3%
1907	43 920	30 830	13 090	29,8%
1908	49 203	33 584	15 619	31,7%

¹⁷⁶ Обзор Енисейской губернии за 1908 год. – Красноярск, 1909; то же за 1911 год. – Красноярск, 1912; Обзор Иркутской губернии за 1908 год. – Иркутск: Губернская типография, 1910; то же за 1911 год. – Иркутск: Губернская типография, 1912; Обзор Забайкальской области за 1908 год. – Чита, 1909; то же за 1911 год. – Чита, 1915; Обзор Якутской области за 1908 год. – Якутск: Типография Якутского областного правления, 1910; то же за 1911 год. – Якутск: Типография Якутского областного правления, [1913].

1909	53 381	34 376	19 005	35,6%
1910	56 348	35 706	20 642	36,6%
1911	56 340	33 389	22 951	40,7%
Иркутская губерния				
1900	23 755	18 267	5 488	23,1%
1901	24 615	17 180	7 435	30,2%
1902	27 145	19 487	7 658	28,2%
1903	24 238	20 581	3 657	15,1%
1904	28 292	19 577	8 715	30,8%
1905	25 487	21 251	4 236	16,6%
1906	28 495	21 785	6 710	23,5%
1907	29 825	21 234	8 591	28,8%
1908	27 119	19 970	7 149	26,4%
1909	29 725	22 176	7 549	25,4%
1910	32 437	24 677	7 760	23,9%
1911	34 324	21 003	13 321	38,8%

Забайкальская область				
1902	34 915	14 776	20 139	57,7%
1903	25 971	17 111	8 860	34,1%
1905	24 127	21 174	2 953	12,2%
1906	29 610	18 397	11 213	37,9%
1908	33 377	21 229	12 148	36,4%
1911	35 494	11 057	24 437	68,8%
Якутская область				
1908	10 528	7 595	2 933	27,9%
1909	12 089	8 594	3 495	28,9%
1911	11 325	7 790	3 535	31,2%

Таблица составлена по подсчетам статистических материалов, представленных в ведомостях годовых погубернских «Обзоров». % подсчитан автором¹⁷⁷.

Стоит отметить, что резкие подъемы и спады в динамике населения за представленный период, зачастую были связаны с социально-экономическими причинами. Минимальное число естественного прироста населения в Восточной Сибири приходится на малоурожайные или вовсе неурожайные, как 1900 г., или на военные 1904 и 1905 гг. Так, в Енисейской губернии минимальные показатели 24,4 % и 24,8 % пришлись на 1900 и 1905 гг. соответственно; в Иркутской губернии – 1903 и 1905 гг., когда прирост населения составил 15,1 % и 16,6 % соответственно; в Забайкальской области минимальный показатель естественного прироста – 12,2 % пришелся на 1905 г. Стоит отметить, что в начале XX в. также наблюдается естественный прирост в среде коренного населения, однако он не превышал 0,9 % в год. В то же время темпы прироста пришлого, преимущественно русского населения были значительно выше и в 3,5 раза превышали темп роста коренных народов. Тем не менее, на протяжении всего XIX и начала XX вв. отмечалась стабильная тенденция к увеличению численности коренных народов. Причинами такого медленного прироста коренного населения были связаны с капиталистическими интересами правительства в регионе, а также с социально-экономическими проблемами – неурожаи, падеж скота, низкий уровень медицинского обслуживания, и как следствие, достаточно высокий уровень смертности.

Процесс воспроизводства населения зависит от многих факторов. В научном сообществе принято считать, что оптимальным для поддержания естественного воспроизводства является количественное равновесие между

¹⁷⁷ Обзор Енисейской губернии за 1908 год. – Красноярск, 1909; то же за 1911 год. – Красноярск, 1912; Обзор Иркутской губернии за 1908 год. – Иркутск: Губернская типография, 1910; то же за 1911 год. – Иркутск: Губернская типография, 1912; Обзор Забайкальской области за 1908 год. – Чита, 1909; то же за 1911 год. – Чита, 1915; Обзор Якутской области за 1908 год. – Якутск: Типография Якутского областного правления, 1910; то же за 1911 год. – Якутск: Типография Якутского областного правления, [1913].

мужчинами и женщинами в репродуктивном возрасте. На территории восточных окраин государства к началу XX в. нормализовалось гендерное соотношение, что создавало благоприятную ситуацию для воспроизводства населения; к 1 января 1914 г. соотношение мужчин и женщин было равным. Однако, особенности исторического развития и динамики населения повлияли, в частности, на возрастную структуру населения как русского, так и коренного. Стоит отметить, что возрастная структура оседлого населения почти не отличалась от русского.

Возрастную структуру населения всей Восточной Сибири с ее дифференциацией по полу можно отследить только по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Согласно этим данным, в Восточной Сибири возрастная структура имела свои особенности. Для наглядного представления этого параметра были выделены пять групп: дети и подростки (1 года до 19 лет), молодые взрослые и взрослые (от 20 до 39 лет), люди среднего возраста (от 40 до 59 лет), пожилые (от 60 до 89 лет) и люди старше 90 лет. Так, дети от года и подростки до 19 лет составляли 41,7 % общего населения Восточной Сибири, молодые взрослые (от 20 до 29 лет) и взрослые (от 30 до 39 лет) – 28,8 %, люди среднего возраста (от 40 до 59 лет) – 18,1 %, пожилые (от 60 до 89 лет) – 7,8 % и группа людей старше 90 лет составляла 0,2 %. Числовые и процентные данные по губерниям Восточной Сибири представлены в Таблице 22.

Таблица 22

Возрастная структура населения Восточной Сибири в 1897 г.

Губерния, область	1-19 лет	%	20-39 лет	%	40-59 лет	%	60-89 лет	%	старше 90	%
Енисейская	234 545	41,1	159 552	28	106 675	18,7	47 024	8,2	1 238	0,2
Иркутская	210 863	41	153 177	29,8	94 646	18,4	37 174	7,2	645	0,1
Забайкальская	296 103	44,1	192 853	28,7	114 748	17,1	44 537	6,6	655	0,1
Якутская	103 770	38,5	78 688	29,2	50 279	18,6	28 621	10,6	1 023	0,4

Таблица составлена на основании материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи, 1897 г.¹⁷⁸

Представленные данные говорят о том, что на момент переписи населения, лиц готовых к активной трудовой деятельности в возрасте 20-59 лет в Восточной Сибири было около 46,9 %, в то время как в Европейской части России, этот показатель равнялся 44,3 %. Исходя из этого, возрастной состав населения Восточной Сибири, и думается, Сибири в целом, был более выгодным для развития здесь производительных сил, чем в центральной части России. Стоит отметить, что в отношении процесса создания семьи и воспроизводства населения в этот период так же складывалась весьма благоприятная обстановка.

Анализ Первой всеобщей переписи населения 1897 г. предоставляет уникальную возможность расчета такого важного демографического показателя как уровень старения населения Восточной Сибири. Обычно доля людей, достигших возраста 60-ти лет и старше, считается критерием демографического старения. В свою очередь, согласно данным Демографической энциклопедии, население считается демографически молодым, если доля 60+ людей не превышает 8 %, в противном случае, речь может идти о том, что население вступило в первую стадию своей демографической старости¹⁷⁹. Так, если рассматривать в указанном аспекте в целом население Восточной Сибири, то к моменту переписи доля лиц старше 60-ти лет еще не достигла критической отметки в 8 %, ее показатель равен 7,8 %. Однако, если рассматривать отдельно каждую губернию, то видим, что в

¹⁷⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. — Санкт-Петербург : Тип. кн. В. П. Мещерского, 1904. — Т. 73 : Енисейская губерния. — С. 6-7; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. — Санкт-Петербург : Тип. Э. Л. Пороховщиковой, 1904. — Т. 75 : Иркутская губерния. — С. ; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. — Санкт-Петербург : Тип. Т-ва «Народная польза», 1904. — Т. 74 : Забайкальская область. — С. 6-7; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. — Санкт-Петербург : Тип. Т-ва «Народная польза», 1905. — Т. 80 : Якутская область. — С. 6-7.

¹⁷⁹ Демографическое старение // Демографическая энциклопедия / гл. ред. А. А. Ткаченко. М.: Энцикл., 2013. — С. 244-245.

первую стадию демографической старости вступило население таких территорий как Енисейская губерния (8,2 %) и Якутская область (10,6 %). К сожалению, состояние исторических источников не позволяет нам достоверно определить уровень демографического старения населения, достигнутый регионом к концу изучаемого периода, что в свою очередь затрудняет понимание трансформаций, произошедших в возрастной структуре населения.

Таким образом, концентрация внимания на демографических особенностях таких как, состав населения, его динамика, возраст, гендерное соотношение, позволяет проанализировать готовность населения к предстоящим социально-экономическим, политическим и культурным изменениям. От этих показателей, которые в определенной степени коррелируют с психологической готовностью или неготовностью к адаптации населения к новым условиям зависела эффективность проводимых преобразований со стороны правительства.

1.3. Основные тенденции хозяйственного развития населения Юго-Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв.

Развитие человеческого общества происходит благодаря его способности адаптироваться к изменяющимся условиям. Удачные результаты такой адаптации приводят к появлению различных локальных культурно-исторических типов. На становление последних влияет множество факторов, связанных с историей, традициями, религией, лингвистическими особенностями. В целом, культурно-исторический тип, как концептуальный инструмент антропологии, культурологии, отражает уникальность образа жизни того или иного народа, что в свою очередь дает возможность проанализировать, сравнить и классифицировать различные культурные особенности цивилизации в их историческом контексте. Исследователь-культуролог Маркарян Э. С. допускал наличие эквивалентности некоторых цивилизаций, говоря о том, что «... они [цивилизации] относительно по

отношению к особой конфигурации условий и проблем, характерных для особых сред обитания человеческих коллективов и тех средств освоения этих сред, которые задаются массивами культурных традиций, присущих данным коллективам»¹⁸⁰. Каждый такой уникальный опыт, локализованный на той или иной территории находит свое отражение в формировании этнических традиций и становлении образа жизни человеческих коллективов.

Понятие «образ жизни» в настоящей работе выступает как явление, представляющее деятельность общества, живущего в определенных социально-экономических и культурных условиях. Само это общество выступает как этнос или этно-социальная общность. Образ жизни этого этноса или общности имеет устойчивый характер, благодаря чему обладает большой традиционностью и инерцией, что обуславливает его существование в течение длительного периода времени. В среде коренного населения Юго-Восточной Сибири в силу исторических особенностей сложился номадный образ жизни, которому по своей сути была свойственна достаточно высокая мобильность, динамический способ ведения хозяйства, постоянно требующий поиска и осваивания новых территорий. Номадизм как образ жизни основывается на существовании временных центров, которые стабильны лишь в силу имеющихся пищевых ресурсов. Кочевнические государства, мигрируя на определенных территориях либо вступали в контакт с представителями иных хозяйственно-культурных типов, либо покоряли оседло-земледельческие народы¹⁸¹. В научной литературе принято считать, что номадизм возник в конце неолита, и начал исчезать уже к XX в. Это было связано с расширением городских центров, регулированием и последующей ликвидацией кочевого образа жизни со стороны правительства. Тем не менее, на современном этапе, многие номады, в том числе монголы, сохранили и продолжают вести традиционный кочевнический образ жизни.

¹⁸⁰ Маркарян Э. С. Соотношение формационных и локальных исторических типов культуры // Этнографические исследования развития культуры. – Москва, 1985. – С. 28.

¹⁸¹ История Бурятии. В 3 т. Т. II. XVII – начало XX в. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – С. 28.

На территории Юго-Восточной Сибири – пространства со свойственным ему специфическими географическими и природно-климатическими условиями, в результате сложных процессов миграций и этногенеза, сформировались различные родоплеменные группы тюркского и тунгусского происхождения. В конце XVI в. в Прибайкальской части этнической Бурятии происходили неоднократные внутренние столкновения различных племен, что свидетельствует о стремлении создания централизованного государственного образования или нескольких крупных центров. Как описывается в фундаментальном труде «История Бурятии», в бурятских устных преданиях, относящихся к периоду до появления русских в регионе, упоминается, что по крайней мере три крупных племенных союза – булагаты, эхириты и сэгэнуты, претендовали на главенство в Прибайкалье¹⁸². Примерно к концу XVI в. с территории Внутренней Монголии в Прибайкалье прибыли хори в качестве репатриантов. К этому времени и вплоть до прихода русских территория Забайкалья, за исключением долины Баргузина и Кударинской степи в низовьях р. Селенги, была частью северомонгольских ханств, и даже в ранних отписках русских казаков называлась «мунгальской землицей», а ее жители «мунгальскими людьми»¹⁸³. К началу XVII в. в рамках нескольких крупных этнических объединений возникла тенденция к консолидации территорий.

В результате зарождения и развития хозяйственных процессов на предыдущих исторических этапах, к XVII в. в среде бурятских племен сложился свой тип хозяйствования, который можно классифицировать как хозяйственно-культурный тип (далее – ХКТ) скотоводов-кочевников сухих степей Евразии. Стоит отметить, что специфика периферийной зоны степного ареала в высокой степени повлияла на формирование культуры кочевников. Тип хозяйства кочевников-скотоводов в пограничной таежно-степной зоне, носил комплексный характер и, как отмечается в фундаментальном труде по истории Бурятии: «... представлял собой сложившуюся триаду: скотоводство

¹⁸² Там же. С. 15.

¹⁸³ Там же. С. 23.

– мотыжное земледелие – охота»¹⁸⁴. В связи с этим, на территории этнической Бурятии сформировался гибридный тип культуры, сочетавший в себе как культуру степных племен, так и культуру, так называемых, «лесных» племен. Постепенно «охотники тайги» были вовлечены в ареал кочевников-скотоводов на территории лесостепной зоны, что в свою очередь определило особенности хозяйственно-культурного комплекса бурят в их исторической перспективе. К сожалению, материалы по хозяйству бурят в XVII в. не дают возможности установить соотношение между кочевым и полукочевым скотоводством. Однако, в исторической литературе принято мнение, что части бурятских хозяйств был свойственен сезонных характер кочевания.

Помимо номадного способа производства, бурятам, еще до прихода русских в Юго-Восточную Сибирь, было известно земледелие. По свидетельству материалов «Географическо-статистического словаря» несмотря на то, что в Иркутской губернии земледелие к этому времени было распространено шире, чем в Забайкальской области, первыми стали заниматься этим типом хозяйствования забайкальские буряты. Так, среди многочисленных бурятских родов первыми стали заниматься земледелием именно хоринские буряты – с 1736 г., в связи с чем, их верховный тайша был избран членом Вольного экономического общества¹⁸⁵. Интересно отметить замечания по этому поводу представителя бурятской интеллигенции М. Н. Богданова. Автор, ссылаясь на свидетельства немецкого исследователя, бывшего в то время на русской службе И. Гмелина, в своем труде отмечает, что в 1735 г., когда Гмелин посетил Балаганский острог, оказалось, что местные буряты «... до сих пор земледелием вовсе не занимаются и живут исключительно скотоводством», однако посетив в 1736 г. Балаганский острог повторно, к своим заметкам добавил, что «... крещенные буряты вокруг

¹⁸⁴ История Бурятии. В 3 т. Т. II. XVII – начало XX в. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – С. 24.

¹⁸⁵ Географическо-статистический словарь Российской империи (сост. П. Семенов) – СПб: Типография В. Безобразова и комп. – 1863. – в 4-х томах. Т. 1. – С. 340.

Балаганского острога [...] начали заниматься земледелием лет за 5-6»¹⁸⁶. Советский исследователь Е. М. Залкинд, ссылаясь на заметки путешественника Василия Витязева в 1641 г., приводит к сведению, что многие из «братских людей», проживавших вдоль Ангары и по верхней Лене, к этому моменту были знакомы с земледелием и выращивали в небольших количествах просо, гречу, ячмень¹⁸⁷. По другим источникам, в районе Селенгинска, по рекам Чикою и Битигею, также наблюдались очаги земледелия среди «мунгальцев»: «... хлеб пашут, ячмень, пшеницу, просо, горох»¹⁸⁸. Стоит отметить, что земледельческое хозяйство бурятского и монгольского населения не имело ничего общего, поскольку последнее было подвержено влиянию китайской агрикультуры, что не свойственно бурятскому хлебопашеству. Кроме того, между очагами бурятского и монгольского земледелия лежала широкая полоса земли, на которой вовсе отсутствовало какое-либо выращивание зерновых культур.

Таким образом, земледелие у кочевого населения в основном являлось вспомогательным занятием, и не имело большого экономического значения. По мнению исследователя А. П. Окладникова, при существующем в указанный период номадном способе производства земледелие не могло отражать высокий уровень хозяйственного развития, в отличии от экстенсивного скотоводства, благодаря которому у населения была возможность получать излишки продукции, товарного сырья и накопления пищевых ресурсов¹⁸⁹. Так, главная тенденция XVII в. в хозяйственном отношении сводилось к тому, что «богатые хлебопашцы» превращались в крупных владельцев скота. В этом случае, земледелие, в связи с объективной невозможностью одновременного совмещения масштабных посевов с

¹⁸⁶ Богданов, М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа, с дополнительными статьями Б. Б. Барадина и Н. Н. Козьмина под ред. проф. Н. Н. Козьмина: 2-е издание. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2008. – С. 129.

¹⁸⁷ Залкинд, Е. М. Присоединение Бурятии к России / отв. ред. Г. Н. Румянцев. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1958. – С. 172.

¹⁸⁸ Там же, С. 173.

¹⁸⁹ Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII-XVIII вв.). - Л.: Соцэкгиз, 1937. – С. 290.

большими стадами скота, отошло далеко на второй план и в основном стало занятием небогатых слоев населения.

В научной литературе существует мнение, что к приходу русских колонизационных отрядов на территорию Восточной Сибири во второй половине XVII в., земледелие исчезло окончательно в виду ряда причин¹⁹⁰. Одна из них – превалирующая роль скотоводства в хозяйстве бурят, в то время как земледелие выступало в качестве вспомогательного занятия. Неблагоприятные климатические условия, засухи, периодические эпизоотии, вынуждали бурят прибегать к экстренным мерам по спасению скота, вынужденно отправляясь на дальние перекочевки, зачастую жертвуя посевами. Во-вторых, в связи с частыми военными столкновениями, разгромом бурятских улусов, переселениями с «насиженных мест», заниматься каким-либо земледелием, требующим хотя бы относительной оседлости и присутствия, в данный период было невозможно. В-третьих, на некоторых территориях, где уже стабилизировалось положение, примерно к 1670 гг. земледелие так и не восстановилось по причине появления русской деревни близ бурятских улусов, по замечанию исследователя Е. М. Залкинда: «... конкурировать с русскими, применявшими плуг и другие сельскохозяйственные орудия, примитивное бурятское хлебопашество, конечно не могло»¹⁹¹. Другими словами, хлеб стало выгоднее выменивать у русских, чем производить самостоятельно.

Однако, гораздо позже занятие земледелием среди коренного населения стало восстанавливаться, что несомненно происходило под влиянием русских. Известны случаи, когда «инородцы» к концу XVIII в. бросали имеющиеся пашни, чтобы избежать оброчной выплаты. На этот момент, ссылаясь на донос Иркутского вице-губернатора Ланга, в одном из своих трудов указывал Залкинд: «... некоторые братские и прочие в Иркутской провинции имеющиеся некрещенные яшашные подданные наперед сего в разные времена начали для

¹⁹⁰ Залкинд, Е. М. Присоединение Бурятии... С. 173.

¹⁹¹ Там же. С. 174.

своего пропитания пашни заводить, но оные опять покинули для того, что тогдашние провинциальные командиры с них стали требовать оброк»¹⁹². Отчасти, преследуя фискальные интересы, такое сокращение могло побудить административную верхушку в конце XVIII – начале XIX вв. к стимуляции восстановления и развития земледелия, что в свою очередь, создавало впечатление о том, что хлебопашество в Юго-Восточной Сибири только начинало зарождаться.

Представляется весьма проблематичным определить точную дату становления земледелия в среде бурятского населения по причине скудности и противоречивости имеющихся источников. Долгое время в научной литературе было распространено мнение о том, что развитие земледелия у бурят происходило в тесной связи с инструкциями генерал-губернатора Трескина в первые годы XIX в. Например, в делопроизводстве о своде степных законов, которое проводилось в 1825 г., упоминается, что «... буряты с 1807 г. по приглашению губернского правительства начали производить земледелие»¹⁹³. Однако, советский исследователь Ф. А. Кудрявцев документально опроверг эту точку зрения, доказав, что как у западных, так и восточных бурят уже в конце XVIII существовало довольно развитое земледелие: «... 1200 хоринцев стали заниматься земледелием и в 1802 г. привезли на продажу в Иркутск 15 000 пудов муки»¹⁹⁴. Так, к этому моменту земледелие восстановилось и существовало среди хоринских, селенгинских, кударинских и баргузинских бурят, но занимались им не все, а лишь часть номадов.

Генеральной тенденцией развития хозяйства бурятского этноса в XVIII-XIX вв. явилась трансформация его из скотоводческого в животноводческое, в основе которого находился земледельческий тип хозяйствования. Можно

¹⁹² Залкинд Е. М. Общественный строй бурят XVIII –первой половине XIX века. / Е. М. Залкинд. – Москва: Наука, 1970. – С. 175.

¹⁹³ Там же, С. 25.

¹⁹⁴ Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа (от XVII до 60-х гг. XIX в.). / Ф. А. Кудрявцев. – Москва: АН СССР, 1940. – С. 112.

заклучить, что тот формат земледелия, который существовал до XVII в. – примитивный мотыжный, исчез в ходе военных разрушений, миграций и невозможности конкурировать с русским сельским хозяйством. Однако уже в первые десятилетия XVIII в. земледелие в среде коренного населения возродилось на более высоком уровне и было схоже с русским. Также стоит отметить, что коренное население Восточной Сибири не только адаптировали способы обработки земли, позаимствованные у русских, под собственные условия и потребности, но и привнесли в земледельческую культуру определенные новшества. Известный краевед Н. С. Щукин, в середине XIX в. описывал быт предбайкальских бурят, занимавшихся земледелием, и из всех родов, в этом плане, он особенно выделял кудинских и идинских бурят: «... это поколение [кудинских бурят] давно уже принялось за земледелие и обеднело скотом [...] нравы монгольские исчезают, язык отделился; не достает только принятия христианства, что вероятно скоро последует, и кудинцы потонут в огромной массе славянского племени. [...]»; идинские же буряты, по мнению автора, «... теперь лучшие хлебопашцы в губернии; зато скотоводство у них не важно, а зверинные промыслы давно оставлены»¹⁹⁵.

Определенные обстоятельства, связанные с природно-климатическими условиями Юго-Восточной Сибири, не давали возможности коренному населению приобщиться к земледельческой культуре в одно время и в одинаковой степени. Например, улан-удэнский исследователь Ч. Г. Андреев в своем труде отмечал, что наибольшее развитие земледельческая культура получила на смежных с русским населением территориях – в удобных для хлебопашества местностях вдоль притоков рек Ангары, таких как Ока, Оса, Ида и Унта; у хакасов благоприятные условия для хлебопашества были только лесостепных зонах Таштыша, Теи, Еси и Асказа; у якутов земледелие успешно

¹⁹⁵ Щукин Н. С. Буряты // Журнал министерства внутренних дел. СПб., 1849. № 3 (март). – С. 427-428.

развивалось только в самом южном округе области – Олекминском¹⁹⁶. Начиная со второй половины XIX – начала XX вв. в земледелие была вовлечена остальная часть коренного населения, однако степень развития у них по-прежнему была разной.

Помимо трансформаций в земледельческой сфере, для переходного периода были характерны и существенные изменения и в номадном хозяйстве коренных народов Юго-Восточной Сибири. Последние стали приобщаться к торгово-рыночным отношениям. Спрос на определенные продукты питания привел к развитию товарности в традиционном занятии коренного населения – скотоводстве, что проявилось в изменении как состава стада, так и в способах его содержания. Во-первых, количество лошадей уменьшалось, а количество более «товарного» крупного рогатого скота увеличивалось. Во-вторых, для поддержания продуктивности последнего, потребовалась модернизация способов его содержания. Так, появилась тенденция перехода к стойловому содержанию скота и сокращению кочевания. Например, исследователь Ч. Г. Андреев в одном из своих трудов отмечает изменения структуры стада следующим образом: «... с 1889 по 1916 г. количество лошадей у иркутских бурят уменьшилось с 103 043 (21,7 %) до 77 487 (17,3 %), а количество крупного рогатого скота увеличилось с 174 988 (36,8 %) до 228 875 (51,0 %); у забайкальских бурят с 1897 по 1916 г. количество лошадей уменьшилось с 217670 (14,2 %) до 165 203 (12,4 %), а крупного рогатого скота с 643 515 (41,9 %) до 551 620 (41,4 %)»¹⁹⁷. Такое положение было обусловлено тем, что большинство забайкальских бурят, в отличие от иркутских, продолжали заниматься номадным типом хозяйствования. Далее исследователь отмечает, что в хозяйстве хакасов поголовье крупного рогатого

¹⁹⁶ Андреев Ч. Г. Новации в жизни коренных народов Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX века / Ч. Г. Андреев // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Изд-во: БГУ. Иркутск. 2017. – С. 115.

¹⁹⁷ Андреев Ч. Г. Воспроизводство материальных условий жизни народов Сибири на рубеже XIX – XX вв. // Этносоциальные процессы в Сибири: сб. тр. конф. Выпуск 5. Под ред. Ю. В. Попкова. – Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2003. – С. 103.

скота увеличилось с 75 091 голов в 1890 г. до 113 744 голов в 1917 г., т.е. на 33 %; коневодство, в свою очередь, сократилось с 73 355 голов в 1890 г. до 70 865 голов в 1917 г.; у жителей якутии в период с 1886 по 1917 г. также наблюдалось увеличение крупного рогатого скота с 236 890 до 482 000 голов соответственно, уменьшение лошадей составило с 116 168 голов в 1886 г. до 106 501 в 1910 г.¹⁹⁸. Трансформация в скотоводческой культуре, изменения в структуре стада сформировали потребность в развитии сенокосных угодий. Это было связано с необходимостью подкормки скота в зимнее время, и что немаловажно – с влиянием примера русских крестьян, поскольку до развития этой сферы скот коренных жителей находился в основном на подножном корму. Очень быстро сено стало новым востребованным товаром на рынке.

Последующие статистические данные уже были опубликованы автором настоящей работы в статье «Компаративный анализ землеустройства бурят юго-восточной Сибири»¹⁹⁹ в 2019 г., однако в настоящей работе так же представляется уместным отразить статистический анализ состава населения и типов хозяйствования. На момент проведения Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в Енисейской губернии проживало 570 161 чел. (об. п.), почти все население являлось крестьянским – 432 201 чел. (об. п.) и составляло 75,8 %, представители «иностранного» сословия составляли всего 8,4 %. Земледелием в качестве основного занятия назвали 37,7 % коренного населения, животноводство – 22,1 % «иностранцев».

На территории Иркутской губернии числилось 514 267 чел. (об. п.) 308 626 чел. (об. п.) или 60 % из них принадлежали к крестьянскому сословию, иностранное сословие составляло 22,5 %. Почти все коренное население Иркутской губернии было бурятским – 108 887 чел. (об. п.) или 94 %, которое без малого 100 % указывало земледелие своим основным занятием. Животноводство, в качестве основного указывало 5,9 %.

¹⁹⁸ Там же, С. 103.

¹⁹⁹ Соснерж К. А. Компаративный анализ землеустройства бурят Юго-Восточной Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Актуальные вопросы истории Сибири : сборник научных трудов / отв. ред. В. А. Скубневский. – Барнаул, 2019. – С. 57-62.

В свою очередь, в Забайкальской области, согласно материалам указанной переписи, на данный момент проживало 672 037 чел. (об. п.). Из них 239 011 человек (35,6 %) принадлежали к крестьянскому сословию, 27,3 % – к «инородческому». Земледелие как основное занятие было у 19,6 % бурят, животноводство – у 75,3 %.

В Якутской области по данным Переписи почти все население было «инородческим». На крестьянское сословие приходилось 269 880 наличного населения (об. п.) или 7,7 %, на «инородческое» – 87 %. Земледелием из коренного населения занималось всего 4,3 % от числа «инородцев», животноводством – 84,9 %. Для удобства представим данные по составу населения и основным направлениям хозяйственной деятельности коренного населения Восточной Сибири в виде таблицы (см. табл. 23).

Таблица 23

Соотношение численности коренного населения Восточной Сибири
по основным видам хозяйственной деятельности в 1897 г.

Губерния, область	Всего «инородцев» (чел. об. п.)	% от общего числа	Земледелие (чел. об. п.)	%	Животноводство (чел. об. п.)	%
Енисейская	47 638	8,4	17 978	37,7	10 528	22,1
Иркутская	115 843	22,5	98 944	90,9	6 449	5,9
Забайкальская	184 046	27,3	36 115	19,6	138 581	75,3
Якутская	234 675	87	10 196	4,3	199 154	84,9

Таблица составлена на основе материалов Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по Енисейской и Иркутской губерниям, Забайкальской и Якутской областям²⁰⁰²⁰¹²⁰²²⁰³.

% посчитаны автором – К. С.

²⁰⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – LXXIII : Енисейская губерния. – СПб. : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1904. – С. 1-3, 116-117, 120-121.

²⁰¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – LXXV : Иркутская губерния. – СПб. : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1904. – С. 1, 30-31, 132-133, 154-155.

²⁰² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – LXXIV : Забайкальская область. – СПб. : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1904. – С. 1, 32-33, 120-121, 130-131.

²⁰³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – LXX : Якутская область. – СПб. : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1904. – С. 1-3, 84-85.

Таким образом, в течение XIX в. из бессменного поставщика «мягкой рухляди» Сибирь стремительными темпами превращалась в продовольственную базу на Востоке Российского государства. Прежде всего это было связано с интенсивным притоком русского населения, развитием горной промышленности в регионе и последовавшим процессом урбанизации. Все это сформировало колоссальный спрос на продукты питания. Коренные жители Сибири к этому периоду стали рассматриваться не только как «плательщики ясака», но и как дополнительная рабочая сила в развитии хлебопашества. Комплекс правительственных мероприятий, направленных на сплочение Азиатской территории с центральным ядром государства, в хозяйственном отношении, способствовал возрастанию оседлости среди коренных жителей. В свою очередь, результаты этих мероприятий в некоторых случаях лишь частично, а в некоторых – полностью изменили образ жизни представителей этнических групп населения. Конкретными проявлениями адаптации к новым условиям жизни стало то, что с развитием земледелия и переходом на оседлость коренные жители Сибири по примеру русских крестьян начали строить деревянные дома, бани, амбары и другие хозяйственные постройки, что в свою очередь послужило отправной точкой для распространения плотничьего ремесла. Кроме этого, широкое распространение получили многие другие так называемые «отхожие» промыслы, как извоз и сплав леса, работа на приисках и прокладка дорог, наем на различные хозяйственные работы у русских крестьян и казаков и др. Как итог, коренное население Сибири включалось не только в экономическое, политическое, но и в социокультурное общероссийское пространство. Помимо трансляции на регион единого общероссийского законодательства, особая роль отводилась сближению этнической части населения с русским в ментальном отношении. Для духовного сплочения империи был призван православный русский крестьянин-земледелец, который должен был научить

сибирского «инородца» не только пахать, косить, строить дома, но и говорить, и даже думать по-русски»²⁰⁴.

Наряду со значительными изменениями в экономической сфере коренного населения Юго-Восточной Сибири, происходили важные этнокультурные трансформации, касающиеся обычаев, привычек, менталитета. Однако, все эти метаморфозы в основном были связаны с хозяйственными аспектами, поскольку именно они определяют образ жизни сельского, а значит большинства, коренного населения. В первую очередь стоит отметить изменения в жилом пространстве коренного населения. Например, с середины XIX в. стационарные деревянные юрты получили достаточное широкое распространение.

Примерно с конца XIX в. наиболее зажиточная часть «инородческого» населения стала проживать в деревянных избах, в которых обстановка все больше напоминала внутреннее убранство богатых русских крестьян, также заметно было подражание купеческому и мещанскому быту. Кроме этого, как элемент ассимиляции в домах зажиточных «инородцев» устанавливались глинобитные печи, в которых выпекали хлеб, однако от традиционной готовки пищи на огне тоже не отказывались²⁰⁵. Мясной и молочный рацион разнообразили мучные изделия, а также овощи: картофель, капуста, огурцы и т.д. Имели место и десерты – благодаря развитию торговли «на столах» появились различные сладости к чаю, как, собственно, и сам чай. Изменения коснулись и посуды кочевников – предпочтение стало отдаваться глиняной посуде, вместо посуды из небьющегося материала. В домах зажиточных «инородцев» как один из главных элементов сервировки стола стала использоваться серебряная, фарфоровая посуда. Кроме этого, убранство стали дополнять полотенца и салфетки²⁰⁶.

²⁰⁴ Дамешек Л. М. Окраинная политика империи и методы инкорпорации коренного населения сопредельных территорий России XVIII – начала XX вв. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2016. Т. 17. – С. 38.

²⁰⁵ Бурятский этнос в имперской системе власти... С. 180.

²⁰⁶ Андреев Ч. Г. Образ жизни коренных народов Восточной Сибири... С. 229.

Изменения отразились и в выборе одежды коренных жителей Юго-Восточной Сибири. Национальная одежда «инородцев», максимально характерная для кочевого образа жизни, и выполненная из таких материалов как овчина, мех, кожа и войлок, уступила место более легким хлопчатобумажным или шелковым тканям, изделиям из шерсти. Как отмечал в своем исследовании Ч. Г. Андреев, «... у татар, бурят, хакасов, якутов летняя одежда мужчин нередко состояла из русской рубахи навыпуск и шаровар, женщины же носили ситцевое платье, покрой которого заимствовали у русских»²⁰⁷.

Стоит отметить, что «блеском» русской материальной культуры в жилище, убранстве, пище, одежде и т.д. могла пользоваться только богатая «инородческая» верхушка. Бедная часть населения в основном не имела доступа к благам «цивилизации». Например, очень ярко демонстрировали картину социальной дифференции коренного населения Юго-Восточной Сибири качество и размеры жилых построек. Богатые «инородцы» могли себе позволить вместе с большим деревянным домом иметь ряд надворных построек – баня, амбар (нередко двухэтажный), сарай, ворота, сени и т.д. Избы бедняков, как правило, были однокамерного типа – без каких-либо перегородок, небольших размеров; амбар, баня и другие постройки отсутствовали²⁰⁸. В одежде, также проявлялись существенные социальные различия. Например, зажиточные «инородцы» могли носить жилеты, брюки, пальто, фабричные изделия. В то же время, бедняцкая часть «инородческого» населения не имела возможности покупать даже самые дешевые магазинные ткани, поэтому круглый год ходила в овчинных тулупах, надевая их летом на голое тело²⁰⁹.

Одним из эффективных инструментов по формированию единой гражданской идентичности и социальной интеграции коренного населения в

²⁰⁷ Бурятский этнос в имперской системе власти... С. 180.

²⁰⁸ Андреев Ч. Г. Образ жизни коренных народов Восточной Сибири... С. 223-224.

²⁰⁹ Там же. С. 226-227.

общероссийское пространство являлось распространение православной веры среди жителей Сибири. Конфессиональная политика государства носила как поощрительный, так и, в отдельных случаях, принудительный характер. Например, с принятием православия «инородцы» получали освобождение от уплаты ясака и некоторых других повинностей, получали возможность обучаться или продвигаться по службе. Для многих бедняков крещение, рассматривалась как легкая возможность получить, хотя и на короткий срок, материальную поддержку в виде одежды, продуктов и небольших «подарков» (крестики, иконы, ичиги). Для большинства крещеных «инородцев» следующим шагом был переход к оседлому производству, что, в свою очередь, было вполне естественно и логично – проживать вблизи своего прихода. В последующем, это способствовало еще большему развитию и укреплению межэтнического взаимодействия, особенно в хозяйственном отношении.

С принятием оседлости на коренное население распространялись общекрестьянские узаконения, что в значительной степени облегчало в последующем развитие единого административного управления в регионе со стороны правительства, а также позволяло получать дополнительный доход благодаря увеличению налогов за счет перешедших на оседлость «инородцев». Однако одним из наиболее важных направлений в правительственной политике была забота о формировании земельного фонда для возросшего в конце 1880-х гг. потока переселенцев. В связи с этим в конце 1890-х гг. был разработан ряд законодательных актов, регулирующих и регламентирующих поземельные отношения жителей Восточной Сибири. Например, 23 мая 1896 г. был опубликован закон «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской», устанавливающий единое юридическое право пользования земельным наделом для «оседлых инородцев» наравне с русским населением. Далее в июне 1898 г. были приняты «Правила о порядке определения земельных наделов...», ограничивающие земельный надел до 15 или 30 дес., что

впоследствии негативно отразилось на хозяйствовании большой части коренного населения.

Исследователь Ч. Г. Андреев, ссылаясь на переписку Столыпина с главноуправляющим землеустройством и земледелием А. В. Кривошеиным в 1909 г., подчеркивал слова Председателя Совета Министров: «... отвод инородцам наделов в одинаковых размерах с крестьянами дает сильный толчок к расширению бурятских запашек»²¹⁰. Однако, как показала практика, земли, находившиеся в пользовании «инородцев», которые были действительно пригодные для занятия земледелием нередко уходили в качестве переселенческих участков. Как результат, к 1917 г. сужение пастбищных территорий привело к подрыву скотоводческого хозяйства коренного населения, особенно ярко эта тенденция проявилась на территории Иркутской губернии и Забайкальской области. По замечанию исследователя А. С-Д. Балдановой, основанных на материалах сельскохозяйственной переписи 1917 г., у западных бурят поголовье скота по сравнению с 1887 г. сократилось на 28 %, у Забайкальских – на 19 %²¹¹. Таким образом возникла неразрешимая ситуация – при выделенном количестве земельных наделов невозможно было вести традиционный номадный образ жизни, в то же время невозможно было и заниматься земледелием, по причине неудобства почв – земли подходили именно для занятия скотоводством²¹².

Процесс перехода коренных народов Юго-Восточной Сибири к земледелию растянулся на несколько десятков лет, и как бы правительство не пыталось стимулировать этот сегмент экономики, трансформация занимала определенное количество времени, поскольку вместе с ней менялся и привычный уклад жизни. Коренным жителям требовалось время для того, чтобы адаптироваться к серьезным изменениям традиционного устройства жизни, интегрировать в свою повседневную жизнь новые технологии

²¹⁰ Андреев Ч. Г. Образ жизни коренных народов Восточной Сибири... С. 209

²¹¹ Балданова А. С-Д. Трансформация традиционного хозяйственного природопользования бурят в конце XIX начале XX в // Известия АлтГУ. 2011. №4-2. С. 16.

²¹² Андреев Ч. Г. Образ жизни коренных народов Восточной Сибири... С. 209.

хозяйственной деятельности. Однако, сложившиеся в начале XX в. тревожные внутриполитические условия в стране вынудили правительство к форсированному проведению преобразований в регионе, что привело к негативным и, в определенной степени, трагичным последствиям.

ГЛАВА 2. ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОКРАИННОЙ ПОЛИТИКИ НА ВОСТОКЕ

2.1. Начало империи и формирование патерналистских традиций

Сибирский этнос формировался в тесном соседстве с древнейшими центральноазиатскими культурами, такими как Монголия и Китай. Этот важный аспект носил ключевую роль в выстраивании региональной политики Российской империи. При учете геополитических факторов российское правительство стремилось обеспечить безопасность на своих пограничных территориях, поэтому Сибирь в этом плане выступала неким буфером. Однако, для правительства важно было не только укрепить свои юго-восточные окраины в военном плане, но и освоить регион в административно-правовом, экономическом и ментальном отношении. Другими словами, сделать Сибирь неотделимой частью страны, и принять коренных жителей в общероссийское пространство. Важной особенностью на первоначальных этапах процесса инкорпорации явилась гибкость проводимой политики, то есть правительство стремилось органично интегрировать существовавшие потестарные образования в систему российского законодательства, вместо бескомпромиссной их ликвидации. Такой сложный и многоплановый процесс включения традиционных, имеющих в своей основе еще принципы обычного права, в современную на тот момент юридическую систему, необходимо рассматривать с точки зрения комплексного анализа как каждой отдельной региональной территории, так и в общей структуре государственно-правовых отношений. На этот счет интересно привести цитату известного российского правоведа начала XX в. барона Б. Э. Нольде «... осуществление одной и той же государственной мысли лежит через изучение каждой из автономных земель, взятой в отдельности»²¹³.

²¹³ Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права / Б. Э. Нольде. – Санкт-Петербург : Тип. «Правда», – 1911. – С. 280-281

Ключевыми факторами, обусловившими становление Российского государства, современные ученые выделяют обширность территории и многонациональный состав ее населения. Главным образом стоит отметить, что территория Российской империи занимала в общей сложности треть восточной части Европы и две трети – северной части Азии, другими словами – располагалась сразу на двух материках. Интересно привести данные, которые опубликованы в трудах иркутского исследователя Л. М. Дамешка: «... если в 1649 г. ее площадь составляла 14,1 млн. кв. км (с численностью населения 6,7 млн. чел.), то к 1914 г. она увеличилась примерно в 1,55 раза и составила 21,8 млн. кв. км (с численностью населения 178,4 млн. чел., включая Финляндию и Польшу)»²¹⁴. Таким образом, к концу первой четверти XX в. Россия стала крупнейшим государством в мире.

Как было представлено выше – «азиатская» часть обширной территории России занимала две трети северной части Азии и, в свою очередь, составляла территорию Сибири. Собственно, с описания ее географического расположения и начинается фундаментальный труд Ю. А. Гагемейстера, в котором автор указывал, что «Сибирью называется весь северный отдел Азиатского материка, который обозначается на Западе продольной цепью Уральских гор, на Востоке – Тихим океаном, с Севера омывается Ледовитым морем, а к Югу граничит с владениями Китая и свободного Туркестана»²¹⁵. В середине XIX в. площадь Сибири равнялась примерно 139 000 кв. миль (ок. 37 тыс. кв. км). Для более полного представления о размерах территории приведем актуальные на сегодняшний день цифры. После распада Советского Союза в 1991 г., площадь современной Азиатской России (Уральский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа) составляет 13,2 млн кв.

²¹⁴ Дамешек Л. М. Этнический фактор окраинной политики империи в региональном измерении: сибирский вариант (XVIII-XX вв.) : монография / Л. М. Дамешек. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2022. – С. 53.

²¹⁵ Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. В 3 ч. Ч. 3 / Ю. А. Гагемейстер. – Санкт-Петербург : Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Величества канцелярии, 1854. – С. 1.

км, это около 77 % территории нынешней России. По состоянию на 1 января 2021 г. на территории этих округов проживает 37,3 млн. человек, то есть около 25,6 % от общего населения Российской Федерации.

На протяжении XVI-XIX вв. в состав государства были включены территории Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Польши, Финляндии, Кавказа, Средней Азии, что обусловило еще один фактор в историческом развитии государства – разнородный этнический и социокультурный состав населения. К началу XX в. в России проживало около 200 больших и малых народов, каждый из которых имел свою историю и свой уникальный культурный код. Если в середине XVII в. на долю русского населения приходилось 95 % населения России, то в начале XX в. – только 44,6 %, поскольку численность представителей других этнических групп значительно возросла²¹⁶. Таким образом, в начале XX в. титульная нация оказалась в меньшинстве, поскольку возросла численность представителей других национальных групп в составе населения.

Рост государств всегда сопряжен с целым многообразием методов и форм интеграции новых территорий. Характер и условия включения вновь присоединенных территорий напрямую зависел от того, каким образом присоединялась та или иная территория – завоевание или добровольное присоединение. В отношении Сибири, однозначного определения метода включения территории долгое время не было установлено, хотя в разные периоды этот вопрос в отечественной историографии рассматривался с противоречивых позиций. Например, дореволюционные исследования по большей части подтверждали мирный характер включения Сибирской территории в состав государства. Исследователи раннего советского периода утверждали, что территория проживания коренного населения была завоевана,

²¹⁶ Соснерж К. А. Этнический фактор и формирование патерналистских традиций в окраинной политике Российской империи на востоке. Ч. I / Л. М. Дамешек, К. А. Соснерж // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2023. – № 1(49). – С. 43-44.

в свою очередь, исследователи позднего советского периода вновь стали говорить о мирном вхождении народов в состав государства. Однако, в современной научной литературе, в отношении сибирской территории, исследователи приходят к выводу, что буряты не были завоеванным народом. В процессе весьма сложных геополитических перераспределений, проходивших во второй половине XIX в., как отмечает в своем труде, исследователь Б. В. Базаров «... бурятские племена сделали исторический выбор в пользу Российского государства, тем самым определив свое дальнейшее развитие»²¹⁷.

Российское государство всегда стремилось к обеспечению безопасности своих рубежей, этим и обуславливается ее территориальная экспансия на разных промежутках времени. Несомненно, здесь необходимо учитывать и наличие экономических интересов в этом процессе. Однако, в отношении вновь присоединенных территорий, Россия была сторонником более мягких и гибких методов интеграции – вслед за военной экспансией происходило властное освоение присоединенных территорий. Только после этого наступала очередь экономической интеграции.

На протяжении XVI-XVII вв. закрепление присоединенных территорий за Российским государством происходило посредством установки фортификационных сооружений – укрепленных оборонительных пунктов. Автором настоящей работы уже были опубликованы представленные ниже данные в статье «Этнический фактор и формирование патерналистских традиций в окраинной политике Российской империи на Востоке» в 2023 г., однако далее также представляется необходимым указать названия и годы установления следующих фортификационных сооружений: «К концу XVII в., с продвижением казацких отрядов на Восток, разрослась целая сеть острогов: Красноярский (1628 г.), а затем Канский (1640 г.), Илимский и Киренский (1630 г.), Братский (1631 г.), Верхоленский (1641 г.), Нижнеудинский (1647 г.),

²¹⁷ Базаров Б. В. Присоединение Бурятии к России: геополитические сценарии трансграничья в XVII-XIX вв. // Власть, 2011, № 5. – С. 10.

Балаганский (1654 г.), Иркутский (1652-1661 г. – зимовье, с 1661 по 1682 г. – острог)²¹⁸. В 1658 г. на восточной окраине бурятской земли был сооружен Нерчинский острог, в 1665 г. на р. Селенге, против устья р. Чикой – Селенгинский острог, а в устье р. Уды было заложено Удинское зимовье, которое в свою очередь выросло в острог, а затем в г. Верхнеудинск (современный г. Улан-Удэ – столица республики Бурятия)²¹⁹. На первоначальном этапе фортификационные сооружения носили функции военного характера для обеспечения контроля над территориями, однако в последующем острожные укрепления трансформировались в отдельные административно-политические и торгово-экономические центры.

Территориальное расширение границ России в научной литературе принято рассматривать как процесс формирования империи. Стоит отметить, что земли, в последствии закрепленные за Российским государством отнюдь не были пустыми – на момент присоединения, на этих территориях так же проживали люди, со своей уникальной культурой, системой верований и экономическим укладом. Процесс инкорпорации коренного населения на восточных рубежах предполагал, насколько это было возможно, органичное включение традиционного уклада жизни в пространство российской административно-правовой системы, которая в свою очередь стремилась к развитию и совершенствованию на разных промежутках времени. Вместе с этим менялся и статус коренного населения Сибири – от плательщиков ясака до подданных государства, которые в свою очередь уже ничем не отличались от крестьянства и несли соответствующие налоги на содержание своего государства. Здесь уместно привести пример другой модели интеграционной политики. Политика некоторых стран Запада и США по отношению к

²¹⁸ Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032-1882 гг. / сост. И. В. Щеглов ; под ред. В. И. Вагина. – Иркутск : Тип. Штаба Вост. Сиб. воен. округа, 1883. – С. 95-105.

²¹⁹ Соснерж К. А. Этнический фактор и формирование патерналистских традиций в окраинной политике Российской империи на востоке. Ч. 1 / Л. М. Дамешек, К. А. Соснерж // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2023. – № 1(49). – С. 43-48.

коренному населению сильно отличалась от российской по уровню своей лояльности и стремлению к эффективной интеграции. Например, согласно конституции США, индейцам было запрещено платить налоги, соответственно они не считались гражданами государства. Земли коренного населения либо покупались, либо отнимались насильственным путем.

Российские правительственные указы в отношении коренного населения Сибири, напротив, запрещали столкновения колонистов и коренного населения из-за земли, что в свою очередь имело свои преимущества как для той, так и для другой стороны. В отношении правительства, такой лояльный на первый взгляд подход обеспечивал бесперебойное поступление в государственную Казну высоко ценимой «мягкой рухляди» в виде ясачных выплат. Однако неоднократное повторение таких указов говорило о том, что на практике местные власти и русские промышленники не выполняли этих указаний, обстановка в этом отношении выстраивалась в ключе «отдаленности» от центра. Как констатировал в своем труде исследователь А. Капеллер: «Москва далеко, произвол и сила были в порядке вещей»²²⁰. Несмотря на это, российское правительство стремилось сохранить партнерские отношения с коренным населением в долгосрочной перспективе по нескольким причинам: малочисленность русского населения на территории Сибири, огромная территориальная разбросанность и слабость русских военно-административных центров, наличие потенциальной угрозы со стороны государств Центральной Азии.

Как итог, со второй половины XVIII в. на законодательном уровне стали разрабатываться проекты об увеличении присутствия русского населения на пограничных землях от оз. Байкала до городов Нерчинска и Кяхты с целью упрочения границы России с Китаем и Монголией. Здесь правительство пыталось решить двуединую задачу: не только обеспечение безопасности

²²⁰ Капеллер А. Формирование Российской империи в XV – начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды / А. Капеллер // Российская империя в сравнительной перспективе : сб. ст. – Москва, 2004. – (Новые границы). – С. 105-106.

границ, но и увеличение дохода, как минимум от русско-китайской торговли. В связи с этим, в 1799 г. вступил в силу сенатский указ о населении «Сибирского края, прилежащего к границам китайским», в котором подчеркивалось, что Сибирский край несет в себе весьма большой потенциал, однако ввиду слабой населенности не приносит должной пользы²²¹. Правительству виделось, что помимо огромных пустых пространств, которые можно было успешно использовать в земледелии, также существовала потенциальная возможность к занятию скотоводством «... по изящности и тучности пастьбы»²²².

Помимо установления дружественных отношений с соседями, существовала необходимость наиболее крепко сплотить отношения и внутри населения, особенно проживавшего на приграничной территории. Эта задача отвечала на запрос государства об окончательном закреплении Сибири за Российской империей не только в политическом и экономическом, но и в ментальном отношении. Так, по мере интеграции территорий и народов в состав Российской империи происходил не менее важный процесс – ментальное освоение региона. В данном контексте необходимо было выстроить конкретное понимание, что Сибирь – это неотъемлемая часть России. По замечанию исследователей Л. М. Дамешека и А. В. Ремнева, генеральным направлением в этой концепции явилось замещение понятия «Сибирь» понятием «Азиатская Россия»²²³. Роль носителя общероссийского «культурного кода» на отдаленных восточных окраинах отводилась русскому православному верноподданному, который личным примером должен был вовлечь в свою повседневную рутину местных коренных обывателей. И чем больше русского православного элемента формировалось на окраине, тем

²²¹ Именной Указ о населении Сибирского края... // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. – Санкт Петербург : Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Величества канцелярии, 1830. – 48 т.: указ. Т. 25. № 19157. – С. 813.

²²² Там же.

²²³ Сибирь в составе Российской империи. / Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. – Москва: Новое литературное обозрение, 2007. – С. 16.

эффективнее, на фоне укрепления этнодемографической целостности, проходил процесс инкорпорации. Такая крестьянская колонизация сознательно воспринималась правительством как необходимое дополнение военной экспансии.

Формирование политико-административной системы, вертикали власти, в том числе и на местах, инструментов управления в рамках единого юридического пространства отражалось и на развитии отношений центра с национальными окраинами. Важно учесть, что в рамках этой системы разрабатывались и получали свое становление наиболее эффективные модели взаимоотношений с этносами. Влияние этнического фактора на формирование всей административной инфраструктуры государства заключалось в лояльном отношении к национальным традициям и особенностям населения, что выражалось в сохранении изначальных названий административно-территориальных единиц, названий должностных лиц, и в большинстве случаев традиционного «обычного права». Имело место и существование на окраинах «инородческого» самоуправления (на низшем уровне). Однако, ввиду подвижности системы, ее стремления к развитию и усложнению, на разных промежутках времени происходил процесс трансформации как целой системы, так и отдельных ее звеньев, по большей части, под влиянием политического курса действующего правительства. Неизменной составляющей было то, что основные властные полномочия концентрировались в руках центра.

В целом, государственная администрация, учитывая социально-экономическую отсталость региона, в отношении сибирских окраин отдавала себе отчет в том, что местные потестарные образования на начальном этапе невозможно полностью подчинить российскому законодательству. Поэтому существовавшая система местного управления и самоуправления у народов Сибири была интегрирована в создавшийся на окраинах механизм государственно-правовой власти. В трансляции своей политической линии правительство стремилось прежде всего опереться на представителей

национальной элиты. Интересно отметить, что такая политическая тенденция зародилась после взятия Казани (1552 г.), когда вектор от жесткой интеграции территории был направлен в сторону более умеренной и гибкой политики государства. Основная идея такой политики заключалась в сохранении привилегий и земель лояльной татарской аристократии, кроме этого, в рамках проводимых мероприятий, мусульманские мурзы были приравнены к дворянскому сословию в России. Как отмечал упоминаемый выше А. Каппеллер, татарская элита могла владеть русскими христианскими крепостными, но русским дворянам было запрещено владеть нехристианскими крестьянами, «... эти крестьяне также сохранили свои земли и платили ясак... уже не хану, а Московскому царю»²²⁴.

Этот сюжет представляет интерес по нескольким причинам. Во-первых, здесь стоит отметить беспрецедентность случая, когда в российское пространство было инкорпорировано нехристианское население. Во-вторых, отметим проявленную в процессе интеграции гибкость проводимой политики, целью которой было обеспечить не только порядок, но и регулярную экономическую прибыль. В последующем мы еще не раз увидим такую прагматичность и лояльность в проводимой политике по отношению к восточным окраинам.

Таким образом, патерналистские тенденции в отношении вновь интегрированных территорий проявились с одной стороны как принятие коренного населения под эгидой новых подданных, которые в свою очередь имели право сохранять свои земли и обычаи, с другой стороны – подчинение местного самоуправления потребностям и интересам центрального правительства. С юридической точки зрения столь многоуровневый процесс инкорпорации сибирской территории шел на фоне другого важного процесса – проникновение центра в периферию. Это говорит о стремлении правительства к организации условий для наиболее эффективной и беспрепятственной трансляции функций центральной власти на удаленные

²²⁴ Каппелер А. Формирование Российской империи в XV – начале XVIII века... С. 104.

территории, несомненно имевшие важное политическое значение. В этой связи, по замечанию исследователя А. В. Ремнева «... центр являлся особым символическим и организационным образованием, который стремится не только извлекать ресурсы из периферии, но и проникать в нее, переносить туда свои духовно-символические принципы, организационно мобилизовать возможности периферии для своих целей»²²⁵. Большой процесс «превращения» Сибири в Россию не был сиюминутным мероприятием. Необходимо было перестроить существовавший на окраине экономический, социокультурный уклад. Здесь большую роль играл человеческий фактор, ибо основой для инкорпорации Сибири в общероссийское пространство послужило расселение русского православного населения. Благодаря этому, российское правительство стремилось сформировать крепкую основу в лице русского православного населения для последующей социокультурной инкорпорации коренных жителей.

2.2. Подчинение местного управления ведомству государственной администрации в XIX в.: от инструкций С. Л. Владиславича-Рагузинского к «Уставу об управлении инородцев» М. М. Сперанского

В XVII в. территория Сибири занимала около 80 % от российской и по своим характеристикам подходила под определение дикой и необитаемой местности. Тем не менее, до прихода русских, на этих широких пространствах проживало несколько десятков общностей, которые составляли численность примерно около 200 тыс. человек и отличались как в языковом отношении, так и по своему уровню жизни. Далее приведем сведения, отражающие то, как выглядела этнолингвистическая карта в данный период времени. Наиболее

²²⁵ Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления : коллект. моногр. / М. Д. Карпачев, А. Ю. Минаков, Н. И. Цимбаев [и др.] ; под ред.: М. Д. Долбилова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – (Монографии ; вып. 5). – С. 114.

многочисленными были народы, говорившие на языке тюркско-монгольской ветви алтайской языковой семьи (якуты – представители самого крупного тюркоязычного этноса; проживали на северо-востоке Сибири). Основная часть тюркоязычных народов селилась к западу от Саянских гор (предки современных тувинцев и тофаларов). Минусинскую котловину заселяли многочисленные тюркоязычные группы енисейских кыргызов. Тюркоязычным было и население лесостепных и таежных районов Западной Сибири, здесь проживали предки современных сибирских татар. По берегам Байкала и в долинах таких рек как Лена, Ангара, Селенга, Баргузин обитало монголоязычное население – эхириты, булагаты, хори-туматы (племена, составившие этническую основу бурятского этноса). На момент прихода русских отрядов, буряты были одним из самых крупных по численности народов Сибири. На ряду с перечисленными, существовала и остяцкая языковая группа, к которой принадлежали тунгусы, проживавшие в таежных лесах Восточной Сибири. На склонах Уральских гор, в Нижнем и Среднем Приобье жили ханты и манси – представители финно-угорской языковой группы сибирских народов²²⁶. Советский исследователь Б. О. Долгих в своей работе отмечал, что сложившееся таким образом расселение аборигенных племен в конце XVI – начале XVII вв. явилось «... результатом тысячелетних стихийных этногенетических и миграционных процессов, происходивших на одной десятой территории суши»²²⁷.

Имеющиеся сведения о составе населения на территории Сибири представлены посредством ревизских сказок, которые составлялись в рамках проведения ревизий податного населения Российской империи в XVIII – первой половине XIX вв., с целью подушного налогового обложения. Ревизские сказки представляли собой именные списки населения, в которых помимо фамилии, имени и отчества владельца двора, указывались также и его

²²⁶ Сибирь в составе Российской империи. / Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. – Москва: Новое литературное обозрение, 2007. – С. 202.

²²⁷ Долгих Б.О. Расселение народов Сибири в XVII в. // Советская этнография, 1952, № 3. – С. 76.

возраст, данные членов семьи. Всего в России было проведено десять ревизий, первая из которых датируется 1719 г., а последняя – 1858 г.²²⁸. Стоит отметить, что к концу XVII в. большая часть племен и родов коренного сибирского населения уже находилась в подданстве русского царя.

Острым вопросом для центральной власти являлся статус населения юго-восточной части Сибири, в частности – Забайкальского края. Главная проблема заключалась в отсутствии четких границ с соседними государствами. Кроме этого, положение осложнялось и тем, что на смежных территориях кочевали племена, условно находившиеся под китайским владычеством. Конкретно определенной границы между Российским и Китайским государствами не существовало вплоть до заключения Нерчинского договора в 1689 г. В свою очередь, ввиду отсутствия четкой границы кочевавшие на незакрепленных территориях племена часто облагались данью как со стороны монгольского правительства, так и со стороны русских служилых людей. Такие племена в силу своего кочевого образа жизни и, соответственно, высокой мобильности находились на особом положении т. к. условно обозначали своего рода западный фронт (подвижная граница – К. С.) Китайского государства. Номадный образ жизни позволял кочевникам совершать довольно большие переходы за сотни километров и к западному, и к восточному берегам Байкала. Нередко это совершалось с целью спасения от различных притеснений.

О дальних маршрутах перекочевков свидетельствуют челобитные бурятских зайсанов и «отписки» русских казаков, на которые в своем труде ссылается советский ученый Е. М. Залкинд «... для ясачного промыслу и за скудостью скотских кормов, кочуют они братские люди от Байкала моря со скотом вверх по Селенге, выше Удинска на Иволгинские и на Оронгойские степи по вся годы с ведома из Селенгинска от приказных людей»²²⁹. Другие

²²⁸ Дамешек Л. М. Бурятский этнос в имперской системе власти... С. 134.

²²⁹ Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России / Е. М. Залкинд ; [отв. ред. Г. Н. Румянцев] ; Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. комплексный НИИ. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1958. – С. 166.

же свидетельства указывали более дальние расстояния: «Они де к Еравнинскому острогу ездят кочевать для конских кормов по Уде, по Хилку, по Темлюю, по Оне и по Кудуну, по Курбе рекам...»²³⁰. Важно отметить, что и после установления пограничных знаков, кочевым племенам не составляло особого труда при необходимости уходить как в монгольские степи, так и на территории, которые к тому времени юридически были подчинены русской воеводской администрации.

Исторически Забайкальская территория являлась периферией для монгольского кочевого мира. Имели место случаи, когда напряжение доходило до того, что представители бурятских, эвенкийских общностей обращались к русским с просьбой построить остроги и усилить казачьи гарнизоны, чтобы защититься от монгольских набегов. Нельзя не отметить, что защита бурят и эвенков вполне соответствовала интересам российского правительства. Так, постепенно сближаясь с русскими, против «общего» врага, коренное население повсеместно становится под эгиду острожных гарнизонов²³¹.

Сеть русских острогов разрасталась в направлении востока приблизительно в течение 30 лет (с 1630-х гг.), достигнув в 1650-х гг. берегов верхнего течения реки Амура, где был основан Албазинский острог, за которым начинались земли Цинской империи. К 1680-м гг. возникла острая необходимость разграничить территории между двумя крупными державами. На этом этапе вопросы дипломатического характера были тесно связаны с торговыми интересами. Так, вслед за военно-административным освоением, выражающимся в расширении сети оборонительных пунктов, правительство намеревалось решить и ряд экономических задач.

²³⁰ Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России / Е. М. Залкинд ; [отв. ред. Г. Н. Румянцев] ; Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. комплексный НИИ. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1958. – С. 166.

²³¹ История Бурятии : в 3 т. / Л. Л. Абаева, Е. Ф. Афанасьева, Б. В. Базаров [и др.] ; гл. ред. и рук. проекта Б. В. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – Т. 2 : XVII – начало XX в. – С. 49-50.

С целью сближения с Китайским государством в январе 1686 г. было организовано русское посольство, которым руководил действующий глава внешнеполитического ведомства, сибирский наместник Ф. А. Головин. Характер переговоров определялся как миролюбивый и уступчивый. Стоит отметить, что работа делегации проводилась на фоне обострившегося в 1687-1688 гг. военного конфликта между монголами, которые действовали при поддержке маньчжурских отрядов, и русскими острожными гарнизонами. Итог длительных переговоров с китайской стороной – заключение в августе 1689 г. Нерчинского трактата, согласно которому территория Забайкалья закреплялась за Россией. Однако вопрос о южной границе территорий еще около 40 лет оставался открытым, вплоть до заключения в 1727 г. Буринского пограничного трактата и Кяхтинского договора (ратифицирован в июне 1728 г.)²³².

Помимо четкого разграничения территорий, Нерчинский трактат регламентировал торговые отношения для подданных обоих государств. Однако, по замечанию томских исследователей С. В. Кириллова и В. В. Шевцова, со стороны китайских властей торговый вопрос являлся второстепенным по отношению к демаркации границы, поскольку Цинская империя имела довольно широкие притязания на сибирские территории – от берегов Байкала до Якутска²³³.

Таким образом, российское правительство в проведении окраинной политики должно было руководствоваться прежде всего такими факторами как близость к границе с Китайским государством, беспокойное соседство с монгольскими племенами, отличный от центральной части России уровень экономического и социокультурного состояния инкорпорированного населения. Генеральной линией в проводимой политике на данном этапе

²³² Границы Китая: история формирования : коллект. моногр. / В. С. Мясников, Е. Д. Степанов, А. А. Бокцанин [и др.] ; под общ. ред. В. С. Мясникова, Е. Д. Степанова. – Москва : Памятники ист. мысли, 2001. – С. 84, 89, 91.

²³³ Кириллова С. В. Нерчинск – Пекин: русские торговые караваны в 1689-1703 гг. / С. В. Кириллова, В. В. Шевцов // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 435. – С. 121-122.

явился процесс закрепления подданства коренного населения, проживавшего на территории Юго-Восточной Сибири при минимальном участии в делах на уровне самоуправления. Последнее объясняется тем, что в понимании российского правительства существовавшие местные потестарные образования на начальном этапе было невозможно полностью подчинить российскому законодательству. Поэтому, планировалось органично интегрировать систему местного самоуправления коренного населения в административно-правовое поле Российского государства.

Один из ярких примеров интеграционной политики российского правительства на данном этапе – документ под названием «Инструкция пограничным дозорщикам» от 30 июня 1728 г. Григорию Фирсову и Онисиму Михалеву. Основные его положения логично продолжают предшествующие узаконения как в отношении пограничных территорий, так и в отношении народов, населявших эти территории, подчеркивая при этом основную цель: «... для порядочного пограничного смотрения», чтобы «... не дать никакой причины к нарушению мирного трактата»²³⁴.

Автор инструкций – действительный статский советник, граф С. Л. Владиславич-Рагузинский в рамках Инструкции подробным образом изложил в 12-ти основных и 7-ми дополнительных (для «иноземцев») пунктах функции для каждого из дозорщиков, а также для тех, кто должен был им способствовать в исполнении пограничного контроля. Почетная роль караульных «провожающих» отводилась бурятской «верхушке» – зайсанам и шуленгам.

В набор функций пограничных дозорщиков входило следующее: ремонт пограничных знаков, личный осмотр караулов, контроль за местным приграничным движением, наблюдение за проведением торговых операций (исключительно на территории Кяхты и Аргуни), расчет штатной численности

²³⁴ Сычевский Е. И. Историческая записка о Китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году / Е. И. Сычевский ; сообщает В. Н. Баснин ; Император. О-во Истории и Древностей Рос. при Моск. ун-те. – Москва : Катков и К, 1875. – Кн. 2. – С. 26.

для несения пограничной службы. В отношении кочевого населения предусматривалось ограничение отгона скота близ пограничных территорий. Вместо этого предписывались перекочевки в места, отстоявшие от границы на несколько верст²³⁵. Важным пунктом, согласно Инструкции, было установление доброжелательных отношений с монгольскими караульными. По результатам ведения пограничной службы ежегодно составлялся отчет. В отношении местного населения особо подчеркивалась необходимость проявлять уважение и доброжелательность. Кроме этого, предписывалось по возможности стремиться расположить к себе «верхушку» бурятского общества²³⁶. Так, генеральной идеей основных положений Инструкций выступало стремление правительства укрепить власть в регионе главным образом через представителей родоплеменной знати – будущей национальной элиты. На данном этапе, как уже отмечалось в предыдущем параграфе, государственная администрация пыталась выстроить гибкую прагматическую политику в отношении интегрируемой территории для последующего процесса инкорпорации.

Помимо регламентации пограничного надзора, большое внимание в документе уделялось установлению дружественных отношений в среде коренного населения. Начать с «чистого листа» предписывалось отменой и уничтожением всех судебных дел, которые были произведены до 1720 г. Для того, чтобы избежать «нежелательное» влияние на умы коренного населения со стороны монгольского мира, впредь запрещалось принятие новых лам. Вместо этого допускалась деятельность только тех лам, которые после разграничения остались на российской стороне. Интересно отметить несколько пунктов документа, деликатно отразившие фискальный интерес центральной власти: ясачные плательщики с настоящего момента

²³⁵ Сычевский Е. И. Историческая записка о Китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году / Е. И. Сычевский ; сообщает В. Н. Баснин ; Император. О-во Истории и Древностей Рос. при Моск. ун-те. – Москва : Катков и К, 1875. – Кн. 2. – С. 30.

²³⁶ Там же. С. 32.

закреплялись за определенным родом без права перехода в другой род; оплатить ясак можно было как натурой – «зверьем и китайкой», так и деньгами «по цене без излишеств». Важно отметить и новые полномочия, игравшие ключевую роль в выстраивании окраинной политики государства, которые получили вместе с тем бурятские родоначальники – взимание ясака и ведение «малых» судебных дел, до этого находившихся в ведении Земских Комиссаров²³⁷. Так, посредством установления контакта с местным населением, а также при поддержке родоплеменной знати, которая в свою очередь была освобождена от уплаты ясака, происходил процесс укрепления пограничной территории за Байкалом. Не смотря на эти нововведения в отношении коренного населения, фактически оно не обладало юридическим статусом. Поэтому, каких-либо кардинальных мер в отношении «иноземцев» со стороны правительства не предпринималось, таким образом, патерналистская модель взаимодействия с коренными народами Сибири сохранялась всю вторую четверть XVIII в.

Логичным продолжением политической деятельности в отношении организации управления регионом явилась Инструкция подпоручику лейб-гвардии Семеновского полка, секунд-майору А. П. Щербачеву от 6 февраля 1763 г., за подписью императрицы Екатерины II. Основные положения документа касались урегулирования «ясачной повинности». Для того, чтобы урегулировать ясачный вопрос в регионе, была сформирована знаменитая Комиссия Щербачева, действовавшая на основе указанной Инструкции, и явившаяся по сути первой ясачной реформой. Комиссией Щербачева впервые была проведена перепись «ясачных иноземцев», с целью обложения их новой податью.

Согласно инструкции, необходимо было унифицировать существовавшие нормы и формы ясачного обложения, что повлекло за собой

²³⁷ Сычевский Е. И. Историческая записка о Китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году / Е. И. Сычевский ; сообщает В. Н. Баснин ; Император. О-во Истории и Древностей Рос. при Моск. ун-те. – Москва : Катков и К, 1875. – Кн. 2. – С. 34-37.

отмену аманатства-заложничества, а также упразднение институтов ясачных сборщиков и, как уже отмечалось ранее, передачу их функций в руки родоначальников. Так, в процессе интеграции существовавших потестарных образований в административно-правовое поле Российского государства изменился и характер ясачной подати, отразившийся в свою очередь и на статусе податного населения – «ясачные иноземцы» превратились в «верноподданных иноверцев». Другими словами, ясак – как атрибут даннической зависимости, трансформировался в своеобразную форму налога в пользу государства. В целом, документ не только подтвердил основные положения Инструкции Владиславича-Рагузинского, но и явился наиболее полным законодательным актом в отношении коренного населения Сибири вплоть до учреждения в 1822 г. «Устава об управлении инородцев».

На административном уровне вышеуказанные мероприятия, проводимые со стороны правительства, отражали его стремление к централизации власти. Однако, сконцентрировать функции по управлению окраинными территориями в столице было невозможно, что сформировало потребность к деконцентрации власти на местах. В разные периоды времени это обстоятельство проявлялось как в положительном, так и в отрицательном ключе. Например, в отношении последнего, можно отметить результаты исследования корпоративной этики местной административной власти – масштабы служебных злоупотреблений зависели от того, насколько далеко от центра находится служебное лицо. Так проявлялась проблема, связанная с отсутствием эффективного управления, что в свою очередь сформировало весьма специфические отношения местной администрации с населением подведомственных ему территорий.

Говоря о несоблюдении должностных полномочий и других злоупотреблениях служебным положением, следует упомянуть сюжет в истории, связанный с проведением ревизии М. М. Сперанского, который был направлен в Сибирь в 1819 г. в качестве нового, сменившего И. Б. Пестеля, генерал-губернатора. Результаты ревизии Сперанского обнажили не только

лихоимство, насилие и самодурство, процветавшее на территории далекой восточной окраины, но и бедственное положение как крестьянского, так и ясачного населения, находившегося в долговой кабале на несколько поколений вперед. Не смотря, на предписания последних двух столетий о соблюдении ясачной политики, «ненасилии» в отношении коренного населения при ясачных сборах, установлении дружественных с ним отношений, взыскание податей, переросших в последствии в долги, производилось по абсолютно произвольным ценам и весьма неправомерными методами. Например, по замечанию исследователя-правоведа С. М. Прутченко, земское начальство интерпретировало статью Инструкции Щербачеву в отношении ясачных ярмарок следующим образом: «... по собственному своему выбору и на условиях столько же отяготительных для торговли и ясачных, как и прибыточных для себя лично»²³⁸.

Явный экономический упадок в хозяйственном отношении населения был не единственной проблемой на рубеже XVIII – первой четверти XIX вв. Дело в том, что еще одной острой проблемой являлось несоответствие современным реалиям и запросам существовавшего на момент проведения ревизии законодательства. В экономическом плане, правительству необходимо было восстановить регулярное и полноценное поступление «мягкой рухляди», составлявшую значительную статью доходов Кабинета. При этом, здесь следовало учитывать, что для удовлетворения этого запроса необходимо принимать во внимание положение коренного населения, которое в свою очередь играло весьма значимую роль в экономике Сибири. На данном этапе, правительство вновь прибегло к выстраиванию гибкой политической линии в рамках проведения окраинной политики. Поэтому, кроме ревизии Сперанскому было поручено разработать проект реформы по управлению

²³⁸ Прутченко С. М. Сибирские окраины : областные установления, связанные с сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства : прил. / С. М. Прутченко. – Санкт-Петербург : Изд-во А. С. Суворина, 1899. – С. 179.

Сибири²³⁹. В рамках настоящего исследования, автором отдельно был рассмотрен и проанализирован текст «Устава об управлении инородцев» 1822 г., поскольку именно этот документ отражает юридический аспект в отношении коренного населения Сибири, что в свою очередь представляет научный интерес автора работы.

Разработанный М. М. Сперанским «Устав об управлении инородцев» 1822 г. (далее – Устав) представляет возможным проанализировать, какая роль отводилась коренному населению Сибири в социально-экономическом, юридическом и культурном пространстве Российского государства. Далее приводятся основные принципы указанного проекта, которые касаются непосредственно реализации административно-управленческих практик в отношении коренного населения²⁴⁰.

Согласно п. 1 Устава, коренное население было разделено на три разряда, в соответствии с типом хозяйствования – оседлые, кочевые и бродячие. П. 11 Устава уточнял способ их хозяйствования и пропитания: оседлые – живут в городах и селениях; кочевые – занимают определенные места в зависимости от сезона; бродячие (ловцы) – совершают длительные переходы по рекам и урочищам.

Поскольку большая часть коренного населения Забайкалья вела кочевой образ жизни, для них наиболее подробно было разработано административное устройство. Управление кочевниками разделялось на три ступени: родовое управление, инородная управа и Степная дума. Согласно пп. 94, 103 и 114 Устава, устанавливалось следующее. Родовое управление являлось низшей ступенью и включало в себя отдельные улусы и стойбища рода (не менее 15 семейств). Глава родового управления именовался старостой, которому позволялось иметь одного или двух помощников. Инородная управа

²³⁹ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского / М. А. Корф. – Санкт-Петербург : Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Величества канцелярии, 1861. – Т. 2, ч. 3-5. – С. 175-176.

²⁴⁰ Высочайше утвержденный Устав – об управлении инородцев // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. – Санкт-Петербург : Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Величества канцелярии, 1830. – 48 т.: указ. Т. 38, № 29126. – С. 394-407.

составляла среднюю ступень управления и занималась ведением нескольких стойбищ и улусов или нескольких родовых управлений. Во главе инородной управы стоял голова, в подчинении которого находились несколько выборных, замещавших его при необходимости, и письмоводитель. Высшей ступенью управления являлась Степная дума, которая по своему значению была административной единицей, состоявшей из нескольких родовых управлений или инородных управ. Руководил Степной думой главный родоначальник. Эта ступень управления служила заменой предшествующим Степным Конторам.

Установления в отношении торговли, также касались местной административной власти. П. 45 предписывал запрет торговли чиновникам с «инородцами» с целью пресечения различных нарушений. В экономическом плане Устав поддерживал принцип свободной торговли – коренным жителям позволялось отлучаться в соседние селения и города (без получения разрешения Земской Полиции не далее, чем на 500 верст), что должно было способствовать улучшению экономической ситуации в регионе.

В налоговом отношении, как равно и в гражданских правах и обязанностях, оседлые «инородцы» были приравнены к государственным крестьянам. Устав предполагал взимание налогов трех видов: казенные подати, земские повинности и повинности на содержание Степного управления. П. 300 Устава не предполагал введения дополнительных государственных налогов для кочевых и бродячих «инородцев». Ясак взимался как в денежной форме, так и пушниной, причем последняя при оценке делилась на обыкновенную и дорогую.

В отношении коренного населения Устав предписывал соблюдение принципов веротерпимости. Согласно пп. 53-56, принятие православного крещения «инородцами» не возбранялось, но и не предполагало каких-либо льгот или преимуществ. Важный момент, отмеченный в п. 58 Устава заключался в том, что дети коренных жителей в независимости от их вероисповедания имели возможность обучаться в учебных заведениях. В

последствии, возможность обучения получали дети только крещеных «инородцев».

Гибкость окраинной политики правительства проявилась в сохранении некоторых национальных традиций коренных жителей, Устав сохранял почетные звания кочевого населения. П. 64 предписывал сохранение наследственных званий, однако в случае отсутствия прямого наследника, Устав давал определенную свободу выборному началу.

«Устав об управлении инородцев» в первой половине XIX в. стал широчайшим законодательным актом, регламентирующим юридическое участие коренного населения в общероссийских экономических, политических и социокультурных процессах. Генеральной идеей Устава являлся постепенный переход, по мере совершенствования хозяйственной деятельности, от кочевого и бродячего образа жизни «инородцев» к оседлому. Одновременно с выходом на более сложные уровни хозяйствования коренного населения, правительство стремилось закрыть свои потребности в финансовом отношении. Дело в том, что переход на оседлое производство предполагал взимание более высокого податного оклада, который платили государственные крестьяне.

Начало реализации проекта Устава на территории Иркутской губернии было положено действующим генерал-губернатором Восточной Сибири А. С. Лавинским, когда текст Устава был переведен на бурятский язык. После этого планировалось собрать подробные сведения о быте, типе хозяйствования и традициях коренного населения для того, чтобы в последующем более эффективно провести разделение на уже упомянутые три категории. В сборе этих сведений помогали представители родоплеменной знати и другие «почетные инородцы». По результатам собранных данных, выяснилось, что абсолютное большинство бурят по уровню своего экономического состояния не могут быть отнесены к категории «оседлых». Категория «кочевых» оказалась наиболее многочисленной. Напомним, что последняя находилась в ведении вновь созданных институций – Степной дум. Несмотря на то, что

Степные думы по Уставу предполагались лишь для кочевого населения Забайкальской области, ввиду обширности территории и разбросанности селений, на территории западных бурят было основано 7 Степных дум: Аларская, Балаганская, Идинская, Кудинская, Верхоленская, Ольхонская, Тункинская. На территории Забайкальской области вели свою работу 5 Степных дум: Хоринская, Агинская, Кударинская, Баргузинская и Селенгинская.

Таким образом, в указанный период главным образом мы можем представить не только эволюцию административной системы в отношении коренного населения со стороны российского правительства в процессе интеграции восточных окраин, но и те изменения, которые происходили в определении роли и места «инородца» в сибирском социуме. Переход от «ясачных иноземцев» к «верноподданным иноверцам» ясно отражает статус, которым стало обладать коренное население, получив возможность уплачивать налоги в пользу «своего» государства, подданным которого оно являлось. В свою очередь, генеральная идея процесса инкорпорации населения в период второй половины XVII – XVIII вв. заключалось в защите фискальных интересов российского правительства, однако в последствии, организация управления в регионе была переориентирована на проведение более гибкой, многовариантной административной политики, учитывающей местные особенности. В том числе, здесь нашла выражение идея этноконфессиональной толерантности. В первой четверти XIX в. с выходом Устава «верноподданные иноверцы» получили юридический статус «инородцев». Потестарные образования, существовавшие на территории Юго-Восточной Сибири в этот период времени, органично включались в общероссийское административно-правовое, экономическое и социокультурное пространство, формируя при этом единую и неделимую как в географическом, так и в ментальном смысле Азиатскую Россию. Стоит отметить, что на данном этапе административная структура в регионе только

устанавливалась, поскольку в фоновом режиме происходил поиск и подбор ее уникальных форм и инструментов управления.

2.3. Разработка проектов по реформированию управления Сибири во второй половине XIX в.: от принятия «Программы» А. П. Игнатьева к началу реализации Волостной реформы на территории Юго-Восточной Сибири

К середине XIX в. «Устав об управлении инородцев» по мнению представителей российской администрации стал терять свою актуальность. На повестку дня все чаще выдвигались предложения о пересмотре положений документа. Генеральной тенденцией этого периода явилась идея полной унификации коренного населения с русским. В рамках этой концепции был разработан и представлен на обсуждение ряд проектов законодательных актов, которые предполагали упразднение существующего административно-территориального устройства и организации единой волостной системы на территориях проживания коренного населения Сибири. Кроме этого, вновь поднялась волна многочисленных должностных нарушений со стороны местной администрации при сборе налогов, отбывании повинностей, при судопроизводстве, а также при выборе новых должностных лиц. Фактически, в регионе повторилась ситуация, которая в свое время побудила центральные власти провести реформу управления Сибири в первой четверти XIX в. Однако в этот раз, проектирование будущих реформ растянулось более чем на 40 лет – с конца 1840-х гг., когда на обсуждение был выдвинут проект действующего генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева о создании «образцовых инородческих волостей» при учете подобного опыта в Западной Сибири, где уже вели свою работу более 40 таких волостей (28 – в Тобольской губернии, и 15 – в Томской) ²⁴¹ до конца 1880-х гг.,

²⁴¹ Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа : очерки / Ф. А. Кудрявцев ; Бурят-Монг. гос. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории. – Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1940. – Кн. 1 : От XVII в. до 60-х годов XIX в. – С. 57.

ознаменовавшихся выходом десятилетней «Программы» генерал-губернатора Восточной Сибири графа А. П. Игнатьева.

В 1858 г. на Совете Главного управления Восточной Сибирью (далее – ГУВС) рассматривался проект, по которому коренному населению гарантировались определенные льготы при условии, что они примут оседлый образ жизни. Кроме этого, планировалось осуществить распространение образования среди коренных жителей. Однако поражение Российской империи на западном и ближневосточном фронтах в 1860-х гг. повлекло за собой изменения в характере окраинной политики государства. Кроме того, в данный период обострились национальные и региональные противоречия. В сложившихся условиях правительством была принята новая внутривластная концепция, сутью которой являлось максимальное вовлечение регионов в общероссийское пространство. Эта идея была поддержана не только с позиции обновления идеологии, но и с финансовой. Поражение в Крымской войне показало, что стране нужны новые источники доходов. Так, фокус внимания правительства вновь направился в сторону Сибири.

Стоит отметить, что не последняя роль на этом этапе отводилась православной церкви. Дело в том, что церковь и государство в отношении коренного населения действовали с единой позиции. На миссионерских съездах во второй половине XIX в. рассматривались вопросы о том, как наиболее эффективно распространить идеи православного христианства на территории проживания коренного населения. Кроме этого, при совместных обсуждениях аграрных вопросов позиция священнослужителей заключалась в активной поддержке межевания земель среди бурят. Церковь полностью соглашалась с мнением и стремлением правительства к переводу кочевого населения на оседлость. Освободившиеся в ходе поземельных работ участки земель планировалось заселять преимущественно русским православным крестьянством для более интенсивной культурной ассимиляции коренного населения.

В течение 70-х гг. XIX в. продолжали выдвигаться предложения о подчинении бурятского населения действию общероссийского законодательства. В этот период по данному вопросу занимались разработкой проектов действующие каждый в свое время иркутские генерал-губернаторы К. Н. Калашников, П. А. Фредерикс, Д. Г. Анучин. Последним из них уже в 1880-1881 гг. в рамках ежегодного отчета по управлению краем была окончательно признана неактуальность «Сибирского учреждения» 1822 г. Анучин даже оценил его как «анахронизм, требующий окончательной отмены»²⁴². Проекты последующих нескольких лет касались вопроса изменения инородческого управления, в частности замены Степных дум инородными управами и последующего упразднения должности главного родоначальника, поскольку отмечалось, что «иркутские буряты живут почти оседло»²⁴³.

В 1885 г. над решением этого вопроса работал военный губернатор Забайкальской области Я. Ф. Барабаш. Однако помимо упразднения Степных дум, чиновник выдвигал предложения о введении воинской повинности в отношении «инородцев» и подчинении их юрисдикции русских судов. Наряду с этим, проектом Барабаша предусматривалось и сохранение некоторых привилегий коренного населения. Например, ввиду специфики хозяйственно-бытового уклада забайкальского населения, справедливо предлагалось установление меньшего налогообложения и выделения большего земельного надела по сравнению с русскими крестьянами.

Разработка проектов будущих преобразований на территории региона, как уже отмечалось выше, заняла почти полвека, а сами предложения носили рекомендательный характер, не предполагая конкретного плана действий. Здесь стоит также отметить, что период реформ 60-х, 70-х гг. в центральной

²⁴² Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. 1. Вып. 1. – Иркутск : типография Штаба Восточно-сибирского военного округа. – 1884. – С. 122.

²⁴³ Государственный Архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 29. Оп. 1. Д. 6. Л. 206-207.

части России лишь отголосками отзывался в далекой Сибири, однако и эти отголоски послужили основой к введению будущих преобразований. Интересно, что наступивший период контрреформ во внутренней политике государства, повлек за собой долгожданное реформирование управления Сибири. Начался процесс поэтапной унификации сибирского коренного населения с русским.

В конце 1880-х гг. генерал-губернатор Восточной Сибири граф А. П. Игнатьев в своем Всеподданнейшем отчете за 1887-1889 гг. акцентировал внимание на том, что «Устав об управлении инородцев 1822 г.» потерял свою актуальность, а «...существующий порядок инородческого управления значительно отступил от самого духа закона»²⁴⁴. В отношении коренного и русского населения Игнатьев подчеркивал, что большая часть бурятского населения к настоящему моменту перешла в оседлое состояние, а перемещения из «зимников» в «летники» едва ли можно считать полноценными перекочевками, поскольку крестьянское население так же регулярно перемещается из деревень на «заимки». Однако, не смотря на схожесть в ведении быта крестьянского и коренного населения, как считал генерал-губернатор, последние, согласно принятому узаконению, сохраняли за собой свои привилегии, что, в свою очередь, несло негативный характер для государственной власти: «... инородец, пользующейся в большинстве случаев лучшею землею и в большем ее количестве, платит менее податей, чем крестьянин, и не несет воинской повинности»²⁴⁵. Существенные недостатки были выявлены в работе местной администрации. Например, учрежденные Уставом 1822 г., Степные думы, функционировали некорректно: во-первых, учреждение Степных дум допускалось лишь на территории Забайкальских бурят, в то время как эти институты действовали и в бурятских ведомствах Иркутской губернии: Идинская, Верхоленская, Тункинская, Кудинская, Ольхонская, Аларская и Балаганская степные думы; во-вторых, искажались и

²⁴⁴ ГАИО. Ф. 25. ОЦ. Д. 563. Л. 22 об.

²⁴⁵ Там же. Л. 22.

функции и без того неверно учрежденных институций – вместо решения, согласно Уставу 1822 г., хозяйственных вопросов, эти учреждения решали и ряд административных задач; в-третьих, во многих ведомствах отсутствовала, предусмотренная Уставом, вторая ступень управления – инородные управы. Искажения в функционировании местной администрации, исходя из материалов Всеподданейшего отчета, заключались еще и в том, что родовые управления, вопреки положениям Устава 1822 г., заведовали большим количеством стойбищ. Это в свою очередь породило проблему, связанную с «... искусственно созданной перепиской», что автоматически увеличивало сроки делопроизводства, и запутывало решение административно-хозяйственных вопросов²⁴⁶.

Как результат некорректной работы местных органов власти, появилась не предусмотренная уставом должность улусного старшины и ряд, связанных с этой должностью недоразумений, длившихся до конца 1890-х гг. Например, согласно материалам Государственного архива Иркутской области (далее – ГАИО), в 1895 г. канский исправник передал в канцелярию Иркутского генерал-губернатора ходатайство «старшины» Угумакова улуса Енисейской губернии о выдаче последнему соответствующего его обязанности специального значка, аргументируя свое заявление тем, что «... отсутствие у него какого либо знака может породить сомнение в его личности»²⁴⁷. На что был получен отрицательный ответ следующего содержания: «... вопрос о присвоении должностных знаков лицам, служащим по управлению инородцев может иметь место только по отношению голов и родовых старост, должности коих соответствуют отчасти должностям волостного старшины и сельского старосты; что же касается улусных старшин, то не только присвоение им особых знаков, но и самое существование названной должности не встречает оснований в действующем Законе об управлении сибирских инородцев»²⁴⁸.

²⁴⁶ ГАИО. Ф. 25. ОЦ. Д. 563. Л. 22 об.

²⁴⁷ ГАИО. Ф. 25. Оп. 27. Д. 950. Л. 1.

²⁴⁸ Там же. Л. 4-4 об.

Для восстановления законного порядка генерал-губернатор, прежде всего настаивал на упразднении Степных дум, которые «нередко служили тормозом мероприятиям администрации, направленным к лучшему устройству инородцев»²⁴⁹. С упразднением дум, по умолчанию, должны были прекратить свое существование должности главных родоначальников «тайшей». Это было необходимо, как считал Игнатъев, для того чтобы прекратить произвол среди лиц, занимавших указанную должность, а также для прекращения раздоров и борьбы различных партий из-за выбора тайши. После этого планировалось разделить обширные бурятские ведомства на более мелкие единицы, приблизительно равные крестьянским волостям, с учреждением в каждой из них инородной управы. Кроме этого, Игнатъев настаивал на уничтожении канцелярий с должностью писаря на низших ступенях инородческого управления.

Еще одним важным предложением Игнатъева по переустройству управления коренным населением было, озвученное им на съезде Сибирских преосвященных в 1885 г., требование обязательного выбора представителей от крещеных инородцев в инородческие управы всех степеней. Здесь стоит отметить, что конфессиональная политика на окраинах, в целом, отражала реакционный характер внутренней политики Российского государства, который оформился к концу XIX в. Процесс распространения православия среди коренного населения рассматривался российским правительством как один из основополагающих элементов интеграционной политики в регионе. Упомянутый выше миссионерский съезд, который проходил в Иркутске в 1885 г. в присутствии генерал-губернатора Восточной Сибири А. П. Игнатъева имел главной целью разработку вопроса, касающегося распространения православного христианства среди коренного населения, в особенности среди забайкальских бурят. Согласно протоколам съезда, исследователь Л. М. Дамешек в своем труде отмечает, что столь пристальное внимание участников съезда к данному вопросу было уделено на первом же его заседании и

²⁴⁹ ГАИО. Ф. 25. ОЦ. Д. 563. Л. 22 об.

выражалось следующим образом: «Этого требует великая и высокая важность обращения инородцев к христианству во всех отношениях – и в религиозно-нравственном, и в гражданском, как верный шаг к объединению их с русским народом и обрусению»²⁵⁰. В таком же ключе выстраивалась работа всех последующих съездов. При этом, важная роль отводилась не только обсуждениям по усилению миссионерской деятельности священнослужителей, но и в разработке и реализации соответствующих проектов на законодательном уровне. В результате был разработан ряд предложений, реализация которых, по мнению представителей церковной и светской власти, способствовали бы дальнейшему усилению русификации и христианизации коренного населения. По своему характеру эти предложения относились скорее к компетенции государственных органов, нежели чем церковных, и звучали следующим образом:

1) межевание земель коренного населения с целью форсировать переход от кочевого образа жизни к оседлому для дальнейшего привлечения уже оседлых «инородцев» к христианству;

2) замена существующей с 1822 г. административной структуры волостной организацией при «обязательном выборе представителей от инородцев христиан в инородческие управы всех степеней»;

3) введение воинской повинности для последующего сближения коренного населения с русским в условиях военной службы;

4) уплата ясака не в натуральной, а в денежной форме, как это делало русское крестьянское население²⁵¹.

Все указанные меры так или иначе рассматривались под углом активного распространения христианства и уравнивания в правах и обязанностях коренного населения с русскими крестьянами. В поддержку этому выступают замечания генерал-губернатора Восточной Сибири А. П. Игнатьева, изложенные в уже упомянутом нами Всеподданейшем отчете: «...

²⁵⁰ Дамешек Л. М. Избранное... Т. 1. – С. 309-310.

²⁵¹ ГАИО. Ф. 25. ОЦ. Д. 563. Л. 23.

прежде всего следует всемерно способствовать полному слиянию бурят с остальным русским населением, иначе говоря обрусению их, что, в свою очередь, несомненно поведет и к успехам в деле миссионерской проповеди [...] Крестившийся, по понятиям бурят, делается «русским» и именование «братским» становится для него, некоторым образом, оскорбительным»²⁵².

Основные направления будущих преобразований в управлении Сибири были сформулированы Игнатьевым в документе, который получил название «Программа деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. и приблизительно на 10 лет». В одной из своих работ²⁵³, автор диссертации упоминал мнение исследователя Л. М. Дамешека, о том, что если предыдущие проекты лишь настаивали на реформе управления коренным населением, то проект А. П. Игнатьева содержал конкретные рекомендации по этому вопросу²⁵⁴. Документ был выдержан актуальной для этого периода концепции «обрусение инородцев», что и представленный нами выше Всеподданнейший отчет.

Анализируя положение, сложившееся в административной практике в регионе, А. П. Игнатьев писал, что он неоднократно убеждался «во многих неправильностях и отступлениях от основных начал, установленных для него Положением 22 июля 1822 г.»²⁵⁵. В частности, Игнатьев отмечал, что согласно «Уставу» Степные думы, в качестве третьей ступени управления, дозволялось иметь лишь забайкальским бурятам, для того, чтобы несколько родов, соединенных вместе могли вести свое хозяйство. В то время, как на территории Иркутской губернии действовало целых 7 Степных дум:

²⁵² ГАИО. Ф. 25. ОЦ. Д. 563. Л. 23-23 об.

²⁵³ Соснерж К. А. Генерал-губернаторская власть и проблема инкорпорации бурятского населения в административное пространство Российской империи (вторая половина XIX в.) // Сибиряковские чтения : Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, г. Иркутск, 24-25 октября 2019 г. – Иркутск : Оттиск, 2019. – С. 48.

²⁵⁴ Дамешек Л. М. Избранное... Т. 1. – С. 236.

²⁵⁵ Дамешек Л. М. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. : монография / Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас ; отв. ред. Б. В. Базаров ; рец.: А. А. Борисов [и др.]. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. – С. 167.

Идинская, Верхоленская, Тункинская, Кудинская, Ольхонская, Аларская и Балаганская.

Для того, чтобы привести инородческое общественное управление в порядок Игнатьев предложил следующее: 1) организация инородческого управления из двух степеней: инородные управы и родовые управления; 2) оптимизация деятельности родового управления. Таким образом, при установлении должного порядка в рамках общественного инородческого управления не было необходимости содержать дополнительные помещения и оплачивать работу должностных лиц.

По воспоминаниям современника событий Медведева А., 2 февраля 1886 г. Игнатьев лично посетил собрание при Балаганской степной думе, где присутствовали родоначальники и доверенные лица. Целью визита генерал-губернатора было провести разъяснительную беседу о пользе учреждения инородных управ²⁵⁶. Как признавались сами чиновники высшей администрации, инородные управы являлись более гибкими административными единицами²⁵⁷. Кроме этого, если в Степных думах должности тайшей – главных родоначальников замещались преимущественно по наследству, то в инородных управах должности занимались путем тайного голосования, что несомненно оказывало влияние на формирование политической культуры среди бурятского населения.

С 1886 г. на территории Иркутской губернии начался процесс упразднения Степных дум, потерявших свою актуальность как управленческих институций. Ликвидация осуществлялась следующим образом: роспуск думы, создание нескольких инородных управ и родовых управлений, упразднение должности тайши, создание должностей инородческих голов. Первой была ликвидирована Идинская Степная дума в

²⁵⁶ Медведев А. Посещение генерал-губернатором Восточной Сибири графом А. П. Игнатьевым Балаганского инородческого ведомства / А. Медведев // Е. И. В. Прибавления. – 1886. – 22 февр. (№ 8). – С. 97-100.

²⁵⁷ История Бурят-Монгольской АССР : в 2 т. / под ред. П. Т. Хаптаева. – Улан-Удэ : Бурят-Монг. кн. изд-во, 1954. – Т. 1. – С. 290.

1886 г., последней – Балаганская в 1890 г. В итоге, на территории Иркутской губернии вместо 7 Степных дум было образовано 24 инородных управы. В свою очередь, как отмечает в своем труде улан-удэнский исследователь Б. Ц. Жалсанова, инородные управы, существовавшие самостоятельно, были разделены на более мелкие²⁵⁸.

Изначально административная организация этнического населения выстраивалась на основе родового, а не территориального принципа, как это стало происходить с включением Сибири в общероссийское административно-политическое поле. Другими словами, родовой принцип административной организации выражался в том, что кочевые и бродячие «инородцы» могли менять место своего проживания и в целом не были привязаны к определенному селению. Поэтому круг ведения инородной управы определялся личным составом подведомственного ей рода. Однако к концу XIX в. определилась тенденция отмирания родовых связей и род все больше становился административной единицей. Естественным продолжением этого процесса явилось предложение заменить родовой принцип формирования административного устройства «инородцев» территориальным. Так, замена административных единиц, в основе которых лежал родовой принцип, на административные единицы территориального значения послужило импульсом к началу унификации системы управления коренным населением Сибири.

Важную роль в организации как новой административной структуры, так и в процессе введения нового аппарата административных служащих сыграл закон, действовавший в центральной части России от 12 июля 1889 г. «Положение о земских участковых начальниках»²⁵⁹. Согласно этому нововведению, происходило увеличение правительственной опеки над крестьянским населением. Роль земских начальников отводилась в

²⁵⁸ История органов местного самоуправления бурят... С. 274-284.

²⁵⁹ Положение о Земских участковых начальниках // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание третье : с 1 марта 1881 до конца 1913. – Санкт Петербург : Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Величества канцелярии, 1830. – 48 т.: указ. Т. 9, № 6196. – С. 508-535.

исполнение потомственных дворян. Однако, ввиду отсутствия помещичьего землевладения в регионе, положения Закона от 12 июля 1889 г. не распространялись на Сибирь, хотя и имели свое отражение в последующих преобразованиях.

Важно отметить, что распространить действие института земских участковых начальников на территории региона предлагалось генерал-губернатором А. П. Игнатьевым как один из пунктов на пути к достижению основной цели – слияния коренного населения с русским. В своей Программе Игнатьев обозначил это как конкретный шаг в сторону полного подчинения коренного населения российскому законодательству и последующему их «обрусению»²⁶⁰. По замечанию Л. М. Дамешека, это предложение вызвало весьма позитивный отклик Александра III²⁶¹.

Активную работу в этом направлении, в свою очередь, продолжил А. Д. Горемыкин, результатом которой на законодательном уровне явился выход «Временного положения о крестьянских начальниках»²⁶² от 8 июня 1898 г. Несколько позже, крестьянским начальникам участков, в пределах которых проживало коренное население, было присвоено название «крестьянских и инородческих начальников»²⁶³.

Таким образом, в российском законодательстве период с принятия Устава 1822 г. до середины 1880-х гг. в отношении коренного населения можно охарактеризовать как доминирующую политику регионализма, которая позволила бурятским ведомствам сохранить традиционный уклад жизни. В

²⁶⁰ ГАИО. Ф. 25. ОЦ. Д. 563. Л. 23 об.

²⁶¹ Дамешек Л. М. Избранное... Т. 1. – С. 236.

²⁶² Временное положение о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание третье : с 1 марта 1881 до конца 1913. – Санкт Петербург : Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Величества канцелярии, 1830. – 48 т.: указ. Т. 18, № 15503. – С. 403.

²⁶³ Высочайшее повеление о присвоении волостям, обществам и должностным лицам кочевых инородцев Забайкальской области особых наименований... Крестьянских и инородческих начальников // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание третье : с 1 марта 1881 до конца 1913. – Санкт Петербург : Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Величества канцелярии, 1830. – 48 т.: указ. Т. 23, № 23320. – С. 876.

целом данный этап охарактеризовался становлением устойчивых отношений между коренным населением и административной властью. Высшей ступенью «инородческого» управления в среде кочевого населения явились Степные думы, по сути, являвшиеся на данном этапе инструментом управления «инородческим» населением Сибири. Стоит отметить, что в рамках работы Степных дум коренное население обладало достаточно широкими правами. Кроме этого, на базе активной деятельности этих органов самоуправления и при поддержке государства создавались первые образовательные учреждения, что в дальнейшем способствовало зарождению национальной интеллигенции. Свое начало получила здесь и система современного медицинского обслуживания. Существование Степных дум как институций открыло для коренного населения новые возможности современных форм хозяйствования, выхода на региональный рынок и, как следствие, позволило интегрироваться в общероссийское пространство.

Главные преобразования 1860-1870-х гг., проходившие в центральной части России, хотя и не коснулись Сибири, однако задали импульс к последующему реформированию управления региона с учетом определенной концепции. Также, на протяжении данного периода, принятые законодательные акты не внесли значительных изменений в систему управления инородческого населения Сибири, но дополнили и уточнили многие положения Устава 1822 г. Проведение более активных действий на данном этапе было невозможным, т. к. результаты юридического распределения земельных участков проходили весьма медленно. Без решения аграрного вопроса сложно было предпринимать дальнейшие действия. Существовавшее административное устройство коренного населения, основанное на родовом принципе, во многом не соответствовало запланированному устройству на территориальном принципе. Кроме этого, в отношении процесса введения нового института чиновничества в регионе – «крестьянских и инородческих начальников» возник ряд трудностей. Во-первых, это было связано с нехваткой кадров, ввиду огромности территории и

разбросанности населенных пунктов. Во-вторых, тот образовательный и интеллектуальный уровень начальников, который резко отличался от уровня земских начальников Европейской части России, например, также играл существенную роль в формировании отношения населения к самому правительству. Крестьянские начальники в регионе служили, как «образ» центральных органов власти на отдаленной территории. В-третьих, запутанность поземельных отношений, также негативно влияла на последовательность и эффективность проведения административных преобразований.

ГЛАВА 3. РАЗРАБОТКА ПРОЕКТА ВОЛОСТНОЙ РЕФОРМЫ И РЕАЛИЗАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

3.1 Решение аграрного вопроса в рамках реализации проекта Волостной реформы

Во второй половине XIX в. в правительственных кругах активно обсуждался вопрос совершенствования модели управления сибирским регионом. В этой связи необходимо было изыскать новые пути реализации государственного строительства²⁶⁴, которые, в свою очередь, отвечали бы современным запросам власти в регионе. Вектор внутренней политики правительства был направлен на скорейшее «уравнение» основных сфер жизни центральной части России и сибирской окраины. Главная цель в этом вопросе представлялась как формирование единства Европейской и Азиатской частей России не только в политическом, экономическом, но и в социокультурном плане. Основа для такого единения – развитие земледелия в регионе, в процессе которого в начале XX в. возросло число оседлых «инородцев». Инкорпорация в социокультурное общероссийское пространство проявлялась в том числе как в вынужденном, так и в добровольном тесном взаимодействии представителей коренного населения с русским, что в свою очередь постепенно привело к их взаимной ассимиляции. Наиболее подробно этот вопрос рассмотрен в статье автора «Компаративный анализ землеустройства бурят Юго-Восточной Сибири (конец XIX – начало XX в.)»²⁶⁵, в которой отмечено, что влияние русского населения на коренных

²⁶⁴ Государственное строительство – согласно Энциклопедическому словарю Конституционного права, обобщенное наименование сферы государственной деятельности, к которой относятся вопросы устройства государства, отношений центра и мест, формирование системы государственных органов, организация их работы, обеспечение политических и многих личных прав граждан. (Конституционное право. Энциклопедический словарь. — М.: Норма. С.А. Авакьян. 2001).

²⁶⁵ Соснерж К. А. Компаративный анализ землеустройства бурят Юго-Восточной Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Актуальные вопросы истории Сибири : сборник научных трудов / отв. ред. В. А. Скубневский. – Барнаул, 2019. – С. 57-62.

жителей проявилось, в частности в том, что буряты стали проживать в образованных по русскому типу поселениях. В свою очередь, такие изменения как смена сословия, религии и места жительства отдаляло или вовсе прерывало связь перешедших на оседлость «инородцев» с их сородичами. Такие трансформации охотно поддерживались со стороны правительства, поскольку этот процесс неизменно вел к ликвидации старого административно-территориального устройства Сибири. На его месте планировалось создать свойственную для центральной части России волостную организацию

Процесс включения столь обширного региона в общероссийское политико-юридическое пространство Российской империи носил сложный, противоречивый характер. Методы инкорпорации коренного населения Сибири в состав России менялись на протяжении всего периода присоединения территории и зависели от внутренней политики государства. Нередко на обсуждение, разработку и реализацию проектов, связанных с управлением региона, уходило не один десяток лет. Так, например, с середины XIX в. процесс обсуждения и реализации проектов по реформированию административного устройства в Сибири занял около 50 лет. Изначально планировалось, что вслед за землеустроительными работами в регионе пойдет их включение в общероссийскую административную структуру. Однако, на практике все сложилось иначе. Землеустроительные работы по ряду причин, которые будут отражены в представленном параграфе, проходили весьма медленно, что, в свою очередь, тормозило дальнейшие интеграционные процессы. Проведение последующих мероприятий по административному переустройству края шло в непосредственной связи с результатами решения аграрного вопроса. Характер, методы и сроки реализации проведения аграрной реформы зависели как от внутривнутриполитических обстоятельств – переселенческий вопрос, так и от внешнеполитических – близость к границе Китайского государства. Существенной преградой на пути к успешному и быстрому разрешению данного вопроса на территории Юго-Восточной

Сибири являлась крайняя запутанность местных земельных отношений. Кроме этого, в Забайкальском крае, где землеустроительные работы были начаты на 9 лет позже, чем на территории Иркутской губернии ситуация осложнялась высокой численностью «инородческого» населения, ведущего традиционный кочевой образ жизни, а также нарастающим и достигшим своего пика в первой четверти XX в. национальным движением против «русских реформ».

В исторической литературе распространено мнение о том, что до конца XIX в. в среде бурятского этноса преобладала родовая организация. Однако под воздействием, прежде всего, правительственной политики, по мнению исследователя Т. Д. Скрынникова, родовая община со временем трансформировалась в территориальную²⁶⁶. Стоит отметить, что для бурят Иркутской губернии территориальная община к этому моменту уже существовала. К концу XIX в. бурятский род представлял собой административно-территориальную единицу без права регулирования земельных отношений, т. к. это входило в область компетенций государства – фактического собственника земли. Существование территориальной общины подтверждают данные «Материалов по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний»: «... состоящие в пользовании инородцев земельные дачи официально числятся за целыми родами (лишь в виде исключения – за отдельными селениями или улусами) и чаще не за одним родом, а за несколькими»²⁶⁷. Согласно Географическо-статистическому словарю Российской империи, буряты пользовались земельными угодьями по

²⁶⁶ Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (конец XIX – первая треть XX вв.) / отв. ред. Т. Д. Скрынникова. – Иркутск: Оттиск, 2003. – С. 36.

²⁶⁷ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. – Т. II. Вып. 3: Иркутская губерния. – Иркутск, 1890 – С. 20.

ведомствам и родам²⁶⁸. Из этого следует, что земельные участки, принадлежавшие представителям разных родов того или иного селения, часто оказывались в пересечении с землями других родов или русских крестьян, что составляло массу неудобств как тем, так и другим. Например, крестьяне, проживавшие в местности Тарбагатай и в пади Хандагай писали жалобу в Верхнеудинское волостное правление о том, что «... инородцы прогоняют через наши земли скот не вовремя, причем вытаптывают большие участки нашей земли, ломают наши поскотины, [...] при орошении своих полей топят и наши, задерживают воду, когда она нам нужна...»²⁶⁹. Важно отметить, что соседство с крестьянским населением за долгое время в значительной степени повлияло на распространение и качество земледелия прибайкальских бурят в большей степени, чем это наблюдалось среди бурят Забайкалья, где господствовал классический «номадный» тип скотоводства, а земледелие являлось лишь вспомогательным занятием.

Как отмечается в представленной выше статье «Компаративный анализ землеустройства бурят Юго-Восточной Сибири (конец XIX – начало XX в.)», согласно данным материалов Первой Всеобщей переписи населения 1897 г., на территории Иркутской губернии числилось «514 267 чел. (об. п.) 308 626 чел. или 60% из них принадлежали к крестьянскому сословию; 115 843 чел. или 22,5% составляли «инородческое» сословие²⁷⁰. Почти все коренное население Иркутской губернии составляли буряты – 108 887 чел. или 94%. По данным переписи населения, 98 944 чел. или 91% бурятского населения указывало земледелие своим основным занятием. Животноводство, в качестве основного указывало 6 449 чел. или 6 %»²⁷¹. В свою очередь, в Забайкальской

²⁶⁸ Географическо-статистический словарь Российской империи (сост. П. Семенов) – СПб: Типография В. Безобразова и комп. – 1863. – в 4-х томах. Т. 1. – С. 34.

²⁶⁹ ГАРБ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 143. Л. 5.

²⁷⁰ Соснерж К. А. Компаративный анализ землеустройства бурят Юго-Восточной Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Актуальные вопросы истории Сибири : сборник научных трудов / отв. ред. В. А. Скубневский. – Барнаул, 2019. – С. 57-62.

²⁷¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – LXXV : Иркутская губерния. – СПб. : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1904. – С. 115.

области, согласно материалам указанной переписи, на данный момент проживало «672 037 чел. (об. п.). Из них 239 011 человек (35,6 %) принадлежали к крестьянскому сословию, 184 046 чел. (27,3 %) – к «инородческому» сословию. Земледелие в качестве основного занятия назвали 36 115 чел. (19,6 %) бурят, животноводство – 138 581 чел. (75,3 %)»²⁷².

Из представленных подсчетов следует выявить различную степень вовлеченности в процесс освоения земледельческого хозяйства среди бурятского населения Юго-Восточной Сибири. Дело в том, что на территории Прибайкалья и Забайкалья существенно отличались природно-климатические условия – главный фактор, влияющий на релевантность того или иного способа хозяйствования. Кроме этого, немаловажным фактором в этой связи выступала степень интенсивности влияния русского населения – главного хлебопашца. Поскольку буряты Иркутской губернии проживали в непосредственной близости с русским населением, это привело к тому, что в середине XIX в. у бурят Балаганского, Иркутского и Нижнеудинского округов земледелие из подсобного перешло в основной вид хозяйствования²⁷³.

Важно отметить социокультурный аспект распространения земледелия среди коренных жителей Сибири, влиявший на процесс инкорпорации. Как отмечено в труде «Сибирь в составе Российской империи»: «... русский крестьянин-земледелец, должен был духовно объединить империю и научить сибирского «инородца» не только пахать, косить, строить дома, но даже молиться, говорить и думать по-русски»²⁷⁴. Из этого следует, что вместе со способами обработки земли, бурятами перенимались и определенные культурные традиции и привычки. Как еще один немаловажный инструмент, связанный с распространением «оседлости» являлся процесс христианизации

²⁷² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – LXXIV : Забайкальская область. – СПб. : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1904. – С. 120-121.

²⁷³ Бурятский этнос в имперской системе власти... С. 174.

²⁷⁴ Дамешек Л. М. Аграрное законодательство самодержавия и народы Сибири в пореформенный период (60-70-е гг. XIX в.) / Л. М. Дамешек // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. / ред. С. Ф. Хроленок. – Иркутск, 1984. – С. 38.

коренного населения, который также связан с распространением земледелия, поскольку следующим шагом после принятия православного крещения был переход к оседлому образу жизни вблизи своего прихода. Однако не всегда принятие христианства, сопровождалось искренними намерениями. Если изначально «Устав об управлении инородцев» 1822 г. не предполагал какие-либо льготы вновь крещенным «инородцам», то к концу XIX в. на практике сложилась ситуация, когда в надежде избежать судебное наказание, получить привилегии или материальное вознаграждение буряты крестились по несколько раз. Исследователь Б. З. Нанзатов считает, что под крыло православной церкви, как правило, шли люди, по различным причинам отвергнутые в своем обществе или имеющие конфликт с его зажиточной «верхушкой»²⁷⁵. Такой раскол подкреплялся и административными изменениями – смена сословия, места жительства, поскольку крестившиеся буряты переселялись либо в крестьянскую волость, либо в отдельное поселение.

Процесс образования и административное закрепление новых территориальных единиц в Сибири имел ряд специфических особенностей. Одной из них явилось отсутствие генерального межевания. Другими словами, земельные угодья не были юридически разграничены, что накладывало существенный отпечаток со знаком минус на скорость реализации аграрных преобразований в регионе и принятии этих преобразований местными жителями. В отношении последнего аспекта интересно привести следующий пример. В конце 1880-х гг. в донесении действующему Иркутскому генерал-губернатору сообщалось о том, что земли Аларского ведомства не были разделены по родам или участкам, а состояли в общем владении всех инородцев ведомства. Пользование этими землями было крайне спутанно и чересполосно. Кроме этого, серьезные трудности составлял сам процесс

²⁷⁵ Нанзатов Б. З. Буряты в зоне влияния православной церкви в XIX в. – начале XX в.: трансформация идентичностей / Б. З. Нанзатов // Вестник КИГИ РАН. – 2017. – №5 (33). – С. 105.

межевания. В силу широкой территориальной разбросанности и запутанности поземельных отношений, согласно подсчетам представленным в Донесении Иркутскому генерал-губернатору, «... одному землемеру, потребуется на межевые работы 61 месяц или около 12 лет, т. к. в лето полагается 5 рабочих месяцев [...] Исполнение такой работы и в столь продолжительный период времени потребует также весьма значительные денежные расходы, отнесение которых инородцам [...] будет весьма обременительно»²⁷⁶. В этой связи предлагалось следующее решение: «... потребовать прежде всего от инородцев Аларского ведомства, чтобы они сами разделили свои земли по проектируемым или инородным Управам, в чем при участии окружного исправника составили бы подписки [...] с точным обозначением в них границ земель, входящих в состав каждой управы, а уже после этого для снятия на планы и карты границы в подписках означенных командироваться землемеру, чья командировка тогда уже не потребует значительного времени, не будет напрасной и непроизводительной, а послужит к скорому разрешению дела о преобразовании устройства Аларского ведомства»²⁷⁷. Такая же картина в поземельных отношениях – запутанность и чересполосица, наблюдалась и на территории Забайкальской области вплоть до начала XX в. В журнале Особого Соповещания, состоявшегося в июне 1910 г., под председательством Военного Губернатора Забайкальской области генерал-майора Косова, отмечалось следующее: «... при взгляде на карту административного деления [Забайкальской] области усматривается, что, как в пределах волостей и станиц, так и в пределах уездов существует страшная чересполосица. Так, казачьи земли, входящие в состав I военного Отдела до невозможности перепутаны с землями инородцев и крестьян, представляя из себя сплошную чересполосицу. В казачьи земли, входящие в состав остальных трех Военных Отделов крестьянские и инородческие земли частью вклиниваются, частью вкраплены, и наоборот. Много встречается казачьих земель, со всех сторон

²⁷⁶ ГАИО. Ф. 25. ОЦ. Д. 574. ЛЛ. 105-106.

²⁷⁷ Там же. Л. 107.

окруженных землями крестьян и инородцев, многие крестьянские земли окружены со всех сторон инородческими землями, и инородческие – крестьянскими. С другой стороны волости, входящие в состав одного уезда, расположены около уездных городов и в границах других уездов. Так, например, Читинский Уездный Начальник для того, чтобы попасть в волости своего уезда – Успенскую, Зюльзинскую и Оловскую, должность ехать через г. Нерчинск. Причем, Успенская волость расположена около самого г. Нерчинска. А селенгинский Уездный Начальник для того, чтобы попасть в волости своего уезда – Кабанскую, Троицкую, Посольскую и др., должен ехать через г. Верхнеудинск и т.д...»²⁷⁸.

В предстоящем проведении преобразований в регионе приоритет отдавался задачам, касающимся поземельного устройства населения, поскольку в условиях тотальной запутанности земельных отношений невозможно было адекватно сформировать земельный фонд для переселенцев из центральной части России, число которых к концу 1880-х гг. существенно возросло. На базе решения аграрного вопроса выстраивались все последующие административные преобразования в регионе.

В начале 1890-х гг. Иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин представил в Министерство государственных и земельных имуществ свой проект «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской»²⁷⁹, который был утвержден Николаем II и получил силу закона 23 мая 1896 г. Как отмечает исследователь Г. А. Корнеева, в законе не освещался вопрос о том, что земли, занимаемые крестьянами и «инородцами», находились в собственности казны, хотя содержание закона исходило из этой идеи²⁸⁰. Так законодатели стремились

²⁷⁸ ГАРБ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 143. Л. 17-17 об.

²⁷⁹ ПСЗРИ : Собрание третье : с 1 марта 1881 до конца 1913. – СПб. : Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – 48 т.: указ. Т. 16. Ч. 1. № 12998. – С. 503-505.

²⁸⁰ Корнеева Г.А. Разработка о землеустройстве 23 мая 1896 г. и вопрос о поземельной собственности в Сибири / Г. А. Корнеева // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX – 1917 г.). – Красноярск, 1982. – С. 24.

избежать опасности активного противодействия со стороны крестьян, за долгое время привыкших считать землю своей. В июне 1898 г. были приняты «Правила о порядке определения земельных наделов...»²⁸¹, согласно которым кочевые «инородцы», на территории которых завершились землеустроительные работы, перечислялись в категорию «оседлых» и уравнивались в правах с русским крестьянским населением²⁸², налоговые выплаты которых были существенно выше²⁸³.

В соответствии с законодательными актами 1896 и 1898 гг. землеустроительные работы помимо крестьянского населения планировалось проводить также среди нерусского оседлого и кочевого населения Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний. В частности, Ст. 1 Закона о поземельном устройстве свидетельствует о том, что земельные наделы получали сельские общества и «инородцы», не относящиеся к числу «бродячих»²⁸⁴. Право пользования наделом регистрировалось в специальном документе под названием «отводная запись», который составлялся в двух экземплярах. В документе указывалось следующее: 1) наименование населенного пункта; 2) число ревизских душ в каждом населенном пункте; 3) количество угодий, составляющих земельный надел, с указанием количества удобных и неудобных земель; 4) границы земельного надела; 5) площадь и границы лесного надела; 6) кедровники и оброчные статьи; 7) площадь и местоположение церковных земель, если они располагались на территории надела; 8) «... ограничения в праве пользования наделными землями и праве Казны на недра этих земель»; 9) общее указание о выплате государственной оброчной подати и лесных налогов в пользу государства²⁸⁵. После проведения поземельного устройства и выдачи отводной записи, кочевые «инородцы» причислялись в разряд «оседлых».

²⁸¹ ПСЗРИ : Т.18. Ч. I. № 15539. – С. 454-465.

²⁸² Там же. С. 454.

²⁸³ Дамешек Л. М. Избранное... Т. 1., 2018. – С. 200.

²⁸⁴ ПСЗРИ : Т. 16. № 12998. – С. 503.

²⁸⁵ ПСЗРИ : Т.18. Ч. I. № 15539. – С. 463.

На территории Иркутской губернии «законный» размер надела равнялся в 15 дес. «на наличную душу мужского пола»²⁸⁶. Согласно Ст. 8 закона 1896 г., если отведенный надел не доходил до установленного размера, то посредством ходатайства со стороны обществ и селений, такой надел можно было увеличить, однако не свыше нормированного размера и при условии благоприятных к этому обстоятельств²⁸⁷. Имели место и случаи, когда земельный надел превышал норму в 15 дес. В такой ситуации, согласно Закону, необходимо было «допринять» в состав общества или селения такое количество человек, которое бы соответствовало излишнему количеству из установленного расчета 15 дес. на душу м. п. Однако Ст. 10 предполагала сохранение излишних земельных наделов без принятия новых членов общества при наличии веских на то оснований²⁸⁸. Такая формулировка закона, не конкретизирующая обстоятельства, при которых позволялось сохранить излишние земли за обществом послужила поводом к недовольству реформой со стороны сибирских жителей, которые в свою очередь подняли волну ходатайств о приостановке поземельных работ, ссылаясь при этом на п.2 Правил от 4 июня 1898 г., в которых предусматривалось приостановление землеустроительных работ в среде коренного населения, для которых указанные работы в соответствии с условиями их быта окажутся преждевременными.

Согласно Протоколу Енисейского Губернского совета, в рамках рассмотрения вопроса об изменении существующего порядка управления инородцами в Енисейской губернии, было выдвинуто суждение о правомерности распространения общероссийских узаконений и учреждений на коренных жителей отдельных территорий, где влияние «русского элемента» по ряду причин было минимальным: «Если принять в соображение что решения эти [о правомерности перечисления «инородцев» из состояния

²⁸⁶ ПСЗРИ : Т.18. Ч. I. № 15539. – С. 503.

²⁸⁷ Там же. С. 504.

²⁸⁸ Там же. С. 505.

кочевых в состояние «оседлых» жителей – К. С.] исходят от одного лица, руководствующегося лишь местными обычаями, ни имеющего ни малейшего представления о праве, и знающего, что решения его не подвергнутся пересмотру или отмене то нельзя не прийти к заключению, что в основании таких решений не всегда применяется справедливость, гуманность и искренность, а напротив замечаются пристрастие, произвол и личные расчеты, а иногда и корыстные виды. [...] Не смотря на вышеизложенное, и при всем желании поставить инородческое управление на более правильную, законную почву, применить к инородческому управлению общественное устройство крестьян [...] не представляется возможным, потому что, сами инородцы положительно не желают и отказываются от того, чтобы существующий у них порядок управления был каким-либо образом изменен, и самое положение инородцев не представляет возможности к применению к ним общественного устройства крестьян, так как часть улусов расположена в таких местностях, где по климатическим и почвенным условиям хлебопашество, и вообще оседлая жизнь невозможна, и инородцы таких улусов исключительно существуют звериными и рыболовными промыслами. [...] Применение [общероссийского законодательства – К. С.] к инородцам возможно только помимо их воли»²⁸⁹. Данное суждение было справедливо и для коренных жителей Иркутской губернии. Также, по замечанию исследователя Ч. Г. Андреева, вопрос научного обоснования размеров земельных наделов – до 15 дес. в Иркутской губернии и до 30 дес. в Забайкальской области, в зависимости от уровня хозяйствования населения, как правило, не ставился, поскольку, как считает автор «... такой подход не отвечал целям аграрной политики Российской империи»²⁹⁰, которая в свою очередь преследовала цель пополнения колониционного фонда.

²⁸⁹ ГАИО. Ф. 25. ОЦ. Д. 574. ЛЛ. 126-158.

²⁹⁰ Андреев Ч. Г. Из истории подготовки землеустроительной реформы в Забайкалье в конце XIX – начале XX вв. / Ч. Г. Андреев // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – 2011. – № 1 (1). – С. 109.

Формирование колониционного фонда в Иркутской губернии началось с включения в 1898 г. в план землеотводных работ территории четырех бурятских ведомств Балаганского уезда. Посредством изъятия «излишних» земель у бурятского населения планировалось включение в переселенческий фонд до 120 тыс. дес. земли²⁹¹. Это спровоцировало волну прошений бурятских доверенных об отсрочке проведения у них землеустроительных работ. В Иркутском уезде прошение подписали представители ведомств Капсальского, Абаганатского, Кудинского, Ординского, Торского, Харибятского и Алагауевского отдельного рода. В Балаганском уезде представители Аларского, Куйтунского, Ныгдинского и Нельхайского ведомств. В Верхоленском уезде – Ангинского, Ленского, Хоготского, Баяндаевского, Ользоновского и Верхнекудинского ведомств²⁹². Ходатайства представителей указанных ведомств рассмотрены не были в виду того, что законодательство строго запрещало подачу коллективных прошений²⁹³. Кроме этого, пояснялось, что землеустройство проводится поочередно в каждом ведомстве, а территориальная очередь к моменту подачи прошений указанных ведомств еще не наступила.

Спустя год с момента принятия «Правил...», ввиду обострившейся ситуации и отсутствия полных данных, отражающих образ жизни коренного населения, было принято решение приостановить работу по формированию переселенческого фонда²⁹⁴. Кроме этого, поднимались закономерные вопросы о том, при соблюдении каких условий следовало бы производить землеустройство инородцев. Однако, конкретных мер по решению обсуждаемой проблемы выработано не было. Интересно привести рассуждение действующего генерал-губернатора Иркутской губернии А. Д. Горемыкина по вопросу приостановки землеустроительных работ. В данной

²⁹¹ Дамешек Л. М. Избранное... Т. 1. – С. 152.

²⁹² ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 62.

²⁹³ ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. К. 194. Д. 3671.

²⁹⁴ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 31.

ситуации чиновник требовал соблюдать осторожность, поскольку перечисление коренных жителей на оседлость было связано для них прежде всего с отменой льгот, которыми они привыкли пользоваться на протяжении многих десятилетий, например, исключительные преимущества «инородцев» в судебных делах, относительная независимость в местном самоуправлении, возможность применения обычного права²⁹⁵. Всех этих льгот, как отмечал Горемыкин, бурятское население, получившее поземельное устройство рискует лишиться внезапно и резко, «... что может неблагоприятно отразиться на населении, в общем не склонном к переходу к другой форме управления, во многом не соответствующей особенностям их быта»²⁹⁶. Таким образом, на начальном этапе землеустроительных работ в регионе стало очевидно, что в губернии, не смотря на обширность территории, подготовленной земли для переселения недостаточно²⁹⁷.

В 1901 г. в рамках частного совещания по поводу скорейшего возобновления землеустройства в Иркутской губернии, обнаружились две противоречивые позиции по решению данного вопроса. С одной стороны предлагалось приступить к немедленному изъятию излишних земель у «инородцев», с другой – отстаивалось мнение о необходимости на начальном этапе планомерного исследования традиционного быта коренного населения, во избежание нарушения их интересов²⁹⁸. Как видим из общей повестки, активно продвигалась идея об экспроприации земель коренного населения, однако противоречия касались вопроса, какими методами это реализовать.

Как было представлено ранее, с 1899 по 1901 гг. с согласия российского правительства, землеустроительные работы были приостановлены. Важно учесть, что послабления или временная стагнация решения некоторых проблем, в частности в решении аграрного вопроса, связано с тем, что в

²⁹⁵ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 31 об.

²⁹⁶ Там же. Л. 32.

²⁹⁷ Дамешек Л. М. Избранное... Т. 1. – С. 152.

²⁹⁸ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. К. 83. Д. 2562. Л. 101-107.

правительственных кругах долгое время существовали противоречия по поводу проведения реформ в регионе. Кроме этого, проекты по аграрным преобразованиям, которые разрабатывались в течение почти 50-ти лет носили отпечаток идеологических и внутривластных концепций и настроений, характерных для определенных периодов времени. Также, на выработку единой позиции по решению аграрного вопроса в регионе влияла внешнеполитическая обстановка России в целом. Данные факторы существенно тормозили постепенное развитие преобразований в регионе, что в последующем негативно сказалось на эффективности реализации реформ.

Революционные события начала XX в. активизировали процессы реорганизации как поземельного, так и административного устройства в регионе, которые в свою очередь уже несколько лет до этого момента находились в стагнированном состоянии. В этот обостренный период на повестке дня стояли вопросы более кардинального характера в отношении «иногородческого» населения – традиционное использование земли в регионе шло вразрез с экономическими интересами правительства, поэтому обсуждение выстраивалось в направлении идеи ликвидации сословных привилегий «иногородцев» и последующей полной их инкорпорации в общероссийское юридическое пространство, подчинение крестьянским учреждениям и узаконениям.

Утверждение штатного расписания поземельно-устроительных партий, образованных в Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях, можно расценить как первый этап землеустройства в Сибири. На проведение работ изначально закладывалось 20 лет. Однако по истечении половины этого весьма оптимистичного срока (в 1906 г.) обнаружилось, как отметил в своем труде исследователь Д. К. Зайцев, что поземельное устройство в Сибири «... все еще находится в зачаточном виде»²⁹⁹, поскольку из всех четырех сибирских губерний землеустроительные работы были начаты только в 9 из 27 уездов.

²⁹⁹ Зайцев Д. К. Аграрному вопросу в Сибири / Д. К. Зайцев // Сибирские вопросы. – 1906. – № 2. – С. 49.

Такой вывод поддерживается фактическим материалом, представленном в фондах ГАИО. Согласно данным Отчетов по землеустройству в отношении Иркутской губернии работы были открыты лишь в двух из пяти уездах (в Иркутском и Балаганском)³⁰⁰. Кроме этого, перед административной властью еще в 1901 г. возник вопрос о том, с каких – малоземельных или многоземельных волостей, стоит начинать землеустроительные работы. Так, было принято решение в пользу малоземельных и густонаселенных волостей, кроме этого необходимо было урегулировать поземельные отношения в среде старожильческого крестьянского населения, которое за многие десятилетия успело привыкнуть бесконтрольно пользоваться землей в регионе.

В середине лета 1898 г. были открыты первые поземельно-устроительные работы в русских волостях Иркутского уезда — Хомутовской и Оёкской. В следующем году, с образованием второй поземельно-устроительной партии, были начаты работы в русских волостях Балаганского уезда — Черемховской и Бельской³⁰¹. Далее уместно привести пример, как проходил процесс землеустройства. Начальный этап заключался в знакомстве землеустроителей с местными условиями, исследование состояния местных поземельных отношений, а также проводился сбор информации посредством изучения имеющейся документации. После этого шел процесс составления списков крестьян (сразу на всю волость), которые имели право на надел. После того, как составленные списки были проверены и озвучены на сельских сходах в присутствии крестьянских начальников, проводился осмотр границ фактического землепользования селения. В этом процессе принимали участие производители, топографы, лесничие и уполномоченные от крестьян. По результатам осмотра составлялся приблизительный проект наделов. Далее он уточнялся на обсуждении сельского схода в присутствии крестьянских начальников и лесничих. В случае несогласия с представленным проектом, предполагалась подача жалобы в поземельно-устроительную комиссию, в

³⁰⁰ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.

³⁰¹ Там же. Л. 62.

которую входили заведующий землеустроительной партии, крестьянский начальник, лесничий, производитель работ, составлявший проект, податной инспектор и исправник. В отношении поземельного устройства коренного населения, процесс проводился таким же образом. После утверждения проектов устанавливались межевые знаки, которые окончательно отграничивали запроектированные наделы. Специальные межевые знаки регламентировались законом от 23 мая 1901 г. «Об утверждении границ земель...»³⁰². По результатам межевания составлялись отводные записи, утверждаемые старшими чиновниками и Общим присутствием.

Несомненно, представленная процедура землеустройства была весьма сложна и многоэтапна. Волна из многочисленных жалоб, ходатайств и споров обрушилась на администрацию уже на первом этапе работ. Согласно представленной оценке омского исследователя М. Т. Когута, на первом этапе землеустроительных работ в регионе было проделано меньше 1/3 проектных работ, 1/5 часть наделов была отграничена и лишь на 1/10 наделов были составлены отводные записи³⁰³.

Дестабилизация в стране, связанная с событиями Первой русской революции, отчасти пробудила национальное движения народов Сибири. Бурятские жители с небывалым упорством требовали приостановить землеустроительные работы. Ввиду накаленной обстановки в улусах, местная администрация всерьез стала опасаться восстания бурятского населения вместе с крестьянством. Например, в 1906 г. действующий Иркутский генерал-губернатор К. М. Алексеев сделал донесение в Главное управление землеустройства и земледелия о том, что в отдельных случаях с целью избежания волнений в среде бурятского населения действительно приходилось приостанавливать землеустроительные работы³⁰⁴. Так, было принято общее решение приостановить работы в ряде бурятских ведомств, где

³⁰² ПСЗРИ : Т. 21. Ч. 1. № 20125. – С. 383-384.

³⁰³ Когут М. Т. Начальный этап поземельного устройства... 1989. – С. 6-9.

³⁰⁴ Дамешек Л. М. Избранное... Т. 1. – С. 155.

обстановка была наиболее напряженной и был риск совместного противостояния бурятского и русского населения.

В августе 1906 г., сменивший Алексеева генерал-губернатор А. Н. Селиванов потребовал от Иркутского и Енисейского гражданских губернаторов составить общий план землеустроительных работ на будущее. Им предписывалось лично ознакомиться с мнением населения о проведении землеустроительных работ на отдельных сходках каждого улуса, что было связано с большим количеством ходатайств о приостановлении землеустроительного процесса. В отношении этого старший чиновник поземельно-устроительного отряда И. С. Иконников отмечал, что на проверку достоверности этих ходатайств приходилось тратить много времени, кроме этого, иногда приходилось приостанавливать уже начатые работы³⁰⁵. Кроме этого, Иконников утверждал, что землеустройство проводилось на территории тех кочевых «инородцев», которые сами об этом просили, и ни одно из ходатайств не относилось к местностям, где совершалось землеустройство «... понимаемое в истинном значении этого слова»³⁰⁶. Последнее говорит о том, что в документах, с которыми работал Иконников, происходила путаница в отношении понятий землеустройства и подготовительных к нему работ. Дело в том, что в этот период, по замечанию исследователя С. А. Сафронова, термин «землеустройство» имел разную интерпретацию, например, как систему межевых работ – в широком смысле, и как совокупность процессов отграничения земельных наделов, формирования земельного фонда, реформирования крестьянского землевладения и поземельного устройства «инородцев»³⁰⁷.

Второй этап землеустройства в регионе по праву считается главным, поскольку в этот период реализация аграрной реформы проводилась под

³⁰⁵ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 87.

³⁰⁶ Там же. Л. 87 об.

³⁰⁷ Сафронов С. А. Столыпинская аграрная реформа и ее влияние на хозяйственное развитие Восточной Сибири в 1906–1917 гг. (на материалах Енисейской и Иркутской губерний) / С.А. Сафронов. – Красноярск: Изд-во КрасГУ, 2006. – С. 40.

руководством П. А. Столыпина. Сложившаяся в этот период обстановка в центральной части России не могла не отразиться на характере проводимой аграрной реформы в регионе. Если изначально администрация решала вопрос о юридическом разграничении земельных наделов, то в начале XX в. основной упор делался на процесс формирования колонизационного фонда. Так, 10 марта 1906 г. практически было объявлено о свободном переселении на территорию региона.

По замечанию известного исследователя-статиста А. А. Кауфмана землепользование как крестьянского, так и «инородческого» населения носило весьма специфический характер, что проявлялось в следующем. В ходе предоставления со стороны правительства малоземельным крестьянам наделов, «инородцы» стали активно предъявлять права собственности на занимаемые ими земли. Кауфман отмечал, что коренное население не испытывает недостатка в земле, поскольку многие их земли сдавались в аренду или вовсе не были задействованы в хозяйстве³⁰⁸.

Еще одной специфической чертой землепользования в регионе была крайняя запутанность земельных отношений. Данный факт подтверждался в ходе работы Особого Совецания, проводившегося в июне 1910 г. На Совецании активным образом обсуждался вопрос о том, что такая «... ненормальность территориального и административного деления области может вызывать с одной стороны между однородными и отдельными группами населения недоразумения по землепользованию, а с другой – осложняет работу администрации, создавая затруднения, как по заведыванию столь обширными и разбросанными районами, так и при разъездах через чужие волости, станицы, станы, участки и уезды; и при разграничении между

³⁰⁸ Кауфман А. А. Земельный вопрос и переселение / А. А. Кауфман // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. – Санкт-Петербург, – 1908. – С. 95.

собой обязанностей по управлению сельским населением, а потому необходимо по возможности это дело упорядочить в наикратчайший срок»³⁰⁹.

С целью разрешения крайне запутанных поземельных отношений и подготовки к запуску землеустроительных работ на данной территории по указанию действующего генерал-губернатора было предпринято следующее:

1) Всех крестьян и «инородцев», земли которых вклиниваются или вкраплены в земли казаков, перечислить в казачье сословие, причислить их к казачьим станицам, при чем, в том случае если крестьяне и инородцы не пожелают добровольно перейти в казачье сословие, предложить им переселиться на земли тех обществ, к которым они приписаны, оставив земли настоящего их фактического пользования казакам и предупредив их, что расходы по перенесению усадьбы будут возложены на их счет, таким же образом поступить и с казаками, земли которых вкраплены, или вклиниваются в крестьянские или инородческие земли, причислив их к крестьянским или инородческим волостям.

2) Крестьян, земли которых вклиниваются или окружены землями инородцев и инородцев, земли которых вкраплены или вклиниваются в крестьянские земли, перечислить первых к инородческим волостям, а вторых – к крестьянским. В противном случае, т.е. при нежелании названных групп населения причислиться к соответствующим волостям, поступить с ними так, как сказано в первом пункте.

3) Волости и станицы переформировать с таким расчетом, чтобы те из них, которые занимают большие территории, были разделены на более мелкие единицы; чтобы селения и поселки, отстоящие далеко от своей волости и станицы, были причислены к ближайшим соседним волостям и станицам, чтобы самые отдаленные населенные места волостей и станиц отстояли от своего волостного и станичного Правления не далее, как на расстоянии однодневного пути, и чтобы во всяком случае была уничтожена чересполосица.

³⁰⁹ ГАРБ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 143. Л. 17 об.

4) По окончании работы по реформированию волостей и станиц и по уничтожению в них чересполосицы, изменить границы уездов так, чтобы перечисленные выше ненормальные условия не имели места³¹⁰.

Кроме этого, в виду отсутствия карты большого масштаба, на которой были бы видны участки и селения, расположенные удаленно от своих волостей и станиц, и необходимых материалов для определения «неудобств» в управлении сельским и казачьим населением, было решено организовать предварительную работу по этому вопросу. Обследованием территории должна была заняться вновь созданная комиссия, в которую входили: участковые Крестьянские и инородческие начальники, местные Становые приставы, приходские священники, и, там, где затрагиваются интересы казачьего населения – Помощников Атаманов³¹¹. Комиссии был определен ряд следующих поручений:

1) Составить схематический чертеж волостей и станиц с нанесением на этот чертеж всех существующих в волостях и станицах чересполосиц, хребтов и тех мест, которые во время разливов отрезаются от своих волостей и станичных Правлений.

2) Согласно данным этих чертежей, и исследовательским материалам членов Комиссии составить предположение о реформировании волостей и станиц на вышеперечисленных условиях.

3) Представить проекты о реформировании волостей и станиц для обсуждения сельским и волостным, поселковым и станичным сходам и сборам.

4) После получения от подлежащих сходов приговоров, Комиссии необходимо вновь собраться и обсудить, насколько основательны возражения населения против составленных Комиссиями предположений о реформировании волостей и станиц³¹².

³¹⁰ ГАРБ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 143. Л. 17 об.-18.

³¹¹ Там же. Л. 18.

³¹² Там же. Л. 18-19 об.

Также, в рамках работы Совецания, в отношении населения Сибири, было особо подчеркнуто следующее обстоятельство: «... мнения крестьян, казаков и инородцев по поводу тех или иных изменений в составе волостей и станицы знать необходимо, но таковые не должны быть обязательны для областной администрации при окончательном рассмотрении настоящего вопроса»³¹³.

В январе 1908 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин направил предписание на имя Иркутского генерал-губернатора с весьма категоричной формулировкой, подчеркивающей необходимость скорейшего поземельного устройства кочевников, отмечая при том, что впредь ходатайства со стороны бурят о приостановлении поземельного устройства рассматриваться не будут³¹⁴. Кроме этого, чиновник требовал оказать активное содействие работе землеотводных партий по «обращению земельных избытков» бурят в переселенческие участки³¹⁵.

Таким образом, по данным материалов ГАИО, опубликованных в одной из статей автора настоящей работы³¹⁶, к 1910 г. в Иркутском уезде землеустроительными работами было охвачено 20 волостей и ведомств из 29, в Балаганском – 26 из 35, в Верхоленском – 6 из 19³¹⁷. План на 1911 г. предусматривал включение в переселенческий фонд 169 тыс. дес. в качестве отрезков на территории 5 ведомств Балаганского и Верхоленского уездов³¹⁸. В отчетах о землеустроительных работах за последующие годы отмечалось, что

³¹³ ГАРБ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 143. Л. 18 об.

³¹⁴ ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. К. 194. Д. 3671. Л. 130-131.

³¹⁵ Там же. Л. 132.

³¹⁶ Соснерж К. А. Поземельное устройство и переселенческое движение на территории Иркутской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. Серия История. 2021. № 2 (144). С. 163.

³¹⁷ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 221. Л. 2.

³¹⁸ Там же. Л. 5.

они велись по всем волостям и ведомствам Иркутского, Балаганского, Верхотенского и Нижнеудинского и в одной волости Киренского уездов³¹⁹.

Как уже отмечалось ранее, еще одной специфической чертой сложившихся в регионе земельных отношений явилось распределение земельных участков среди трех основных сословных групп населения: крестьян, казаков и коренных жителей. В отчете о землеустройстве Иркутской губернии 1913 г., на который ссылается в своей монографии исследователь А. И. Асалханов, указано, что «... до поземельного устройства числилось удобных и неудобных земель всего 4 211 059 дес. Из этого числа на долю крестьян и казаков приходилось – 2 200 294 дес. (52,25 %), на долю коренного населения – 2 010 765 дес. (47,75 %). В ходе землеустроительных работ было запроектировано 2 632 290 дес. удобных и неудобных земель в пользу крестьян и казаков, т. е. увеличение для этой категории населения составило 431 996 дес., или 19,63 %. Бурятскому населению было выделено 1 065 650 дес., т. е. в данном случае уменьшение составило 945 115 дес. или 47 %»³²⁰.

Таким образом, земли, находившиеся в фактическом пользовании бурятского населения в большинстве случаев, использовались в первую очередь для решения задач, связанных с формированием колонизационного фонда. Поскольку землеустроительные работы на территории Иркутской губернии и Забайкальской области продолжались вплоть до 1917 г., то можно сделать вывод о том, что из этих участков продолжалось и пополнение переселенческого фонда. Для ведения традиционного типа хозяйствования – табунного скотоводства, требующего значительных размеров площади, сокращение земельных наделов имело негативные последствия. Коренное население было вынуждено приспособливаться и адаптировать свой быт к абсолютно новым, нетипичным для определенных природно-климатических

³¹⁹ Соснерж К. А. Поземельное устройство и переселенческое движение на территории Иркутской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. Серия История. 2021. № 2 (144). С. 164.

³²⁰ Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири... 1975. – С7 68-69.

зон условиям, что привело к подрыву скотоводческого хозяйства нерусских народностей.

В целом, своеобразный тип землепользования, который сложился в Сибири без строго контроля центрального правительства расценивался в данный период времени как нерациональный. По предположению А. А. Кауфмана население региона неразумно распоряжалось естественными богатствами и широтой территории³²¹. Мнение Кауфмана в этом вопросе поддерживал и П. А. Столыпин, обращая при этом внимание на то, что уменьшение количества земли в ходе аграрной реформы неизбежно повлечет за собой переход к новым формам хозяйствования, что несомненно принесло бы положительный результат, например в развитии торговли. Кроме этого, Столыпин отмечал положительное влияние переселенцев в отношении улучшения методов землепользования коренного населения. Здесь свою важную роль играл процесс инкорпорации коренного населения в социокультурное пространство России, поскольку переселенцы, воссоздавая свой привычный уклад на новой территории органично вовлекают в него окружающее население: «и так как большинство их идет из чисто земледельческих губерний, то они и стремятся везде и всюду сеять хлеб»³²². Несомненно, вместе с хлебопашеством планировалось развивать и другие типы сельского хозяйства, при учете местных условий. Так, министр настаивал на энергичном поземельном устройстве и последующих законодательных преобразованиях, в которых нуждался действующий управленческий аппарат³²³. В своей Записке Столыпин обозначил генеральную идею окончательной интеграции Сибири в состав государства.

Земля – наиболее понятный эквивалент в экономических отношениях в рамках российских реалий как среди русского, так и среди коренного

³²¹ Кауфман А. А. Земельный вопрос и переселение... 1908. – С. 79.

³²² Столыпин П. А. Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 году / П. А. Столыпин. – Санкт-Петербург : Гос. тип., 1910. – С. 87.

³²³ Там же. С. 87-88.

населения. Кочевое население так же непременно было заинтересовано в наличии достаточного количества земельных пространств для ведения своего традиционного хозяйства – скотоводства. Объявив себя собственником земли на территории Сибири, государство таким образом обозначило свои права на занимаемые коренными народами земли, которые до этого считались свободными. В последующем, в рамках поддержки переселенческой политики, правительство попыталось провести юридическое оформление поземельных отношений, что было встречено весьма негативно, поскольку местное население, как «инородческое», так и старожильское за долгие годы захватного способа землепользования привыкло считать земли своими. Как уже неоднократно отмечалось ранее, именно решение аграрного вопроса в регионе открывало следующий этап инкорпорационных процессов в отношении коренного населения. Однако, ввиду специфических черт сложившихся в регионе земельных отношений, органично выстроить административные процессы было весьма затруднительно. На этой почве разрослись противостояния политическому курсу правительства. И если в первые годы реализации аграрной реформы российское правительство стремилось учесть интересы «инородцев» в отношении земли, то в сложившихся условиях Первой русской революции интересы коренного населения отошли на второй план, уступив место колонизационной политике и формированию переселенческого фонда. Препятствием на пути к скорейшему юридическому оформлению поземельных отношений послужил низкий темп землеустроительных работ и невозможность проведения дальнейших административных мероприятий. В свою очередь, обострившаяся ситуация как в центральной части страны, так и на национальных окраинах, привела к внедрению административной волостной организации в регионе весьма жесткими методами, эффективность которых сейчас достаточно сложно оценить.

3. 2. Народы Сибири в правовом поле империи (конец XIX – начало XX вв.): концепты, законы, практика

К концу XIX в. во внутренней политике Российского государства наметилась тенденция к усиленной интеграции окраинных земель на Востоке в общероссийское административно-правовое, экономическое и социокультурное пространство. Вместе с этим, значение этнического и географического факторов во внутренней политике государства претерпевало определенные изменения. Если период начала XIX в. являлся временем, когда в окраинной политике Российского государства преобладали тенденции регионализма и учета особенностей образа жизни и типов хозяйствования сибирских народов, то к концу столетия, с принятием законов середины 1890-х гг., наблюдалось стремление правительства к унификации управления коренного населения с русским. Усиливался процесс централизации власти, который, в свою очередь, отразился и на деятельности местных административных институтов. Стоит отметить, что изменения в функционировании органов местного самоуправления не произошли в один момент. Этому предшествовал период длительного обсуждения проектов реформирования управления Сибири, который пришелся на вторую половину XIX в., растянувшись почти на 50 лет. Процесс разработки и обсуждения будущих преобразований носили весьма противоречивый характер, который в разный период времени являлся отражением характера внутренней политики Российского государства. В целом, реализация запланированных реформ на территории Юго-Восточной Сибири обнажила целый спектр новых проблем, связанных с запутанностью поземельных отношений и готовностью, а в большинстве случаев – неготовностью, коренного населения к вводимым преобразованиям.

Проекты, разрабатываемые с середины XIX в. являлись лишь рекомендациями к намеченному переустройству. Конкретные шаги по преобразованию административно-политического устройства Сибири были

предложены в конце 1880-х гг. генерал-губернатором Иркутской губернии А. П. Игнатьевым. Этот документ получил название «Программа деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. и приблизительно на 10 лет». Анализ документа дает представление о том, что в организации регулирования Сибири к этому моменту наметилась тенденция к усложнению управленческих практик, что в свою очередь было связано с территориальным расширением государства. В то же время, исследователи Л. М. Дамешек и И. А. Федореева в своей совместной работе отмечают наличие тенденции к упрощению регулирования, поскольку в этот период происходил процесс установления единообразия управления регионом³²⁴. Генеральной идеей, характерной для периода последней четверти XIX в. во внутренней политике государства явилась идея о полной ликвидации местного самоуправления, отказ от сохранения каких-либо традиционных структур и форм администрации в регионе. Конечной целью переустройства являлось создание единой волостной организации на территории Сибири.

Помимо уже представленной проблемы, тормозившей проведение волостной реформы, связанной с медленным темпом землеустроительных работ, существовал еще ряд взаимосвязанных трудностей на пути к реализации преобразований. Например, изначально заложенный родовой принцип административного устройства коренного населения противоречил главной концепции запланированного переустройства, которая, в свою очередь, была основана на территориальном принципе. Наряду с этим, проблемой выступало и наличие географического фактора. Отдаленность и широкая разбросанность населенных пунктов влияла на работу нового института чиновничества – крестьянских и инородческих начальников:

³²⁴ Дамешек Л. М. Окраинная политика империи и методы инкорпорации коренного населения сопредельных территорий России XVIII – начала XX вв. / Л. М. Дамешек, И. А. Федореева // Теоретические и правовые основы административно-территориального деления. Особенности организации территории. Серия «История». – 2013. – № 1 (4). – С. 8.

возникали трудности с разграничением подведомственных районов и участков. Кроме этого, существовали и кадровые проблемы, связанные с нехваткой административных служащих на местах и с их низким уровнем компетенций, а в некоторых случаях и с отсутствием образования отдельных представителей крестьянского и инородческого начальства.

Стремление правительственных кругов к консолидации власти на местах, унификации модели управления окраинами, отказ от какой-либо «региональной» специфики – все это отразилось на характере законов, принятых в конце XIX в. Среди них, прежде всего, стоит отметить закон 1898 г., который носил название «Временное положение о крестьянских и инородческих начальниках»³²⁵. В научной литературе³²⁶ принято считать, что в основе этого проекта лежал закон от 12 июня 1889 г., именуемый как «Положение о земских участковых начальниках»³²⁷. Этот нововведенный штат чиновников сосредоточил в себе всю административную власть на местах на территории Европейской части России. Стоит отметить, что этот закон не распространялся на Сибирь, в которой в этот период времени только начался постепенный процесс упразднения Степных дум. Однако, стремление в последующем распространить действие земских начальников на территории Сибири нашли свои отголоски как во Всеподданнейшем отчете генерал-губернатора графа А. П. Игнатьева за 1887-1889 гг., так и в его же «Программе». В частности, в отчете указывалось, что наиболее действенными мерами к достижению главной цели – «обрусению инородцев», могут служить следующие положения: во-первых, «... коренной пересмотр законов 1822 г. об управлении инородцами, на основаниях возможно близкого согласования с положением о крестьянах, причем инородные управы могли бы соответствовать волостным правлениям, а родовые – сельским управлениям»; а во-вторых, «... учреждение участковых начальников, с представлением их

³²⁵ ПСЗРИ : Т. 18. Ч. 1. № 15503. – С. 403-416.

³²⁶ Дамешек Л. М. Избранное в 3 т. / Л. М. Дамешек; – Иркутск : Оттиск, 2018. 1 т. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). – 417 с.

³²⁷ ПСЗРИ : Т. 9. № 6196. – С. 532-535.

ведению как крестьянского, так и инородческого населения»³²⁸. Позже, это стремление воплотилось в упомянутом выше документе под названием «Временное положение о крестьянских и инородческих начальниках».

В отношении обновления структуры управления коренным населением Сибири высказывался современник событий Н. П. Штейнфельд, подчеркивая, что выбор инородческих голов и старост должен быть включен в сферу полномочий нового штата чиновников, что в свою очередь позитивным образом отразилось бы на эффективности управления³²⁹. Личные наблюдения, по выражению самого автора были почерпнуты «из печальной практики» его административной деятельности в Восточной Сибири. Кроме неудовлетворительного состояния системы управления накануне принятия проекта Горемыкина, чиновник отмечал, что крестьянское управление в частности страдает из-за неправильного распределения должностных обязанностей, низкого уровня образования и заинтересованности в решении дел местных чиновников: «... каждый из членов [присутствия] спешит у себя на дому подписать, не читая, протоколы якобы состоявшихся заседаний, а что в этих протоколах написано, знает только Господь Бог, да письмоводитель»³³⁰.

С целью установления более эффективного контроля над управлением в регионе, Иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин разработал и в 1892 г. представил в Министерство внутренних дел свой проект будущих преобразований. Главная идея проекта заключалась в распространении на Сибирь действия «Положения о земских участковых начальниках»³³¹. Однако планировалось, что на территории Сибири, в сферу полномочий земских участковых начальников входил бы контроль деятельности местного управления как крестьянского, так и «инородческого» населения. На базе представленного проекта Горемыкина 2 июня 1898 г. вышел Закон под

³²⁸ ГАИО. Ф. 25. ОЦ. Д. 563. Л. 23-23 об.

³²⁹ Сборник статей, заметок и корреспонденций Н. П. Штейнфельда. 1888-1895 гг. – Казань : Тип. Б. Л. Домбровского, 1896. – С. 38-39.

³³⁰ Там же. С. 43.

³³¹ ПСЗРИ : Т. 9. № 6196. С. 508.

названием «Временное положение о крестьянских начальниках»³³², уточненный и дополненный несколько позже – «... крестьянских и инородческих начальников». Согласно законоположению, местное управление подчинялось ведомству государственной администрации.

В апреле 1901 г. основные положения Закона были распространены и на территорию Забайкальской области в виде «Временного Положения об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области»³³³. В отношении единообразия структуры управления, в п. 6 Закона подчеркивалось, что волостные старшины и сельские старосты могут, как и прежде, носить почетные звания шуленг и зайсанов, однако, при взаимодействии с правительственными учреждениями необходимо было использовать наименования должностей по русскому типу³³⁴. Кроме этого, переименовывались и сами «инородческие» управления. Осенью 1903 г. было объявлено о присвоении волостям кочевых «инородцев» наименования «инородческих волостей», а обществам этих инородцев, которые, в свою очередь, проживали вне поселений – названия «булучных». Старост, избираемых в булучных поселениях, впредь необходимо было именовать «булучными старостами»³³⁵. На практике, в процессе переименований как должностей, так и управлений не обошлось без недоразумений и недопониманий. Например, еще в конце 1890-х гг. между иркутским губернатором Моллериусом и генерал-губернатором Горемыкиным состоялась трехмесячная переписка по поводу наименований административно-инородческих единиц (имеется в виду «волостей» – К. С.) ведомствами. Моллериус утверждал, что установившееся название волостей «ведомствами» крайне некорректно и безосновательно. Со своей стороны Горемыкин настаивал, что наименование «волостей» присвоено только тем населенным пунктам, где проживают оседлые «инородцы», кочевые же

³³² ПСЗРИ : Т. 18. № 15503. С. 403-404.

³³³ ПСЗРИ : Т. 21. № 19984. С. 253-260.

³³⁴ Там же. С. 255.

³³⁵ ГАРБ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 37 л. 12.

«инородцы» отнесены к ведомству Инородных управ «... вследствие чего только для краткого выражения этой принадлежности административные единицы инородческого управления именуются ведомствами»³³⁶. Тем не менее, в продолжении переписки Моллериус настаивал на переименовании «инородческих ведомств» в «инородческие волости», на что генерал-губернатор ответил «... имею честь уведомить [...] об установлении нового порядка перечисления инородцев из кочевых в оседлые, я полагаю существующее наименование означенных инородческих районов оставить без изменения, тем более что присвоение этим районам того или другого наименования не имеет вообще существенного значения»³³⁷.

Одной из главных задач сибирской администрации, связанных с введением закона 1898 г., являлся подбор кандидатур крестьянских начальников. Как и многие другие преобразования на территории Юго-Восточной Сибири, так и реализация «Временного положения о крестьянских начальниках» проходили в крайне сжатые сроки. Поэтому, комплектование нового штата чиновников началось еще до утверждения законопроекта. Поиск подходящих кандидатур затрудняло то, что в целом в Юго-Восточной Сибири лиц с оконченным средним, не говоря о высшем, образованием было крайне мало, в то время как на должность крестьянского начальника, согласно п. 8 Закона преимущественно рассматривались кандидаты с высшим или специальным образованием³³⁸. Такое положение существенно тормозило ход реформы на территории региона. По замечанию иркутского исследователя Л. М. Дамешека, местная администрация весьма категорично выступала против соблюдения требования образовательного ценза³³⁹. Таким образом, как справедливо отмечается в совместной работе Л. М. Дамешека и Г. В. Оглезневой, вновь сформированный штат государственных управляющих из числа разночинцев, зачастую без какого-либо образования, должен был

³³⁶ ГАИО. Ф. 25. Оп. 27. К. 1338. Д. 1147. Л. 3 об.

³³⁷ Там же. Л. 9 об.

³³⁸ ПСЗРИ : Т. 18. № 15503. С. 407.

³³⁹ Дамешек Л. М. Избранное... Т. 1. – С. 247.

установить, продвигать и защищать интересы российского правительства на территории Сибири³⁴⁰.

Еще одна проблема была связана с числом предполагаемых должностных лиц. Статья 2 закона гласила о том, что каждый уезд должен разделяться на участки крестьянских начальников³⁴¹ количество которых, в свою очередь, должно было соответствовать числу крестьянских начальников уезда. Однако на практике, в силу нехватки подходящих кадров, число чиновников оказалось меньше числа участков. По сведениям министерства внутренних дел, представленных в труде Л. М. Дамешека, в Иркутской губернии в 1909 г. оставалось вакантными 5 % мест, в Забайкальской области – 11 %³⁴². Кроме этого, неодинаковы были и размеры участков крестьянских начальников. В Иркутской губернии на один участок приходилось около 18 тыс. жителей, в Забайкальской области – около 21 тыс., в Енисейской губернии – около 20 тыс.³⁴³. Большие размеры этих участков были связаны с местными географическими условиями и слабой плотностью населения. Так, например в состав 5-го участка Иркутского уезда входило 2 волости и 4 инородных ведомства, из них Кутульская волость находилась на расстоянии 131 версты (около 140 км) от места постоянного пребывания крестьянского начальника, Еланцинская инородная управа – на расстоянии 112 верст (около 120 км), Ользоновская – 89 (около 95 км), Верхне-Кудинская – 109 (около 117 км)³⁴⁴.

Еще одной немаловажной проблемой была чересполосица и крайняя запутанность поземельных отношений, которая впоследствии отразилась и на состоянии подведомственных крестьянским и инородческим начальникам участков. Так, например, Читинский Уездный Начальник для того, чтобы попасть в волости своего уезда – Успенскую, Зюльзинскую и Оловскую,

³⁴⁰ Дамешек Л. М., Оглезнева Г. В. Крестьянские начальники Иркутской губернии (1898-1917) / Л. М. Дамешек, Г. В. Оглезнева // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX века: Сб. науч. тр. – Иркутск: ИГУ, 1988. – С. 24.

³⁴¹ ПСЗРИ : Т. 18. № 15503. С. 406.

³⁴² Дамешек Л. М. Избранное... Т. 1. – С. 247.

³⁴³ Дамешек Л. М., Оглезнева Г. В. Крестьянские начальники Иркутской губернии... 1988. – С. 23.

³⁴⁴ ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 216. Л. 15 об.

должность ехать через г. Нерчинск. Причем, Успенская волость расположена около самого г. Нерчинска. А селенгинский Уездный Начальник для того, чтобы попасть в волости своего уезда – Кабанскую, Троицкую, Посольскую и др., должен ехать через г. Верхнеудинск и т.д...»³⁴⁵.

Новой управленческий аппарат был создан для того, чтобы контролировать механизмы и процессы крестьянского и «иностранческого» управления. В отношении коренного населения функции крестьянских начальников определялись статьей 35 закона следующим образом: 1) исполнение полицейских обязанностей по наблюдению за иностранческим управлением и содействие в удовлетворении потребностей «иностранцев»; 2) решение судебных дел в качестве третьей степени судебной расправы. Кроме этого, согласно статье 16 Закона, в компетенцию крестьянских начальников входило утверждение повестки дня волостных и сельских сходов, а также санкционирование любых решений схода³⁴⁶. Нельзя обойти стороной тот факт, что крестьянские и иностранческие начальники могли, и как показывает практика, влияли на ход и результаты землеустроительных работ среди коренного населения. В частности, это проявлялось в большей степени в тяжбах относительно поземельного устройства. Здесь чиновники действовали преимущественно в интересах переселенческой политики.

В целом, стоит отметить, нередко были случаи превышения должностных полномочий. Например, в декабре 1912 г. на имя действующего иркутского генерал-губернатора поступило прошение «иностранцев» Алятской волости Балаганского уезда (с 1917 г. Черемховский уезд – К. С.) о защите от насильственных, противозаконных действий заведующего Кутуликским переселенческим подрайоном Л. М. Кременера. Дело в том, что в ноябре 1912 г. господин Кременер созвал сельский сход в улусе Алят с целью разрешения вопроса об отводе земли под постройку в этом улусе православной церкви. В

³⁴⁵ ГАРБ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 143. Л. 17-19 об.

³⁴⁶ ПСЗРИ : Т. 18. № 15503. С. 408.

результате, участники схода отказались отводить землю под постройку храма, в виду ряда причин: «... господин начальник горячо настаивает на постройке храма именно в нашем улусе, где под постройку храма, а так равно и для притча участка земли отведено не было, хотя такового участка потребуется 99 десятин, кроме того, что мы все буряты исповедуем буддийскую веру, и совершенно не желаем принять православие, следовательно, не желаем участвовать и в постройке храма, а так равно и в содержании притча. Господин начальник даже не хочет выслушивать наши возражения об отказе принять участие в постройке храма и энергично настаивает на своем [...] Мы, боясь угроз начальника, были вынуждены подписать этот приговор»³⁴⁷. Кроме этого, заведующий «... принудил за тем инородцев несмотря на то, что часть их являются ламаитами, составить приговор об отпуске из общественных сумм ежегодно 350 рублей на содержание священника при Алятской церкви, и единовременно 25 рублей в возмещение расходов на угощение гостей, присутствовавших на торжестве закладки названной церкви»³⁴⁸. Помимо этого, в одном из докладов крестьян и инородцев указанного уезда, сообщается и о других правонарушениях со стороны представителя административной власти. В том числе, говорится о том, что Кременер, не смотря на обоюдное решение волостного схода о выборе волостного старшины и его заместителя, действовал исходя из своих личных соображений, а именно: «... в июле 1912 года на волостном сходе нами был избран в должность волостного старшины инородец Карп Булатов, а заместитель по нем – переселенец Воронков, но господин Начальник по своей инициативе заместителя утвердил старшиною, а старшину – заместителем, [...] назначив против нашей воли жалованье старшине 240 рублей в год»³⁴⁹. Здесь стоит пояснить, что с 1912 г. переселенческие подрайоны были упразднены, а функции заведующих были переданы крестьянским

³⁴⁷ ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. К. 891. Д. 2663. Л. 14.

³⁴⁸ Там же. Л. 14.

³⁴⁹ Там же. Л. 14 об.

начальникам. Ввиду нехватки кадров, в некоторых, например, как в представленном случаях, крестьянскими начальниками становились бывшие заведующие переселенческими подрайонами. Еще один факт превышения должностных полномочий того же чиновника с применением насильственных действий был связан с образованием новой волости из числа крестьян-старожилов, «инородцев» и переселенцев. На июльском сходе участники отказались войти в состав волости с переселенцами, в результате это привело к открытому конфликту: «... господин Начальник принял такие меры, что пустил в ход кулачную расправу, при всем сходе ударив по лицу бурята Бартаса, мало этого, выхватил из кармана револьвер и угрожал всех перестрелять. В виду чего сход не состоялся, и состоялся лишь только в другой раз. И мы, старожилы, боясь господина Начальника, как грозы, вынуждены были подписать приговор об открытии волости с переселенцами совместно и таковую открыли, в коей числится около 5000 душ рабочего возраста наличных, что составляет большое неудобство [...] Таким образом мы живем с переселенцами и переносим от них массу разных притеснений, а обратиться некуда. Господин Начальник всецело стоит на стороне переселенцев лишь только защищая их интересы, а не как всех совместно, а нас старожил в резон не берет, даже и не велит рта разинуть. Как выйти из этого положения мы не знаем...»³⁵⁰.

В очередном прошении на имя иркутского губернатора от доверенного оседлых «инородцев» указанной волости приводились цифры, подтверждающие, что несение двойной тяжести расходов – на устройство шаманских общественных жертвоприношений, на содержание ламайского храма, а также на содержание православной церкви и притча. Расходы на содержание притча, представлялись весьма значительными и были равны сумме около 730 рублей. В эту сумму входило добавочное жалованье священнику в размере 400 рублей, и расход на содержание одной пары обывательской гоньбы для разъездов священника в размере 330 рублей.

³⁵⁰ ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. К. 891. Д. 2663. Л. 14 об.

Прогнозировались и крупные разорительные расходы на постройку самой церкви. Кроме этого, «... обнаружилось, что еще летом истекшего года был составлен приговор о ссуде из казны 8000 рублей на постройку церкви. О существовании такого договора многие из моих доверителей не имели никакого понятия. [...] Привлекая нехристианское население волости к отнесению расходов на содержание православной церкви господин Кременер употребил следующую несложную махинацию: прежде всего по его внушению был составлен такой приговор, согласно коему православные “помогали” ламаитам в несении расходов на содержание храма. Отсюда естественно вытекало, что и ламаиты должны помочь православным в расходах на православную церковь. Но этот принцип невольной “взаимопомощи” оказался крайне невыгодным и разорительным для бурят. Вместо ничтожного расхода, приблизительно в 50 рублей, который шел на содержание ламайского храма, буряты оказались вынужденными нести тысячные расходы на постройку церкви и содержание притча. [...] Православная церковь предполагается к постройке в бурятском селении в Алятском, где почти нет христиан-бурят. Приезжающие на праздники в церковь переселенцы производят буйство: оскорбляют бурят, избивают их. При таких обстоятельствах соседство православной церкви для жителей Алятского селения является своего рода бедствием»³⁵¹. Архивные фонды как ГАИО, так и ГАРБ хранят множество документов, подтверждающих, что подобный случай не являлся единичным, судя по количеству жалоб, поступавших в разные периоды времени на адрес высшего чиновничества.

В период 1899-1902 гг. возникла острая необходимость как можно быстрее унифицировать управление регионом и окончательно инкорпорировать коренное население в состав России. Разработка решения этого вопроса была поручена делопроизводителю земского отдела И. И. Крафту. Задачи будущего реформирования И. И. Крафт видел в решении следующих вопросов: «1) «приблизить» управление коренным населением к

³⁵¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. К. 891. Д. 2663. Л. 17-18.

системе управления русскими крестьянами с последующим подчинением тех и других ведению крестьянских и инородческих начальников; 2) стимулировать переход «инородцев» из кочевого состояния в оседлое³⁵².

В июне 1902 г. в отношении Забайкальской области вышел приказ о разделении инородческого населения Баргузинской Степной думы и Бодонской инородной управы на волости и сельские общества. В документе говорилось о том, что «инородцы», ведущие номадный тип хозяйствования должны былиделиться на волости, каждая из которых, в свою очередь, должна была состоять из нескольких сельских обществ. Также, допускались случаи, когда волость могла состоять только из одного сельского общества: «... вследствие разбросанности кочевий на значительные друг от друга расстояния, можно образовать волости из одного сельского общества»³⁵³. Было решено в ближайшее время открыть только две волости: «... Сообразуясь с общим числом населения думы, расположением бурят и прочими местными бытовыми и земельно-административными условиями их, а также избегая увеличения относимых доселе ими натуральных повинностей, могущего неблагоприятно отозваться на всем деле предстоящей реформы устройства бурят»³⁵⁴. В декабре 1903 г. крестьянский и инородческий начальник 1-го участка Верхнеудинского уезда отчитался о закрытии Хоринской Степной думы и об упразднении существующих должностей³⁵⁵.

В октябре 1902 г. Забайкальское по крестьянским делам присутствие уведомило об утвержденном действующим Приамурским генерал-губернатором распределении участков, подведомственных крестьянским и инородческим начальникам в Забайкальской области. В Таблице 24 указываются какие участки и уезды должны были относиться к съездам, согласно новому установлению, а также, какие волости относились к участкам крестьянских начальников, и места проживания последних.

³⁵² Дамешек Л. М. Избранное... Т. 1. – С. 188.

³⁵³ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2647 Л. 2.

³⁵⁴ Там же. Л. 5 об.

³⁵⁵ ГАРБ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 37 Л. 30.

Список участков, подведомственных крестьянским и инородческим
начальникам на территории Забайкальской области (1902 г.)

Название съезда и место его нахождения	Участки крестьянских начальников, название уезда	Крестьянский начальник (Фамилия, И.,О.)	Название волостей, отнесенных к участкам крестьянских начальников	Места жительства крестьянских начальников
Селенгинский, г. Троицкосавск	2 участок Селенгинского уезда	Мандрыкин П. В.	Армацкая, Закаменская, Торейская, Селенгинская.	г. Троицкосавск
	5 участок Верхнеудинского уезда	Травин Д. Г.	Бичурская, Еланская, Тамирская, Окино-Ключевская, Чикойская	с. Бичурское
	6 участок Верхнеудинского уезда	Еремеев А. Ф.	Коротковская, Нижне-Нарымская, Красноярская, Урлукская, Байхорская, Укыр-Шонуевское отдельное сельское общество	с. Красный Яр
Верхнеудинский, г. Верхнеудинск	1 участок Верхнеудинского уезда	Остроумов Н.В.	Верхнеталецкая, Галзотская, Харганатская	с. Анинское
	2 участок Верхнеудинского уезда.	Антоневич В. Ф.	Укырская, Кубдутская, Хоацкая	с. Беклемишево
	3 участок Верхнеудинского уезда	Богданов С. П	Тарбагатайская, Куйтунская, Куналейская, Брянская	г. Верхнеудинск
	4 участок Верхнеудинского уезда	Магнус А. П.	Петровская, Николаевская, Малетинская, Малокуналейская	с. Петровский завод
	3 участок Баргузинского уезда	Дьяков (инициалы не указ.)	Мухоршибирская, Ключевская, Бодонгутская, Гочитская	с. Мухоршибир

	1 участок Селенгинского уезда	Радьков Д. М.	Кабанская, Троицкая, Посольская, Кударинская, Турунтаевская, Батуриная, Кударо-бурятская	с. Кабанск
	3 участок Селенгинского уезда	Рыбаков С. Г.	Иволгинская, Оронгойская, Ходайская	г. Верхнеудинск
Баргузинский, г. Баргузин	1 участок Баргузинского уезда	Любинский П. В.	Ульонская, Гаргинская, Верхнеангарское отдельное сельское общество, тунгусы Верхнеангарского Чильчигирского рода, тунгусы Нижнеангарского Киндигирского рода, тунгусы Подлеморского Шемагирского рода, Баунтовская инородная управа, Кучитские тунгусы	г. Баргузин
	2 участок Баргузинского уезда	Кашпурев М. С.	Читканская, Горячинское отдельное сельское общество, Бодонское отдельное сельское общество	г. Баргузин
Читинско- Нерчинско- Заводский, г. Чита	1 участок Читинского уезда	Соболев И. И.	Ундинская, Чиронская, Урульгинская, Улдургинское отдельное сельское общество	г. Урульга
	2 участок Читинского уезда	Кузовлев А. Н.	Цугольская, Агинская, Ундургинская	г. Ундургинский
	3 участок Читинского уезда	Бобровников А. И.	Николаевская, Татауровская, Александровская, Кенонская	г. Чита

	4 участок Читинского уезда	Безпятов А. М.	Тыргетуевская, Усть-Илинская, Кужертаевская, Онгоцонская, Икоральское отдельное общество	с. Усть-Иля
	1 участок Нерчинско-Заводского уезда	Пономарев С. Н.	Шилкинская, Оловская, Зюльзинская	г. Нерчинск
	2 участок Нерчинско-Заводского уезда	Рыбаков Н. Г.	Александровская, Нерчинско-Заводская	с. Нерчинский завод
	3 участок Нерчинско-Заводского уезда	Худков Д. С.	Ключевская, Маньковская, Гасуркаевская, Шундинская	с. Маньковское

Таблица составлена на основании материалов Проекта о разделении Баргузинской Степной думы, представленного в фондах ГАРБ³⁵⁶.

Прошения родоначальников и доверенных ведомства Баргузинской Степной думы о предстоящих преобразованиях не заставили себя долго ждать. В этих прошениях говорилось о том, что предстоящие изменения – упразднение Степных дум и образование вместо них волостных правлений, застает коренное население врасплох и является настоящей ломкой привычного образа жизни и типа хозяйствования: «... ведя от природы кочевой образ жизни, мы привыкли к степному простору, улусной жизни со свободной пастьбой скота, от которого получаем продукты пищи и прочую хозяйственную обстановку. Хлебопашеством же занимаются не все буряты [...], потому что к обрабатыванию земли под хлебопашество по природе не способны, следовательно жить по-русски – селениями для бурят-скотоводов будет стеснительно, и неминуемо вызовется уменьшение скота [...] и приведет к постепенному разорению»³⁵⁷. Кроме этого, на адрес крестьянских и инородческих начальников обрушилась целая волна отказов от самостоятельных выборов нового состава управления и принятия

³⁵⁶ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2647 Л. 30-30 об.

³⁵⁷ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2647 Л. 61.

административных преобразований. Формулировка отказов звучала следующим образом: «... инородцы не принимают во внимание никаких распоряжений начальства...»³⁵⁸, «... общество добровольно не подчиняется новому закону...»³⁵⁹, «... инородная управа не желает добровольного выбора...»³⁶⁰. В борьбе с проведением реформы имели место случаи незаконного и даже насильственного занятия должностей лиц, противостоящих проведению преобразований. Например, на имя Военного губернатора Забайкальской области осенью 1902 г. поступило прошение от бывшего Инородческого головы 2-го Сортолова рода ведомства Селенгинской Степной думы Бадара Сосорова о незаконном удалении его от занимаемой должности. Дело в том, что с началом избрания нового штата должностных лиц во вновь созданные волостные правления, бывший инородческий голова, явившись для этого в селение Армак, был подвержен грубым действиям со стороны противников преобразований: «... являясь ко мне в квартиру несколько лиц инородцев вверенного мне рода, не соглашаясь с утверждением Его Величества порядком новой реформы и изменяя свой характер на более грубый и дерзкий отрицательно объявили мне следующее: “мы с этим новым положением не согласны, и отправляемся обратно по домам, а равно и тебя тоже на должности головы не оставим”. Оскорбления, нанесенные мне при подобных выражениях известны всему семейству крещеного тунгуса селения Армака Афанасия Воронина, где я и квартировал...»³⁶¹. Попытавшись противостоять, Сортолов пригрозил, что составит список лиц-бунтовщиков, в отношении которых последуют соответствующие санкции, на что получил ответ «... ты еще вздумал отдавать нас под суд! [...] устраним тебя от должности и будем сами Головой!»³⁶². После этого инцидента было подано ходатайство об устранении Сортолова с занимаемой должности. Как отмечал

³⁵⁸ ГАРБ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 37. Л. 4-4 об.

³⁵⁹ Там же. Л. 7 об.

³⁶⁰ Там же. Л. 12.

³⁶¹ ГАРБ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 28. Л. 115.

³⁶² ГАРБ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 28. Л. 115.

в своем Прощении бывший на этот момент Голова, вследствие распоряжения действующего крестьянского и инородческого начальника, вместо него были назначены следующие лица: «... не смотря на безграмотность и не ответственность избраны лица, помещенные в список бунтовщиков, а именно [...] Цыбэн Чойбонов родовым головой [...] Сорокжит Самбуев его помощником. Избирателями таковых во главе конечно были те же самые бунтовщики [...] люди, сопротивлявшиеся в отношении приведения в исполнение высочайшей воли и тем как бы взявшие верх для умножения голосов участвуя на суглане по несколько человек из одной семьи [...]»³⁶³.

В целом, «инородческое» население выражало свое удовлетворение существующим положением и настаивало на том, что «... принять новую реформу нового образования волостного общественного управления мы не желаем...»³⁶⁴, «... мы все селенгинские буряты принять новой реформы общественного управления не можем, а желаем не изменять прежнего своего быта положения...»³⁶⁵, «... прежде дарованным нам положением и судом мы остаемся довольны [...] желаем остаться по прежнему при усвоенных правах...»³⁶⁶. В подобных коннотациях звучали отказы и остальных, порядка 25 родов (подсчитано по материалам: ГАРБ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 28 – К. С.), проживавших только на территории Селенгинского уезда³⁶⁷.

Ввиду вышеизложенных обстоятельств, было принято решение о назначении должностных лиц в принудительном порядке. В октябре 1903 г. крестьянским и инородческим начальникам была разослана телеграмма, в которой предписывалось составить списки потенциальных должностных лиц на места администрации и суда, а также указать предположения о вознаграждениях каждого из представленных. Отдельно указывалось

³⁶³ Там же. Л. 115 об.

³⁶⁴ Там же. Л. 8-8 об

³⁶⁵ Там же. Л. 14-14 об.

³⁶⁶ Там же. Л. 18-19.

³⁶⁷ Там же, ЛЛ. 24-24 об., 31 об., 36 об., 41 об., 47 об., 50 об., 55 об., 59 об., 63 об., 66-67, 70 об., 151-152., 203-203 об, 209-210, 214-215, 222-223, 228-229, 234-234 об., 240 об., 245 об., 247 об., 261-262, 267-267 об.

следующее: «Желательно, чтобы должностные лица намечались наиболее склонные принять реформу, а размеры вознаграждения по возможности ограниченные»³⁶⁸. Уже в декабре 1903 г. был опубликован Приказ Военного губернатора Забайкальской области И. П. Надарова, в котором говорилось о назначении должностных лиц волостного и сельского управлений, в следствии отказа кочевых «инородцев» от добровольного избрания управляющих³⁶⁹.

Таким образом, был сформирован штат чиновников, состоящих из должностей волостных старшин и их помощников, судей, кандидатов к ним и председателей инородческого суда, а также из должностей булучных старост и кандидатов к ним. В назначении должностных лиц Надаров предписывал действовать «... спокойно, но твердо, пользуясь вместо отсутствующих должностных лиц, заступающих их и привлекая к законной ответственности неисполнительных»³⁷⁰. Так, в Забайкальской области должности волостных и сельских управлений к этому моменту заняли должностные лица, представленные в Таблице 25.

Таблица 25

Распределение должностей волостных старшин и помощников волостных старшин согласно Приказу Военного Губернатора Забайкальской области,

16 декабря 1903 г.

Волость / отдельное булучное общество	Территории, входившие в состав волости	Волостной старшина	Помощник волостного старшины
Бодонгутская	Часть инородцев Хоринского ведомства, Верхнеудинского уезда	Цыден Дабданов	Дамба Ширеб Нембу Сандуев
Улдургинское отдельное булучное общество	Инородцы Улдургинской инородной управы, Урульгинского ведомства, Читинского уезда	Дари Баянтуев	Гарма Шадапов

³⁶⁸ ГАРБ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 28. Л. 115.

³⁶⁹ ГАРБ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 37. Л. 15.

³⁷⁰ Там же. Л. 22.

Цугольская	Восточная часть Агинского ведомства, волости Читинского уезда	Намдак Дылыков	Линхов Санжиев
Гочитская	Западная часть Агинского ведомства	Буда Шимыт Батхайн	Бадма Цырен Шагдуров

Таблица составлена на основании данных, опубликованных в Приказе Военного Губернатора Забайкальской области от 16 декабря 1903 г. № 95, представленного в фондах ГАРБ³⁷¹.

По свидетельству крестьянского и инородческого начальника 3-го участка Баргузинского уезда, прибывшего для производства подготовительных работ по введению Временного положения об устройстве управления и суде кочевых бурят Забайкальской области, отмечалось, что активного противодействия вводимым преобразованиям во вверенном ему участке не встречалось, хотя на одном из сходов в присутствии инородческих голов и было заявлено, что местные жители хотели бы остаться при действующих узаконениях. Тем не менее, было принято решение о продолжении процесса организации нового административного устройства и назначении должностных лиц. По этому поводу, начальник 3-го участка отписывался следующим образом: «На следующий день в назначенном мною пункте во временной «земской» квартире меня встретила масса торжественно настроенного и разнаряженного народа: всех, очевидно, интересовал «совет», заключающийся в том, что в этот день будет происходить что-то необычное и новое, производство выборов против воли общественников [...] но ни тени озлобления, протеста против выборов по назначению и никаких неприличных выходок»³⁷². Далее выборы состоялись по описанию крестьянского и «инородческого» начальника следующим образом. В виду отсутствия (или наличия только на монгольском языке) списка домохозяев, обладающих правом голоса, при определении числа выборных для волостных сходов, пришлось руководствоваться устными показаниями родовых старост и

³⁷¹ Там же. Л. 15.

³⁷² ГАРБ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3. Л. 5 об.

инородческих голов. В результате были получены примерные сведения по вопросам: о числе домохозяев, уровне их грамотности, предшествовавших службах, материальном обеспечении, возрасте и гражданской правоспособности. Кроме этого, чиновник подробно описал свой опыт в процессе назначения нового штата должностных лиц: «Так как сходчики уклонились и от указаний на лиц, более достойных занять должности сельских старост, кандидатов и выборных, хотя я и подробно разъяснил им, что от неудачного выбора этих, пострадают интересы самих же общественников, что я могу ошибиться, а намеченные мною кандидаты, по утверждению их Вашим Превосходительством, будут служить по 4 года каждый, то я должен был действовать на свой страх, и намечая должностных лиц, прибегал к таким приемам: узнавал, кто из собравшихся служил уже ранее, сколько лет, на каких обязанностях, какую имеет семью, затем производил внешний, но внимательный осмотр данного субъекта для определения: его возраста (не менее 25 лет), здоровья, расторопности, по глазам и лицу смысленности и степени трезвости, по платью – влияния и положения среди общественников. Найдя намеченное лицо обладающим всеми нормальными и соответствующие законным требованиям условиями для занятия обязанности сельского старосты и кандидата с одной стороны, и выборных – с другой, я вносил его в протокол и объявлял как ему, так и собравшимся. По окончании назначений для одного сельского управления, созывал всех собравшихся от следующего и совершенно также поступал с начала до конца назначений»³⁷³. Однако, среди назначенных по такому принципу должностных лиц, по замечанию крестьянского и инородческого начальника, половина «... приняла назначение молча», другая половина попыталась отказаться от обязанностей, ссылаясь на различные причины как личного, так и социального характера – «... по отсутствию разрешения сообщественников»³⁷⁴. Если в первом случае проводилась основательная проверка ходатайств, то в последнем – прошения

³⁷³ Там же. Л. 6.

³⁷⁴ Там же.

об освобождения от службы получали категорический отказ. Стоит отметить, что это один из немногих случаев, личного участия крестьянского и инородческого начальника при назначении должностных лиц. В фондах ГАРБ содержатся документы, которые дают понять, что часто, организация нового корпуса администрации происходила в буквальном смысле «удаленно» – крестьянскому начальнику высылались формулярные листы, по которым отбирались наиболее подходящие для занятия должностей лица. После этого, потенциальным служащим рассылались уведомления о назначении их на должность.

Из сохранившихся в фондах ГАРБ архивных документов, по отдельным ведомствам, можно примерно представить социальный портрет нового института чиновничества. В основном, это были лица, так или иначе ранее уже задействованные в административной службе, средний возраст волостных старшин составлял примерно 45 лет, в основном все они имели семью, собственное хозяйство (дома, юрты, скот). Большинство из них были «ламайского» вероисповедания, владели как русской, так и монгольской грамотностью. Однако, среди представителей булучных старост, число грамотных «по-русски» было значительно меньше³⁷⁵.

В январе 1904 г. Военным Губернатором Забайкальской был отдан Приказ следующего содержания: «Государь Император высочайше соизволил на предоставление Забайкальскому Губернатору следующих полномочий. Первое – права наложения на должностных лиц инородческого управления и суда, в случае отказа от исполнения своих обязанностей, наказания административным порядком, применительно к статье 15 правил об усиленной охране, не превышающих трехмесячного ареста или денежного штрафа до пятисот рублей; и второе – права административной высылки лиц, которые будут замечены в подстрекательстве инородцев к неповиновению и

³⁷⁵ ГАРБ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 276. Л. 76, 188-189; Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1991. Л. 2-16, 37-84; Там же. Ф. 5. Оп. 1. Т.1. Д. 392; Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2558. Л. 3-22; Там же. Д. 2394. Л. 12-18; Д. 2419. Л. 66-66 об., 67-71; Ф. 77. Оп. 1. Д. 34; Ф. 78. Оп. 1. Д. 221; Ф. 80. Оп. 1. Д. 75.

протесту против реформы...»³⁷⁶. В свою очередь, отклик, выразившийся в массовых протестах, по поводу реализации преобразований на территории Забайкальской области, также не заставил себя долго ждать и проявлялся в различной степени неподчинения. Например, крестьянский и инородческий начальник Дьяков телеграфировал Военному Губернатору о том, что на встречу, назначенную для передачи печатей и дел ныне закрытой инородной управы Баргузинского уезда, «... явилось больше ста бурят [...] Ворвались в комнату и держали меня под угрозами более получаса. Затем избили старосту Санхиева, оскорбили действиями кандидата старшины Очирова, исправляющего должность писаря Ионова и еще одного старосту. Печати и дела старост украдены»³⁷⁷.

Подобные случаи неповиновения властям во время проведения волостной реформы особенно обострились на территории Забайкальской области и, как отмечает улан-удэнский исследователь Л. В. Курас в одной из своих работ «... для бурят, зависимых и покорных любому чиновнику русской администрации, это было делом неслыханным [...] Находясь в течение двух столетий в составе Российской империи, буряты впервые открыто выступили против законов государства»³⁷⁸. В последствии локальные, стихийно возникавшие протестные выступления постепенно стали выливаться в массовое общенациональное движение. В свою очередь, череда этих событий нашла свой отклик и пробудила общественно-политическую мысль в среде бурятской интеллигенции. Так, бурятская общественная мысль условно разделилась на три группы, согласно своему видению решения вопроса административно-политического устройства национальных окраин. Основные идеи партий «стародумцев», «партии прогрессивных бурят» и бурятских

³⁷⁶ ГАРБ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 37. Л. 38.

³⁷⁷ Там же. Л. 35.

³⁷⁸ Курас Л. В. Национальное и аграрное движение бурят в начале XX в. // Власть. 2011. № 4. С. 142.

«народников» подробно изложены в работе исследователя И. Н. Шагдуровой³⁷⁹.

В борьбе с противниками реформы были предприняты репрессивные меры – арест или выселение за пределы области. Кроме этого, с населением активно проводилась разъяснительная работа по поводу проведения преобразований. Так, на имя военного губернатора Забайкальской области была получена телеграмма от бывшего Главного тайши бурят Хоринского ведомства Э. Вамбоциренова, которую предполагалось распространить среди населения. В телеграмме говорилось, что бывший тайша, по его собственным словам, убедился в бесполезности ходатайств бурятского населения о приостановлении проведения административной реформы, «... необходимо принять реформу, о чем разъяснил в Верхнеудинске встретившимся со мной бурятам». Кроме этого, Вамбоциренов просил как можно скорее вменить бурятам необходимость проведения реформы, «... дабы они скорее могли понять свое ошибочное, наивное положение»³⁸⁰.

Не смотря на применение силы и, в некоторых случаях, оружия в адрес должностных лиц, назначенным чиновникам, в свою очередь, предписывалось соблюдение высшего спокойствия и терпения в работе с населением. Так, 19 января 1904 г. И. П. Надаровым крестьянским и инородческим начальникам был разослан секретный циркуляр, в котором военный губернатор Забайкальской области выражал обеспокоенность по поводу участившихся случаев нападения на должностных лиц. Отмечая стойкость и сдержанность вновь введенного штата чиновников в работе по проведению преобразований в регионе и, насколько это было возможно, урегулированию конфликтных ситуаций, Надаров настаивал: «... считаю необходимым еще раз напомнить всем должностным лицам, имеющим непосредственное соприкосновение с инородцами по проведению в жизнь нового закона, считаясь с неразвитостью

³⁷⁹ Шагдурова И. Н. Проблема административно-политического устройства в общественно-политической мысли бурят в первой четверти XX в. // Известия АлтГУ. 2010. №4-3. С. 228.

³⁸⁰ ГАРБ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 37. Л. 64-65.

населения, фанатической преданностью всему старому, быть возможно снисходительными к ним – из простых грубых, неумышленных заявлений и действий, не делать сопротивлений, соблюдать полную осторожность, как в личном с ними отношениях, так и наблюдая, в этом отношении, за новыми должностными лицами и нижними чинами полиции и командированными для сих же надобностей нижними чинами войска. Употребление оружия для угрозы отнюдь не употреблять и наблюдать в тех случаях, когда на местах имеются команды нижних чинов, чтобы и они не употребляли его за исключением случаев явного нападения на команду»³⁸¹. Однако, ношение с собой оружия в целях личной обороны все же разрешалось, о чем говорится в ответной телеграмме под грифом «секретно» от начальника Жандармского управления Забайкальской области. На ходатайство инородческого волостного старшины Баргузинского уезда Сахарова иметь при себе револьвер, по причине частых служебных разъездов с крупными денежными суммами в ночное время, был получен ответ «Препятствий не встречается»³⁸².

Традиционно в окраинной политике Российского государства применялись и другие, поощрительные инструменты для привлечения к принятию и распространению преобразований в среде коренного населения. Существовала своя система мотивации должностных лиц, которая побуждала их к активным действиям в поддержку реформ, к повышению лояльности среди населения к вводимым преобразованиям. Мотивация должностных лиц складывалась из расположения высшего начальства и последующего награждения медалями. Основания к наградам должностных лиц Гочитской инородческой волости и Бурун-Харганатской волости изложены в Таблице 26.

Таблица 26

³⁸¹ Там же, Л. 51-51 об.

³⁸² ГАРБ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 276. ЛЛ. 102, 104.

Список лиц по Гочитской инородческой волости и Бурун-Харганатской волости, рекомендованных к награждению серебряными медалями по случаю проведения у «инородцев» административной реформы, 29 мая 1904 г.

Наименование волости	Фамилия, имя и отчество, занимаемая должность	Основание к награде	Степень награды
Гочитская инородческая волость	Цыден Дамба Очиров, бывший кандидат волостного старшины	выполнял обязанности за старшину; за сочувствие к введению реформы; во время беспорядков на Заганском стане был избит сходом	серебряная медаль на Станиславской ленте для ношения на груди
	Бунда рига Дашепыло, ширетуй Хохюртаевского дацана	употреблял все меры к убеждению народа не противиться введению среди них реформы, которой сам сочувствовал	серебряная медаль на Станиславской ленте для ношения на груди
	Дугоржан Цыбенов, волостной инородческий старшина	был сторонником реформы, и во время беспорядков на Заганском стане, рассорившись со сходом ушел с него	серебряная медаль на Станиславской ленте для ношения на груди
	Цыбен Доржиев, помощник волостного инородческого старшины	состоял в должности помощника старшины, был сторонником реформы и исполнял все возлагавшиеся на него поручения аккуратно и ревностно	серебряная медаль на Станиславской ленте для ношения на груди

Бурун-Харганатская волость	Цыден Дамба Дабданов, волостной старшина	все время исполнял обязанности старшины, введению реформы не противодействовал, своим примером располагал и других должностных лиц к исполнению их обязанностей	серебряная медаль на Аннинской ленте для ношения на шее
	Найдан Чернин Аюшев, ширетуй Цолгинского дацана	в своих речах успокаивал народ и удерживал от смут и насилий по случаю введения реформы	серебряная медаль на Станиславской ленте для ношения на груди
	Бату Мунку Цокдоев, штатный лама Цолгинского дацана	уговаривал народ не волноваться и подчиниться введению реформы	серебряная медаль на Станиславской ленте для ношения на груди

Таблица составлена на основании материалов переписки по поводу представления к награждению медалями должностных лиц, содержащихся в фондах ГАРБ³⁸³.

Накануне Первой русской революции, в условиях обострения общественно-политической обстановки в целом по стране, а также в условиях активного сопротивления народов Сибири проводимым преобразованиям, от местной администрации потребовалось предпринять ряд решительных действий в разработке и проведении реформ. Главные задачи: 1) упразднение порозрядной системы; 2) унификация местного управления коренным населением с русским. В итоге, в каждой губернии был разработан проект реформы на основе, упоминающихся ранее в этом параграфе, предложений Крафта. Возражения касались лишь вопроса сохранения разряда кочевых «инородцев». Ввиду участвовавших случаев общественного протеста со стороны коренного населения на территории Сибири, ужесточился полицейский надзор за органами управления «инородческим» населением. Комплекс мероприятий начала XX в. дополнило введение паспортной системы

³⁸³ ГАРБ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 6. Л. 296-302.

у коренного населения, как средство контроля за их передвижением, упразднение порозрядной системы, а также привлечение коренных жителей к отбыванию воинской повинности. В этот период в плане управления «инородцы» уже мало чем отличались от русского крестьянского населения. Как результат к 1917 г. сословие «инородцев» юридически перестало существовать.

Возвращаясь к событиям первого десятилетия XX в., отметим, что в 1908 г. со стороны Министерства внутренних дел последовало требование от губернской администрации скорейшего перевода кочевников в разряд оседлых. Здесь стоит отметить активное участие П. А. Столыпина – в 1909 г. согласно предписанию министра необходимо было, не дожидаясь результатов переписи перечислить всех кочевых «инородцев», которые получили земельные наделы, в разряд оседлых. В целом, на территории Иркутской губернии к 1914 г. реформа была распространена на 64 % бурятского населения³⁸⁴. В остальных ведомствах реформирование системы управления было завершено к 1916 г.³⁸⁵. Согласно свидетельствам крестьянского и инородческого начальника 3-го участка Баргузинского уезда Забайкальской области, которому удалось обстоятельно выяснить детали в отношении существовавших препятствий со стороны «инородческого» населения к проведению преобразований, было отмечено следующее: «... успеху введения у бурят русских законов в громадной степени препятствуют опасения бурятского населения и ожидания, что Правительство вслед за тем посягнет на религию, свободу передвижения, расселения из, введет воинскую повинность [...], что расходы на содержание волостных и сельских правлений, суда, земских квартир, дорожной повинности возрастут до небывалых пока размеров, что, наконец, бурят принудят жить также, как и русских крестьян, т. е. деревнями, в избах и без права перекочевывать весной из зимников в

³⁸⁴ ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 303. Л. 57.

³⁸⁵ История Бурят-Монгольской АССР. В 2 т. Т. 1 / под ред. П. Т. Хаптаева. – Улан-Удэ, 1954. – С. 434.

летники»³⁸⁶. Однако, стоит отметить, что эта откровенная беседа между крестьянским начальником и участниками схода, состоялась еще в первые годы XX в. Собственно, уже тогда тенденции наметившейся централизации власти на местах весьма отчетливо стали ощущаться в среде коренного населения, что вызывало определенные опасения. Помимо этого, крестьянский начальник в своем отчете, со слов участников схода отметил и ряд рекомендаций по поводу распределения населенных пунктов по местам назначения волостных правлений и самих названий волостей. Например, действующим инородческим головой Дабдановым (будущим волостным старшиной Бурун-Харганатской волости), а также действующим заседателем думы Самгатеевым, которые со слов крестьянского начальника были оценены как «... хорошо грамотные по-русски, влиятельные по положению и весьма развитые для инородцев», были сформулированы следующие рекомендации: 1) Изменение названия волости «Бодонгутская» на «Хараганатско-Кубдутская» или «Тунгуйская»; дело в том, что название волости «Бодонгутская» не признается в среде бурятского населения, поскольку представителей Бодонгутского рода на этой территории наберется лишь несколько человек: «Бодонгунцы обитают за 200-300 верст от них»³⁸⁷; в свою очередь, предложенные названия, в первом случае – «Хараганатско-Кубдутская волость», включают в себя ведомства Барун-Кабдутского и Барун-Харганатского родов, не теряя своей бывшей родовой самостоятельности и не лишаясь родовых названий, как бы сохраняя при этом равноправие. Во втором случае – название волости «Тунгуйская»: «... родовые названия исчезают, но оба, безобидно для самолюбия инородцев того и другого рода, уступая место новому [названию], всем инородцам трех ведомств и окружающим их русским известному и понятному»³⁸⁸. Помимо этого, было отмечено неудобство размещения волостных правлений при Хахюртаевском и Галгатаевском

³⁸⁶ ГАРБ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

³⁸⁷ Там же. Л. 6 об.

³⁸⁸ Там же. Л. 7.

дацанах, поскольку в районах работы волостных правлений «... неизбежно появляются торговля, лавочки, питейные заведения, пьянство, карточная игра, женщины (в семьях волостных писарей и других должностных лиц)»³⁸⁹, что, в свою очередь нарушает святость указанных мест и оскорбляет религиозные чувства бурятского населения буддийского вероисповедания. На справедливый вопрос крестьянского начальника, почему молчали и бездействовали 12 человек их представителей – инородческих голов на Съезде, где состоялось распределение населенных пунктов и назначались места для волостных правлений «... инородцы заявили, что головы тогда сознательно уклонились от подачи каких бы то ни было мнений, советов и разъяснений, так как самым фактом подачи таковых боялись связать себя и доверителей, не будучи уполномочены свободно выразить свои мнения: все население тогда ожидало положительных результатов от ходатайств будущих deputаций к Государю Императору³⁹⁰ и намеренно решило пассивно относиться ко всем предложениям местных властей»³⁹¹. Таким образом, неоправдавшиеся ожидания бурятского населения в пользу их ходатайств против проведения преобразований отразилось на характере дальнейших отношений центра и восточной окраины, которые к этому моменту по градусу напряженности уже стремительно приближались к своей критической отметке.

Форсированный темп проведения реформы и, как следствие, хаотичность ее проведения отразились и на качестве работы администрации на местах. Согласно пункту 7 «Высочайше утвержденного Временного Положения об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области», волостные старшины, их помощники и сельские старосты избирались обществами сроком на четыре года³⁹². Однако

³⁸⁹ ГАРБ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

³⁹⁰ Здесь имеется в виду депутация от Хоринских и Агинских бурят в Петербург в 1902 г. с ходатайством о приостановлении проведения административных преобразований.

³⁹¹ ГАРБ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

³⁹² ПСЗРИ : Т. 21. № 19984. С. 255.

несмотря на это требование как в крестьянских, так и в инородческих обществах существовала одна и та же тенденция – освобождать старост от службы спустя год или два. В циркуляре крестьянского начальника 3-го участка Баргузинского уезда, адресованного волостным правлениям, освещается эта проблема и говорится о том, что сложившееся обстоятельство некорректно отражается на порядке управления местной администрации. В частности, староста, который заранее настроен на «сокращенный» срок службы «... не вникает как бы следовало в дела; он только так сказать “тянет” свою службу, всячески избегая лишних забот и хлопот. Этот, создаваемый обществами, тип старосты никогда не знает всех своих обязанностей и не старается узнать их, никогда по собственному почину не приступит к упорядочению какой-либо нуждающейся в этом части сельского управления и дел общественных; и вообще действует только под влиянием понуждений»³⁹³. В борьбе с пагубной установкой волостным правлениям было предписано следующее:

1) Основательность причин преждевременного освобождения от службы старост, кандидатов и помощников будет строго проверяться. Ввиду безосновательности причин преждевременного увольнения, должностные лица обязаны будут дослужить полный срок.

2) В случае преждевременного увольнения старосты до наступления следующего выборного срока запрещается выбирать нового старосту. Вместо освобожденного старосты, его срок обязан дослужить кандидат.

3) Старосты, избирающиеся на второй и последующие сроки, должны предоставлять подписки о согласии служить по новому выбору. Поскольку на второй и последующие сроки лица могут быть избираемы вновь только с их личного согласия. В случае, если все должностные лица отслужили полные сроки, или в числе не отслуживших нет подходящей кандидатуры – общества имеют право выбирать на должность и отслуживших³⁹⁴.

³⁹³ ГАРБ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 137. Л. 2-2 об.

³⁹⁴ ГАРБ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 137. Л. 2 об.-3.

Интересно привести и состояние делопроизводства на местах, которое сохранилось в ревизионных замечаниях, записанных крестьянским и инородческим начальником 3-го участка Баргузинского уезда в первой четверти XX в. В 1912 г. в делопроизводстве одной только Бурун-Харганатской волости было выявлено больше 10 замечаний. Открывает этот список запись о том, что учет волостного старшины не производился с момента открытия волости. Кроме этого, из приговоров волостного схода отмечается ходатайство о разрешении рассматривать вопросы на волостном сходе выборными не от 25 дворов (согласно пункту 9 «Временного Положения об устройстве общественного управления...» – К. С.), а от 50 дворов. По замечанию крестьянского и инородческого начальника такое стремление характерно было как для бурятского, так и для крестьянского обществ «... здесь видно стремление населения по возможности избавиться от участия в распорядительном органе местного самоуправления, вместо того чтобы добиваться более активной деятельности в нем»³⁹⁵. Так же, небезынтересно отметить еще одно замечание чиновника по поводу ведения книги сделок и договоров. Единственный записанный договор в этой книге имел следующее содержание: «... учитель приходского училища и помощник волостного писаря, оба инородцы, обязались не употреблять спиртных напитков. В 3 пункте условия сказано: “в виде паллиатива и снисходя к слабости нашей предоставляем друг другу: мне Плешкову напиться вдрызг на Новый год, а Тыкшиеву – на праздник «Цаган Сар», 1-й день напиться, 2-й – опохмеляться целый день”. Условие нарушено»³⁹⁶. Администрация Бурун-Харганатской волости отличилась и спустя два года после первой ревизии: «Волостной старшина с волостным писарем без моего разрешения отлучились в город Верхнеудинск четыре дня тому назад. Касса и денежная книга не переданы помощнику старшины. Большинство ревизских замечаний не выполнены [...] на требование мое предоставить денежные книги помощник писаря ответил:

³⁹⁵ ГАРБ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 137. Л. 24 об.

³⁹⁶ Там же, Л. 26 об.

“... денежные книги старшина увез с собою”. Если волостной старшина имел в виду в данную поездку взыскивать подати, как доложил мне его помощник, то не было надобности захватывать с собой денежные книги...»³⁹⁷. В отличие от Бурун-Харганатского, делопроизводство Ключевского волостного правления, по замечанию крестьянского и инородческого начальника пребывало в образцовом порядке: «Ревизия показала что в лице волостного старшины Елизара Иннокентьевича Грудинина и волостного писаря Пантилеймона Викентиевича Брянского Ключевская волость имеет опытных, честных, аккуратных работников, интересующихся делами службы, заботящихся об интересах населения, прислушивающихся к его нуждам»³⁹⁸. По итогам ревизии волостной старшина и волостной писарь были награждены медалями «За усердие».

Говоря о характеристике нового штата чиновничества, следует отметить следующее. Если традиционной опорой российского правительства в проведении окраинной политики была лояльная к российскому правительству аристократическая верхушка бурятского общества, то в начале XX в., когда вчерашняя «опора» стала рушиться, сопротивляясь проведению запланированных преобразований в регионе, в результате отказа правительства пойти на компромисс в проведении реформ, центральная власть была вынуждена прибегнуть к выстраиванию новых корпоративных отношений на местах, и наряду с этим – выстраиванию новых бюрократических структур. В результате принудительного назначения должностных лиц во вновь образованных волостных правлениях, новые институции состояли преимущественно из незаинтересованных, не замотивированных, или, в некоторых случаях, даже иногда антагонизирующих политическому курсу российского правительства служащих. Безусловно, большинство из них ранее занимали определенные административные должности, однако по уровню ответственности и сложности задач, эти

³⁹⁷ ГАРБ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 137. ЛЛ. 34-34 об.

³⁹⁸ Там же, Л. 30-32.

должности значительно уступали по функциям и компетенциям нового штата чиновников волостных правлений. В результате целого комплекса факторов, обнаруживших кризис в структуре регионального управления, политический механизм, безотказно работавший до этого момента, дал серьезный сбой. Последствия со знаком «минус» вереницей растянулись вплоть до революционных событий 1917 г.

Таким образом, проведение волостной реформы изначально было задумано как поэтапное, планомерное переустройство, идущее вслед за юридическим оформлением землеустройства коренного населения. Однако на практике темпы землеустроительных работ были крайне медленными. Отказавшись от изначального плана, правительство Российской империи перешло к более агрессивному, форсированному методу проведения административной реформы уже вне зависимости от результатов землеустроительных работ и реакции населения на проводимые преобразования. Изменения в характере проведения реформы на территории Юго-Восточной Сибири спровоцировало целую волну недовольств со стороны нерусских народов. От пассивных форм сопротивления – подача жалоб и ходатайств, коренные жители все чаще прибегали к активным методам борьбы против реформ – саботаж, нанесение побоев должностным лицам. Также, стоит отметить позицию бурятской аристократии в период реакции населения на вводимые преобразования. Фактически родовая знать – традиционная опора Российского государства в окраинной политике, оказалась в заложниках, поскольку репрессии, санкции и прочие инструменты давления были направлены в первую очередь на них. В результате, часть высокопоставленных лиц бурятского общества была вынуждена отказаться от активной борьбы против волостной реформы. В свою очередь, многие другие представители бурятской элиты в той или иной степени стали поддерживать политический курс российского правительства, выступая защитниками интересов последнего и убеждая бурятское население смириться с надвигающимися переменами.

Интересно проанализировать с позиции исторической дистанции и сегодняшнего дня, эффективность политики государства, направленной на инкорпорацию коренного населения в общероссийское правовое поле. Здесь стоит начать с аграрного вопроса. Земля – наиболее понятный эквивалент в экономических отношениях в рамках российских реалий как среди русского, так и среди коренного населения. Кочевое население также непременно было заинтересовано в наличии достаточного количества земельных пространств для ведения своего традиционного хозяйства – скотоводства. Объявив себя собственником земли на территории Сибири, государство таким образом обозначило свои права на занимаемые коренными народами земли, которые до этого условно считались свободными. В последующем, в рамках поддержки переселенческой политики, правительство попыталось провести юридическое оформление поземельных отношений. Как раз это, прежде всего, и было встречено весьма негативно, поскольку местное население за долгие годы захватного способа землепользования привыкло считать земли своими.

С формированием земельных наделов, на равных позициях с русским крестьянством, землеустройству подлежало и коренное население. Долгое время вопрос заключался в том, как наиболее эффективно осуществить эту меру. Введенный в 1822 г. «Устав» в определенной степени защищал интересы и права «иностранцев» на занимаемые ими земли – нельзя было перейти в разряд «оседлых», не изъявив на это собственного желания, которое учитывалось при проведении очередной переписи населения.

В процессе инкорпорации коренного населения немалая роль уделялась и конфессиональному аспекту. В частности, предложения по распространению православия поступали и непосредственно со стороны Русской православной церкви. Напомним, если основной документ первой половины XIX в., регулирующий управление коренным населением Сибири – «Устав об управлении иностранцев» 1822 г. предписывал соблюдение принципов веротерпимости (п. 53-56)³⁹⁹, то во второй половине XIX в.

³⁹⁹ ПСЗРИ : Т. 38. № 29126. С. 394-407.

христианизация явилась как один из инструментов управления во внутренних процессах, в общественных отношениях в среде коренного населения. Дело в том, что принятие православного христианства в указанный период предполагало не только наличие налоговых льгот, но и перспективу продвижения по службе для родоначальников. Кроме этого, принятие христианства открывало дорогу детям крещеных «инородцев» к получению образования. Таким образом, с применением гибких политических технологий, подкрепленных различными бонусами в виде материальных благ или профессиональных перспектив российское правительство стремилось заручиться поддержкой лояльно настроенной «инородческой» элиты для дальнейшей трансляции своих интересов на окраине. В свою очередь, внимание правительства в этот период в отношении региона было нацелено от позиции деконцентрации власти на местах, как было в начале XIX в., к полной централизации управления. В связи с этим и была обозначена генеральная тенденция второй половины XIX в., заключающаяся в планомерном подчинении местного самоуправления центральным органам власти.

3.3. Инкорпорация коренного населения Сибири в социокультурное пространство Российской империи. Фактор фронта: социальный контекст и распространение христианства на территории Сибири

Разработка проектов по реформированию управления в Сибири с середины XIX в. проходила в весьма специфических условиях, связанных в том числе и с зарождением общественной мысли на восточных окраинах и последующей ее активной деятельностью. Интеграционный процесс и формирование общероссийского правового поля затронул не только административно-политическую, но и социокультурную сферу. Последняя нашла отражение в деятельности Русской православной церкви на территории Сибири, которая в свою очередь, все больше вовлекалась в решение государственных задач.

Комплекс проблем, связанных с вопросом инкорпорации сибирской территории и ее населения в состав Российской империи, в современной научной литературе рассматривается с позиции теории фронта в отношении сибирской территории и, вместе с этим, с позиции исследования имперских окраин. В первом случае, ученые определяют концепцию как многогранный феномен, включающий совокупность экономико-географических, хозяйственно-исторических и духовно-ментальных аспектов⁴⁰⁰. Во втором случае, ученые проводят комплексное исследование типов и моделей управления окраинами, применяют методы компаративного анализа на материалах официальных постановлений, делопроизводственных документов, Всеподданейших отчетов и т.д. Так, в фундаментальных трудах таких авторов как Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, А. В. Ремнев подчеркивается особая роль этнического, природно-географического и ресурсного фактора в формировании окраинной политики. В свою очередь авторы концепции фронта обращают внимание прежде всего на формирование новой ментальности, рождение нового общества, в результате сложившихся условий⁴⁰¹. Так, например, в одной из своих работ, красноярский исследователь А. С. Хромых в противовес мнению иркутского исследователя А. Д. Агеева (один из первых сформулировал свое видение «сибирского фронта» – К. С.), отождествлявшего «сибирский фронт» с понятием «цивилизационный разлом», отмечает, что «место встречи цивилизаций, скорее всего, были не разломом, а контактной зоной, где происходил обмен разного рода социального опыта»⁴⁰². Кроме этого, томский исследователь Л. М. Иванова, ссылаясь на мнение коллег В. П. Румянцева и Е. В. Хахалкиной, отмечает и вместе с тем соглашается, что концепция фронта имеет

⁴⁰⁰ Юрганова И. И. Русская православная церковь в Восточной Сибири: от фронта до окраины // Северо-Восточный гуманитарный вестник, – 2022, – № 3. С. 32-41.

⁴⁰¹ Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: изд-во «Сова», 2005. [Электронный ресурс] <http://sibistorik.ru/project/frontier/ch2.html> (Дата обращения: 15.06.2022)

⁴⁰² Хромых А. С. Проблема «сибирского фронта» в современной российской историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 5. С. 107.

наибольший потенциал именно в культурологическом аспекте, поскольку глубокое взаимодействие различных этносов и народов в процессе освоения территории отразилось прежде всего на культурном облике восточных окраин России с его специфическими особенностями⁴⁰³. Стоит отметить, что современные исследователи, занимающиеся изучением теории «сибирского» фронта, утверждают, что теоретические аспекты концепции на данный момент разработаны лишь фрагментарно, а также указывают на отсутствие единого терминологического аппарата⁴⁰⁴.

Автор настоящей работы, так же придерживается вышеизложенного тезиса о преимущественно культурологической составляющей теории фронтальных исследований в отношении Сибири. Поэтому, процесс инкорпорации коренного населения региона непосредственно в социокультурное пространство Российской империи в данном разделе рассматривается через призму теории фронта в его «сибирской» интерпретации. Однако, по мнению автора данное исследование было бы не полным, ориентируясь лишь на фактор фронта. Поэтому в соответствующем разделе представлены не только культурологические аспекты, но и статистические данные, компаративный анализ интеграционных процессов как на территории Иркутской губернии, так и на территории Забайкальской области.

По мнению автора, социокультурное пространство – это физическое и ментальное ощущение пространства человеком, его локальная идентичность, а также интеракция и коммуникация внутри социума на определенной территории (определение – К. С.). Что касается локальной идентичности, здесь важно понять следующий момент. Для того, чтобы сформировалась какая-либо «идентичность» (региональная, политическая, этническая или

⁴⁰³ Иванова Л. М. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 410. С. 72.

⁴⁰⁴ Юрганова И. И. Русская православная церковь в Восточной Сибири: от фронта до окраины // Северо-Восточный гуманитарный вестник, – 2022, – № 3. С. 37; Хромых А. С. Проблема «сибирского фронта» в современной российской историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 5. С. 111; Иванова Л. М. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 410. С. 74.

профессиональная) прежде всего необходимо ее осмысление и выражение. Так, роль «осмыслителей» и «выразителей нужд» далекой восточной окраины в определенный период времени взяли на себя сибирские писатели и публицисты, общественные деятели – сперва декабристы, а затем ссыльные народники, письменное наследие которых позволяет исследовать не только социальный контекст, внутри которого происходил процесс формирования региональной идентичности сибирского общества, но и проанализировать, какой отклик эти события находили.

Еще одной важной составляющей социокультурного пространства, по мнению автора настоящей работы, является интеракция. Согласно определению социолингвистического словаря терминов Российской академии наук, под интеракцией понимается социальное взаимодействие индивидов⁴⁰⁵. На территории Сибири этот фактор проявился весьма противоречиво. Дело в том, что социокультурная инкорпорация коренного населения в состав Российской империи подразумевала распространение среди «инородческого» населения как пашенного земледелия, так и православного христианства в целях последующего межэтнического взаимодействия. В этом выражался не только экономический аспект вовлечения народов Сибири в общероссийское пространство Российского государства, но и ментальный, как образно представлено в монографии исследователя Л. М. Дамешека: «... русский крестьянин-земледелец, должен был духовно объединить империю и научить сибирского «инородца» не только пахать, косить, строить дома, но даже молиться, говорить и думать по-русски»⁴⁰⁶. Однако на практике, при изучении архивных материалов – протоколов, делопроизводственных документов, отчетов о проведении тех или иных правительственных мероприятий в регионе, мы сталкиваемся с таким феноменом как перекрестная ассимиляция.

⁴⁰⁵ Словарь социолингвистических терминов. – Москва : Российская академия наук. Институт языкознания. Отв. ред.: д.филологич. н. В. Ю. Михальченко. 2006.

⁴⁰⁶ Дамешек Л. М. Аграрное законодательство самодержавия и народы Сибири в пореформенный период (60-70-е гг. XIX в.) / Л. М. Дамешек // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. / ред. С. Ф. Хроленок. – Иркутск, 1984. – С. 38.

В рамках интеграционного процесса на территории Сибири часто складывалась следующая ситуация: крестьянин-переселенец из Европейской России, призванный на восточные окраины государства не только с колониационной, но и с культуртрегерской миссией, нередко сам подвергался процессам ассимиляции со стороны коренного населения Сибири⁴⁰⁷. Тем не менее, интеграционные мероприятия правительства в регионе, соответствовали реакционному характеру внутренней политики Российского государства, который окончательно оформился к концу XIX в. В этот период все сильнее находили выражение тенденции к хозяйственной, административной и финансовой унификации коренного населения с русским.

Идеологическим элементом политики унификации со стороны правительства послужило всеобъемлющее единение Европейской и Азиатской частей России. Это было связано с тем, что сибирская обособленность, оформившаяся в первой половине XIX в., провоцировала в правительственных кругах определенные опасения, связанные с сепаратистскими настроениями. Однако, эти опасения появились несколько раньше, чем сама идея «особенного положения» региона успела сформироваться в среде представителей общественной мысли. Дело в том, что это время совпало с периодом модернизации, активизации национальных движений на западных окраинах империи, в том числе на Кавказе и в Поволжье. Поэтому для правительства было важно не допустить подобных тенденций на восточных окраинах, где региональное движение находилось на стадии своего становления.

Во второй половине XIX в., в рамках исследования проблем колониальной политики других стран, таких как, например, США и Канада, был поставлен вопрос о правомерности подобной колониальной политики в отношении коренных народов, проживающих на территории Сибири, а также о наличии негативных факторов, влиявших на культуру и быт

⁴⁰⁷ Жигунова М. А. Сибирский ракурс региональной идентичности / М. А. Жигунова, А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова // Национальные приоритеты России. – 2014. – № 2 (12). – С. 51.

«иностранного» населения. Это направление общественного движения получило название «областничество». Томский исследователь Е. П. Ковалешкина в своем труде «Иностранческий вопрос в Сибири...» определяет понятие «областничество» как систему социокультурных взглядов части сибирской интеллигенции⁴⁰⁸. Иркутский исследователь Л. М. Дамешек в своем труде «Сибирь в системе имперского регионализма (1822-1917 гг.)» дает развернутое определение понятию «областничество», следующим образом: «Оно [областничество] представляет собой систему взглядов части местной интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв. на прошлое, настоящее и будущее края как специфической области (территории) в составе Российского государства...»⁴⁰⁹. Сами же идеологи общественно-политического движения – Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин определяли областничество как «местное самосознание», ведущей идеей которого был «местный патриотизм», не имеющий ничего общего с так называемым «областным шовинизмом» и «областным эгоизмом». В свою очередь, Потаниным выдвигалась идея установления «равноправия всех регионов страны между собой и в отношениях их с центром»⁴¹⁰. Что касается отголосков сепаратизма, то здесь уместно привести слова Г. Н. Потанина из письма иркутскому общественному деятелю, писателю-публицисту Н. С. Щукину: «... в России не существует умственной жизни в провинции, <...> провинция – туловище, отправляющее одни животнo-растительные процессы, <...> Сибирь – одна из резко отмежеванных провинций, <...> в ней не было, впрочем, ни одного журнала, который был бы посвящен разработке условий ее политического быта...»⁴¹¹. В поддержку этого суждения, Потанин в

⁴⁰⁸ Ковалешкина Е. П. «Иностранческий вопрос» в Сибири: концепции государственной политики и областническая мысль : монография / Е. П. Ковалешкина ; [науч. ред.: В. П. Зиновьев, Э. Л. Львова]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 151.

⁴⁰⁹ Дамешек Л. М. Избранное в 3 т. / Л. М. Дамешек; – Иркутск : Оттиск, 2018. 2 т. Сибирь в системе имперского регионализма (1822-1917 гг.). – С. 256.

⁴¹⁰ Ковалешкина Е. П. «Иностранческий вопрос» в Сибири... 2005. – С. 153.

⁴¹¹ Потанин Г. Н. Письма Г. Н. Потанина. Т. 1 / [Отв. ред. Н. А. Флоренсов, Ю. П. Козлов]. – Иркутск : Издательство Иркутского университета, 1987. [Электронный ресурс]: URL:

продолжении своего письма высказывался об идее «автономной провинции», которая выражалась в следующем: «... мы хотим жить и развиваться самостоятельно, иметь свои нравы и законы, читать и писать, что нам хочется, а не что прикажут из России, воспитывать детей по своему желанию, по своему собирать налоги и тратить их только на себя же»⁴¹². Также, стоит учесть неоднократные пояснения идеолога областничества, что некий призыв к сепаратизму был поддержан в тактических целях, для дальнейшего воспитания не политического, а, уже упомянутого нами «местного патриотизма», который в свою очередь, являлся отражением осознанной любви к своей малой родине и желанием служить ее интересам. Однако в борьбе с проявлением революционных настроений в Сибири, блюстители порядка, в свою очередь, расценили подобные идеи как прямое намерение отделить Сибирь от России. Деятельность «сибирских областников», вылившаяся в 1860-х гг. в программу «сибирской организации», как отмечал советский исследователь-сибиревед С. Ф. Коваль – автор вступительной статьи к сборнику писем Потанина, была объявлена сепаратистской «с легкой руки царских жандармов»⁴¹³. В своих трудах омский исследователь А. В. Ремнев также обращает внимание на то, что сепаратистские лозунги молодых сибирских активистов были использованы лишь на начальном этапе, далее областники определили вектор своего внимания в сторону регионализма и федерализма⁴¹⁴.

Еще одним фактором, беспокоившим российское правительство, стал вопрос, который во второй половине XIX в. все больше освещался в столичной и региональной прессе и был связан с формированием особой региональной идентичности сибирского общества, противопоставлении его обществу Европейской России. Дело в том, что во второй половине XIX в. в связи с

<http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000084477> (Дата обращения: 12.12.2022 г.) – С. 57.

⁴¹² Там же. С. 59.

⁴¹³ Там же. С. 18.

⁴¹⁴ Ремнев А. В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. / А. В. Ремнев // Полития. – 2011. – № 3 (62). – С. 111.

массовым притоком переселенцев из Центральной части России в Сибирь, регион все более становился «русским краем», и как следствие изменялся его «социальный контекст»⁴¹⁵, ведь Сибирь аккумулировала в себе население весьма пестрое по своему социальному, этноконфессиональному и национальному признаку. Однако случаи противопоставления сибиряков-старожилов переселенцам, недавно прибывшим из Европейской России в Сибирь, все чаще находили свое отражение в оценках сибирской интеллигенции.

Иркутский исследователь А. А. Кружалина в одной из своих работ представила целый ряд комментариев, опубликованных в отечественных газетах и журналах второй половины XIX в., подчеркивающих, например, что «сибиряк (*не «инородец» – К. С.*) многим отличается от жителей Европейской России и что он на всем громадном пространстве Сибири приобрел свою специальную физиономию»⁴¹⁶. Также, интересно рассуждение П. А. Кропоткина на этот счет. Ссылный революционер говорил о том, что со временем прибывшие из центральной части России «мужики» становились чем-то особенным, становились «сибиряками», которые имели особый этнографический тип со своим специфическим языком, и, как отмечал Кропоткин: «особым внешним *habitus*'ом, особым складом ума»⁴¹⁷. О языковых отличиях недавно прибывших и сибиряков-старожилов Кропоткин отмечал, что некоторые слова и выражения, используемые «сибиряками», имели совершенно не тот смысл, которым они обладали в центральной части России⁴¹⁸. Что касается так называемой сибирской «буржуазии», то в виду ее

⁴¹⁵ Психологический словарь / Р. С. Немов. – Москва : ВЛАДОС, 2007. Согласно данным Психологического словаря, «Социальный контекст» – то, что реально окружает человека в социальной группе или в обществе и оказывает на него определенное влияние. В социальный контекст входят также социальные роли, которые берут люди на себя, их интересы и мотивы, оценки, действия и реакции на поведение друг друга.

⁴¹⁶ Кружалина А. А. Особенности формирования сибирской идентичности во второй половине XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. 2017. Т. 21. Серия «История». С. 52.

⁴¹⁷ Кропоткин П. А. 4 января 1863 г., Чита. Письма из Восточной Сибири // Кропоткин П. А. Дневники разных лет / публ. и коммент. А. П. Лебедевой – Москва: Терра, 1992. – С. 288.

⁴¹⁸ Там же. – С. 289.

тесных торговых отношений с предпринимателями из центральной части России, то эта категория, по меткому замечанию А. В. Ремнева: «... постепенно начинала осознавать свою “сибирскость” и сохраняла эту идентификацию даже тогда, когда перебиралась в столичные центры»⁴¹⁹.

Исходя из представленных в статье А. А. Кружалиной, и в работах других авторов, изучавших проблемы региональной идентификации, таких как А. В. Ремнев, М. А. Жигунова, Н. В. Суворова и т.д., вопрос о формировании сибирской идентичности представляется нам весьма сложным и многогранным. Из материалов газет, журналов, переписок и воспоминаний современников событий, в том числе, на которые ссылаются в своих трудах представленные авторы, следует отметить следующее. Крестьянин-переселенец из Европейской России, призванный на восточные окраины государства не только с колонизационной, но и с культуртрегерской миссией, нередко сам подвергался процессам ассимиляции со стороны коренного населения Сибири. Так, попав в среду иноязычного окружения, которое исповедовало иную веру это, по замечанию омского исследователя М. А. Жигуновой: «...нередко становилось серьезной проверкой самих русских на их национальную устойчивость, приверженность к православию...»⁴²⁰.

В конце 1890-х гг., совершая свое путешествие по Лене, П. С. Алексеев отмечал свои наблюдения в путевых заметках: «Среди богатых якутов и обеспеченных тунгусов, русское население тает. Все русское здесь поддается инородческому влиянию – все уже объякутились: занимаются больше скотоводством, нежели хлебопашеством, живут тесно и в разброс; избы все более становятся похожими на юрты. Многие забывают родной язык и говорят между собою в семье по-якутски. Старики, которых я встретил, говорят еще по-русски, но картаво, с каким-то иностранным акцентом; по-русски говорят они только с проезжими. Молодые вовсе не понимают по-русски <...> Теперешние русские по Лене утратили славянский тип; они похожи и на

⁴¹⁹ Ремнев А. В. Национальность «сибиряк»... 2011. – С. 116.

⁴²⁰ Жигунова М. А. Сибирский ракурс региональной идентичности... 2014. – С. 51.

якутов, и на латышей, и на финнов...»⁴²¹. В своем труде «Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области» эти же наблюдения подтверждал этнолог И. И. Майнов, говоря о том, что кроме представителей крестьянского общества, якутский язык предпочитали и выборные власти: «Крестьяне при моих расспросах могли припомнить только троих старост, которые умели говорить по-русски, двое из них при том были несколько грамотны, все остальные объяснялись только по-якутски»⁴²². Схожее явление было и в среде Забайкальских бурят. Помимо этого, в связи с необратимым процессом перекрестной ассимиляции – «обынородчиванием» русского человека, для правительства возникла весьма пугающая ситуация. Как отмечает в своей работе исследователь М. А. Жигунова: «... обрядовая набожность русского населения заменилась чисто языческим суеверием, частью заимствованным от инородцев, частью навеянном на них новой неизвестной до тех пор жизнью»⁴²³.

Таким образом, в этот период времени перед правительством возник закономерный вопрос – как объединить духовную жизнь сибирской окраины и центральных губерний. Это положение было связано с совокупностью факторов: сложившийся со временем религиозное безразличие сибирских старожилов, пестрый этноконфессиональный состав населения, удаленность от центра и невозможность всецело контролировать ситуацию в регионе. В правительственных кругах стала активно поддерживаться идея о принятии срочных мер по сближению Сибири с Россией. Также, центральная власть осознавала опасность того положения, что уже достаточно длительный период времени на столь огромной по своему размеру периферийной территории существует специфическое административное единство. В борьбе с опасными для целостности государства тенденциями, действующий Иркутский генерал-

⁴²¹ Алексеев П. С. Вверх по Лене в почтовой лодке: путевые заметки // Вестник Европы – 1898. – Т. 2. – Кн. 6. – 746 [Электронный ресурс]: <https://www.prlib.ru/item/323517> (Дата обращения: 15.01.2023).

⁴²² Майнов И. И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области / И. И. Майнов. – Санкт-Петербург : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. – С. 56.

⁴²³ Жигунова М. А. Сибирский ракурс региональной идентичности... 2014. – С. 52.

губернатор А. Д. Горемыкин, как отмечается в совместном труде Л. М. Дамешека и А. В. Ремнева: «... выискивал и вычеркивал в газетных статьях слова “Сибирь и Россия”, заменяя их словами “Сибирь и Европейская Россия”, вместо “сибиряки” требовал писать “уроженцы Сибири”»⁴²⁴. Далее лозунг «единой и неделимой России» в отношении окраинной политики государства был поддержан П. А. Столыпиным на выступлении в Государственной Думе 31 марта 1908 г. в рамках обсуждения строительства Амурской железной дороги.

Конфессиональная политика государства являлась составной частью окраинной политики. И если «Устав об управлении инородцев» 1822 г. предписывал соблюдение принципов веротерпимости (п. 53-56), а принятие православного христианства «инородцами» не возбранялось, но и не давало никаких преимуществ⁴²⁵, то к концу XIX в. характер религиозной политики существенно изменился – шел процесс активного распространения православия среди коренного населения. Это было связано как с определенной спецификой задач и проблем, которые возникли перед правительством на данном этапе, так и с позицией самого священства, которое весьма ревностно относилось к распространению христианства в среде коренного населения. И в этой связи, можно заключить, что церковь и государство в этом отношении действовали с единой позиции. На миссионерских съездах во второй половине XIX в. рассматривались вопросы о том, как наиболее эффективно распространить идеи православного христианства на территории проживания коренного населения. Церковь полностью соглашалась с мнением и стремлением правительства к переводу кочевого населения на оседлость. В научной литературе в этой связи отмечается, что с принятием христианства «инородец» переходил к оседлому образу жизни, что само собой было вполне естественно и логично – проживать вблизи своего прихода. Освободившиеся

⁴²⁴ Сибирь в составе Российской империи. / Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. – Москва: Новое литературное обозрение, 2007. – С. 33.

⁴²⁵ ПСЗРИ : Т. 38. № 29126. С. 394-407.

в ходе поземельных работ участки земель планировалось заселять преимущественно русским православным крестьянством для более интенсивной культурной ассимиляции коренного населения.

Одной из специфических особенностей конфессиональной политики государства во второй половине XIX в. явилась практика богослужения на языках «иностранческого» населения. Кроме этого, большие усилия были направлены на перевод и издание религиозной литературы и агитационных брошюр. Этому центральная власть придавала особое значение, так как понимала важность закрепления подданнических отношений. Как отмечает якутский исследователь И. И. Юрганова, одной из главных задач церкви являлось укоренение православных традиций в среде коренного населения. Цель этого процесса, как отмечает автор, заключалась в формировании мировоззрения местных этносов как подданных империи⁴²⁶. В своем Всеподданнейшем отчете за 1887-1889 гг. действующий генерал-губернатор граф А. П. Игнатьев в отношении распространения православия отмечал, что «... прежде всего следует всемерно способствовать полному слиянию бурят с остальным русским населением, иначе говоря обрусению их, что, в свою очередь, несомненно поведет и к успехам в деле миссионерской проповеди», ибо «... крестившийся, по понятиям бурят, делается «русским» и именование «братским» становится для него, некоторым образом, оскорбительным»⁴²⁷. Так, выполняя роль главного идеологического института, Русская православная церковь стремилась распространить свое влияние на основные процессы жизнедеятельности коренных народов Сибири.

Как уже упоминалось ранее, «Устав об управлении иностранцев» 1822 г. не предполагал каких-либо преимуществ при принятии православного христианства. Однако практика религиозной политики второй половины XIX в. существенно отошла от этого принципа. Например, с принятием

⁴²⁶ Юрганова И. И. Русская православная церковь в Восточной Сибири: от фронта до окраины // Северо-Восточный гуманитарный вестник, – 2022, – № 3. С. 35.

⁴²⁷ ГАИО. Ф. 25. ОЦ. Д. 563. Л. 23.

православия «инородцы» получали освобождение от уплаты ясака и некоторых других повинностей, получали возможность обучаться. Для «инородцев», желающих получить образование главным критерием при поступлении в семинарии, гимназии или училища Иркутской губернии было наличие православного вероисповедания: «Всем детям, желающим учиться, предлагали креститься. Ситуация не изменилась даже после выхода Манифеста о свободе вероисповедания» в 1905 г.⁴²⁸. Для многих бедняков крещение, рассматривалась как легкая возможность получить, хотя и на короткий срок, материальную поддержку в виде одежды, продуктов и небольших «подарков» (крестики, иконы, ичиги).

Представители бурятской элиты, принимая православие, помимо освобождения от уплаты ясака преследовали несколько иные цели, такие как, получение званий, должностей, земель, продвижение по карьерной лестнице. Изначально, принятие православной веры для «инородцев», занимающих посты в управлении Степной думы, было добровольным, однако со временем крещение стало обязательным условием при получении или продлении полномочий должностного лица. В целом, период второй половины XIX – начала XX вв. можно отметить, как период массового крещения коренного населения при содействии родоначальников. Кроме этого, значительно возросло количество православных монастырей, церквей, миссионерских станом и церковно-приходских школ. Согласно подсчетам исследователя Л. М. Дамешека, если в 1840 г. в Сибири свою работу вели всего 5 епархий, то к началу XX в. их число возросло до 11; больше всего церквей было в Иркутской епархии, затем по количественному соотношению шли Енисейская, Томская, Тобольская, Якутская епархии⁴²⁹.

Принятие православия к концу XIX в. являлось обязательным условием для получения или для продления работы в административной должности.

⁴²⁸ Нанзатов Б. З. Буряты в зоне влияния православной церкви в XIX в. – начале XX в.: трансформация идентичностей / Б. З. Нанзатов // Вестник КИГИ РАН. – 2017. – № 5 (33). – С. 105.

⁴²⁹ Дамешек Л. М. Избранное... Т. 2. – С. 335; Там же. Т. 1. – С. 455.

Однако нередко были случаи, когда в родовых управлениях на территории Иркутской губернии должности занимали лица шаманского вероисповедания. Согласно материалам общественных приговоров и донесений Иркутскому губернатору, причина заключалась в следующем: «... избрать на эту должность лицо православного вероисповедания не представилось возможным, так как из православных некоторые уже относили свои очереди, а другие не только не грамотны, но даже не знают русского разговорного языка»⁴³⁰. Кроме этого, согласно материалам ГАИО, к периоду 1897-1899 гг. в количественном соотношении должностных лиц, исповедовавших православие и, должностных лиц «шаманского» вероисповедания, сложилась следующая ситуация. На территории 12 действующих Инородных управ, расположенных в Иркутской губернии, 9 из более, чем 30 служащих, занимающих административные должности, относили себя к православному вероисповеданию, остальные – исповедовали шаманизм. Сведения по вероисповеданию и уровню образования штата «инородческих начальников» ведомств Иркутской губернии и Забайкальской области представлен в Таблицах 27 и 28.

Таблица 27

Сведения по вероисповеданию и уровню образования служащих
Инородных управ Иркутской губернии в конце 1890-х гг.

№	Ведомство	Родовое управление	Должность	Вероисповедание	Уровень образования
1	Абаганатская Инородная управа		голова	шаманское	грамотен
2		1-й Абаганатский род	родовой староста	шаманское	грамотен
3		3-й Абаганатский род	родовой староста	шаманское	разговаривает по-русски
4	Ангинская Инородная управа	2-й Буровский род	родовой староста	шаманское	разговаривает по-русски
5		3-й Буровский род	родовой староста	православное	грамотен

⁴³⁰ ГАИО. Ф. 32. Оп. 14. Д. 35. Л. 45.

6	Верхнекудинская Инородная управа	1-й Буровский род	помощник старосты	шаманское	разговаривает по-русски
7	Еланцинская Инородная управа	2-й Чернорудский род	помощник старосты	шаманское	разговаривает по-русски
8		3-й Чернорудский род	родовой староста	православное	разговаривает по-русски
9	Кудинская Инородная управа	4-й Харанутский род	родовой староста	шаманское	разговаривает по-русски
10		4-й Харанутский род	помощник старосты	шаманское	разговаривает по-русски
11		4-й Харанутский род	помощник старосты	шаманское	разговаривает по-русски
12		2-й Ашехабатский род	родовой староста	шаманское	разговаривает по-русски
13		4-й Бабаевский род	родовой староста	шаманское	разговаривает по-русски
14		1-й Харанутский род	родовой староста	шаманское	грамотен
15		3-й Харанутский род	родовой староста	шаманское	грамотен
16	Кутульская Инородная управа	6-й Чернорудский род	помощник старосты	шаманское	разговаривает по-русски
17		1-й Абызаевский род	родовой староста	православное	разговаривает по-русски
18	Кырменская Инородная управа (с 1909 г.)		голова	православное	грамотен
19	Ленская Инородная управа	Кырменского рода (до 1909 г.)	родовой староста	шаманское	грамотен
20	Усть-Ординская Инородная управа	Курумчинский род	родовой староста	шаманское	грамотен
21		Курумчинский род	помощник старосты	шаманское	разговаривает по-русски
22	Торская Инородная управа	Тыртеевский род	родовой староста	шаманское	грамотен
23	Унгинская Инородная управа	Онгоевский род	помощник старосты	шаманское	разговаривает по-русски
24	Харибятская Инородная управа		голова	православное	грамотен

25		Тыртеевский род (с 1915 г.) ⁴³¹	родовой староста	православног о	разговаривае т по-русски
26		Тыртеевский род (с 1915 г.)	помощник старосты	шаманского	разговаривае т по-русски
27		1-й Хойготский род	родовой староста	шаманского	разговаривае т по-русски
28		2-й Хойготский род	родовой староста	шаманского	разговаривае т по-русски
29		2-й Хойготский род	помощник старосты	православног о	разговаривае т по-русски
30		1-й Куркутский род	родовой староста	православног о	разговаривае т по-русски
31		1-й Хонгодорский род	родовой староста	православног о	разговаривае т по-русски

Таблица составлена на основании делопроизводственных документов управления Канцелярии Иркутского генерал-губернатора, представленных в фондах ГАИО⁴³².

Иная ситуация сложилась к концу 1890-х гг. в административной структуре на территории Забайкальского края, а именно в ведомствах Балаганской, Ольхонской и Селенгинской Степных дум. Согласно материалам формулярных и послужных списков, хранящихся в фондах ГАРБ, все представители указанных родовых управлений являлись последователями «ламайского» вероисповедания.

Таблица 28

Сведения по вероисповеданию и уровню образования служащих ведомств Балаганской, Ольхонской, Селенгинской Степных дум Забайкальской области в конце 1890-х гг.

№	Ведомство	Родовое управление	Должность	Вероисповедание	Уровень образования
1	Балаганская Степная дума	Тыретский род	родовой голова	ламайского	Грамотен по-монгольски
2		Ченоевский род	родовой голова	ламайского	Грамотен по- русски и по-монгольски
3		1-й Чендылдуурский род	родовой голова	ламайского	Грамотен по- русски и по-монгольски

⁴³¹ История органов местного самоуправления у бурят... С. 278.

⁴³² ГАИО. Ф. 32. Оп. 14. Д. 35. ЛЛ. 1-212.

4		2-й Чендылтурский род	родовой голова	ламайского	Грамотен по-русски и по-монгольски
		2-й Чендылтурский род	помощник головы	ламайского	Грамотен по-русски и по-монгольски
5		Баяндаевский род	родовой голова	ламайского	Грамотен по-русски и по-монгольски
6		Баяндаевский род	помощник головы	ламайского	Грамотен по-русски и по-монгольски
7		Баяндаевский род	помощник головы	ламайского	Грамотен по-монгольски
8		Баяндаевский род	помощник головы	ламайского	Грамотен по-монгольски
10		Ченоевского рода	помощник головы	ламайского	Грамотен по-русски и по-монгольски
11		Ченоевского рода	помощник головы	ламайского	Грамотен по-монгольски
		Ченоевского рода	помощник головы	ламайского	Грамотен по-монгольски
12		Ченоевского рода	помощник головы	ламайского	Грамотен по-русски и по-монгольски
13		1-го Чендылтурского рода	родовой голова	ламайского	Грамотен по-монгольски
14		2-го Чендылтурского рода	родовой голова	ламайского	Грамотен по-русски и по-монгольски
15		Баяндаевского Рода	родовой голова	ламайского	Грамотен по-монгольски
16		Ченоевского рода	родовой голова	ламайского	Грамотен по-русски и по-монгольски
17	Ольхонская Степная дума	1-го Чернорудского рода	бывший староста	ламайского	Грамотен по-монгольски
18		1-го Чернорудского рода	староста	ламайского	Грамотен по-монгольски
19		1-го Чернорудского рода, Чернорудского десятка	староста	ламайского	Грамотен по-монгольски
20		1-го Чернорудского рода	помощник старосты	ламайского	Грамотен по-монгольски
21	Селенгинская Степная дума	Чикойско-харанутского род	голова	ламайского	Грамотен по-монгольски
22		Аракиретского десятка	староста	ламайского	Грамотен по-монгольски

		Ашебагатского рода			
		Ашебагатского рода	помощник головы	ламайского	Грамотен по-монгольски
23		Аракиретского десятка Ашебагатского рода	бывший староста	ламайского	Грамотен по-монгольски
24		Ашебагатского рода	Бывший помощник головы	ламайского	Грамотен по-монгольски
25		Ашебагатского рода Торминского десятка	бывший староста	ламайского	Грамотен по-монгольски
26		Ашебагатского рода Торминского десятка	староста	ламайского	Грамотен по-монгольски
27		Ичетинского десятка 1-го Сартолова рода	староста	ламайского	Грамотен по-монгольски
28		1-го Сартолова рода	голова	ламайского	Грамотен по-монгольски
29		Галзутского рода	родовой голова	ламайского	Грамотен по-русски и по-монгольски
30		Галзутского рода	помощник головы	ламайского	Грамотен по-русски и по-монгольски
31		Галзутского рода	родовой голова	ламайского	Грамотен по-монгольски

Таблица составлена на основании формулярных и послужных списков родоначальников Забайкальской области, представленных в фондах ГАРБ⁴³³.

Таким образом, несмотря на стремление российского правительства увеличить участие должностных лиц православного вероисповедания в работе местного административного аппарата на территории Юго-Восточной Сибири, этого добиться не удалось. Такое положение было связано со специфическими территориально-географическими и социально-экономическими условиями региона. В свою очередь, в Забайкалье позиция буддизма была весьма прочна. Здесь конфессиональная политика сдерживалась в том числе и геополитическим фактором; необходимо было

⁴³³ ГАРБ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2211. Л. 8-43; Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2558. Л. 3-22; Ф. 7. Оп. 1. Д. 2394. Л. 11-22.

соблюдать осторожность в граничащем с Цинской империей регионе. Тем не менее, энергичная окрестительная деятельность православных священнослужителей и миссионеров, заставляла обратить на себя внимание, что неоднократно являлось причиной этноконфессиональных конфликтов не только на территории Забайкальского края, но и на территории Иркутской губернии вплоть до начала XX в. Свою миссионерскую задачу Православная церковь видела, как обеспечение присутствия российского государства на окраинных территориях. В процессе достижения этой цели размывались и фронтальные рубежи – на окраине шел процесс выстраивания нового «однородного» общества. Также стоит отметить, что деятельность по привлечению «инородцев» к христианству зависела не только от внутренней политики государства, но и от финансирования. Так, в начале XX в. можно заметить, снижение эффективности по привлечению коренного населения к православию. Это было связано как с выходом Манифеста о веротерпимости в 1905 г., так и с отменой материальной поддержки при крещении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос о разработке административных преобразований и распространении их на территорию Сибири – пространства, где проживали аборигенные племена, существенно отличавшееся по своему политическому, социально-экономическому и социокультурному уровню, являлся одним из сложнейших и вместе с этим одним из главных вопросов окраинной политики Российского государства. Несмотря на то, что на определенных промежутках времени этому процессу придавался разный оттенок характера – от «завоевания» до «добровольного вступления в состав России», с уверенностью можно констатировать, что через изучение окраинной политики и связанных с этим административных преобразований, мы можем изучить, проанализировать и сделать ряд выводов в исследовании национальной политики Российской империи. В целом, стоит отметить, что одним из важнейших признаков государства являются система административно-территориального устройства и методы трансляции государственной власти. Отдельные составляющие этой системы взаимосвязаны и призваны органично дополнять друг друга, таким образом выстраивая вертикаль государственной власти. На протяжении длительного времени, с учетом подвижности этой системы, на которую в той или иной степени способны влиять как внешние, так и внутренние факторы, вся совокупность этой системы, включая государственные органы и органы самоуправления, направлена на постоянное устойчивое развитие, которое, в свою очередь, диктуется современными реалиями. Процесс разработки грамотной административной политики особенно важен для полиэтничных и поликонфессиональных государств.

С расширением империи на Восток происходило переосмысление прежде всего географических и ментальных образов России с ее огромной и отличной от европейской культуры Азиатской частью. В этом длительном и противоречивом процессе не малая доля внимания уделялась этническому фактору, послужившему основанием к формированию единства территорий и народов, на них проживающих. Наличие этнического фактора сформировало

необходимость принятия гибкой и поливариативной модели управления сибирским регионом. Однако стоит учесть, что на протяжении XVIII – начала XX вв. характер окраинной политики менялся в зависимости от внутриполитического курса правительства. В отношении коренного населения Сибири политика российского правительства претерпела большую качественную трансформацию от становления патерналистских традиций в XVIII в. до унификации управления коренного населения с русским к концу XIX в., что отвечало на актуальный запрос государства – окончательно интегрировать регион в общероссийское пространство.

Эти изменения условно можно разделить на три периода. Первый из них пришелся на XVIII – начало XIX вв. и был связан с процессом формирования административной структуры в регионе, в частности, системы органов управления коренным населением Сибири. Начало этого этапа характеризовалось становлением патерналистских позиций в отношении региона, отражавших прежде всего экономическую заинтересованность российского правительства. На данном этапе роль и место коренного населения в общероссийском пространстве только начинали определяться. Для этого процесса характерен постепенный переход от «ясачных иноземцев» к «верноподданным иноверцам», что свидетельствует о включении коренного населения в налоговую систему государства – на содержание «своего» государства, как подданных. К концу XVIII столетия на территории Восточной Сибири сложилась достаточно устойчивая система взаимоотношений администрации и коренного населения; появились особые органы самоуправления – Степные конторы. Задача российского правительства в этот период заключалась в защите своих экономических интересов, поэтому организация управления регионом выстраивалась с учетом местных особенностей и уровнем социокультурного развития населения. Административная структура на данном этапе только получала свое становление на территории восточной окраины, изыскивала свои уникальные формы и инструменты управления.

Начало второго периода берет отсчет с выхода в свет «Устава об управлении инородцев» в 1822 г., разработанного М. М. Сперанским до конца 1880-х гг., когда разрабатывались и обсуждались проекты по пересмотру существовавшего «Сибирского уложения». Здесь справедливо отметить, что «верноподданные иноверцы» в ходе инкорпорации их в административное пространство Российского государства обретают юридический статус «инородцев». Положения «Устава» в отношении «инородцев» были выдержаны в концепции политики регионализма, а сам «Устав» для своего времени являлся весьма прогрессивным законодательным актом, регламентировавшим гражданские права и обязанности «инородческого» населения Сибири и их взаимоотношения с центральной властью. На этом этапе Степные конторы, были заменены Степными думами, которым в свою очередь подчинялись инородческие управы и родовые правления. Коренное население Сибири было разделено на три разряда: оседлые, кочевые и бродячие; каждая из категорий входила в ведение той или иной ступени управления. Так же, в этот период, стал формироваться корпус чиновничества из среды коренного населения, в последствии принявший активное участие в развитии преобразований в регионе. Уже к середине XIX в., главные положения «Устава» составляли для правительства определенные трудности при попытке обновления законодательства в сибирском регионе. Все это было связано с наметившейся во второй половине XIX в. тенденцией перехода от деконцентрации власти на местах к полной к централизации управления и установлению единой административной структуры.

Третий период трансформационных процессов в региональной административной политике обозначен выходом «Программы деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. и приблизительно на 10 лет». Автором документа генерал-губернатором Иркутской губернии А. П. Игнатьевым были изложены основные направления будущих преобразований в управлении Сибири, направленные на процесс полной унификации

управления коренного населения с русским. В этот период был принят ряд законопроектов, направленных на ликвидацию старого административно-территориального устройства, в частности трехуровневой системы управления, а также упразднения поразрядной системы разделения населения. Вместе с решением вопроса об учреждении новых органов управления и установления единой для все России волостной организацией, шел сложный процесс межевания земель. С последним было связано стремление правительства сформировать земельный фонд с целью реализации переселенческой политики. За счет переселения правительство стремилось улучшить положение малоземельных крестьян внутренних губерний, что явно отражало обострившуюся ситуацию в условиях аграрного кризиса центральной части страны. Последующие крупные правительственные мероприятия и узаконения в полной мере были направлены на юридическое разграничение земельного пространства и установления единой административной структуры. И если на начальном этапе реализации аграрной реформы правительство учитывало интересы «инородцев», приостанавливая землеустроительные работы, исследуя экономическое состояние коренного населения и его готовность или причины неготовности к переходу на оседлый образ жизни, то в обострившихся условиях Первой русской революции интересы коренного населения сильно уступили место колониационной политике государства. В результате в первые десятилетия XX в., преобразования в регионе приняли форсированный характер. Усиленная интеграция региона в общероссийское административно-правовое, экономическое и социокультурное пространство спровоцировало волну противостояния со стороны коренного населения. Это противостояние выливалось в акты неподчинения населения администрации, зачастую принимая насильственный характер как со стороны сибирских жителей, так и со стороны представителей государственной власти.

В региональных административных структурах в этот период также шла серьезная борьба внутри «инородческой» аристократии – между

сторонниками, поддерживаемых правительством, и противниками преобразований. Со стороны центральной администрации в ход шел весь спектр инструментов давления для достижения поставленной цели: от материального поощрения до наложения санкций и арестов. Административная верхушка, по сути, та родовая знать, которую российское правительство некогда наделило функциями «транслятора» генеральной политической линии центральной власти, оказалась в заложниках, поскольку указанные выше инструменты давления, в первую очередь, были направлены на нее – традиционную опору государства в отношении окраинной политики. В результате, некоторые из высокопоставленных лиц бурятского общества были вынуждены отказаться от активной борьбы против волостной реформы. Другие же, не без давления властей, стали поддерживать политический курс российского правительства, убеждая бурятское население отказаться от сопротивления и принять проводимые преобразования. Нарастание и в последствии обострение социальных противоречий в обществе коренного населения и в отношениях последних с местной администрацией, отражались в общей картине социально-экономического и политического кризиса Российской империи.

Итог столь длительного и противоречивого процесса присоединения сибирской территории заключался в том, что к 1917 г. коренное население Сибири были приравнены к русским крестьянам на всех уровнях. Это являлось результатом многолетнего стремления государства к оформлению единого политического, экономического и социокультурного пространства. С приходом Советской власти сословие «иностранцев» юридически перестало существовать, а политические тенденции в регионе стали выстраиваться в этот период абсолютно по иному сценарию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Опубликованные источники

A. Законодательные и нормативно-правовые акты

1. Временное положение о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание третье : с 1 марта 1881 до конца 1913. – Санкт Петербург : Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Величества канцелярии, 1830. – 48 т.: указ. Т. 18, № 15503.
2. Высочайше утвержденное Временное Положение об устройстве общественного управления и суде кочевых инородцев Забайкальской области // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание третье : с 1 марта 1881 до конца 1913. – Санкт Петербург : Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Величества канцелярии, 1830. – 48 т.: указ. Т. 21, ч. 1, № 19984.
3. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета о главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание третье : с 1 марта 1881 до конца 1913. – Санкт Петербург : Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Величества канцелярии, 1830. – 48 т.: указ. Т. 16, № 12998.
4. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета об утверждении границ земель, отводимых в надел... // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание третье : с 1 марта 1881 до конца 1913. – Санкт Петербург : Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Величества канцелярии, 1830. – 48 т.: указ. Т. 21, ч. 1, № 20125.
5. Высочайше утвержденные Правила о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ... // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание третье : с 1 марта 1881 до конца 1913. – Санкт Петербург : Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Величества канцелярии, 1830. – 48 т.: указ. Т.18, ч. 1, № 15539.
6. Высочайше утвержденный Устав – об управлении инородцев // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. – Санкт Петербург : Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Величества канцелярии, 1830. – 48 т.: указ. Т. 38, № 29126.
7. Высочайшее повеление о присвоении волостям, обществам и должностным лицам кочевых инородцев Забайкальской области особых наименований... Крестьянских и инородческих начальников // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание третье : с 1 марта 1881 до конца 1913. – Санкт Петербург : Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Величества канцелярии, 1830. – 48 т.: указ. Т. 23, № 23320.

8. Именной Указ о населении Сибирского края... // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. – Санкт Петербург : Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Величества канцелярии, 1830. – 48 т.: указ. Т. 25. № 19157.
9. Положение о Земских участковых начальниках // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание третье : с 1 марта 1881 до конца 1913. – Санкт Петербург : Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Величества канцелярии, 1830. – 48 т.: указ. Т. 9, № 6196.

Б. Сборники документов

10. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. – Москва : Тип. В. В. Исленьева, 1890. – Т. 2 : Иркутская губерния, вып. 2 : Округи: Иркутский, Балаганский и Нижнеудинский, гл. 3-5. – 320 с. [С. 7].
11. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. – Москва : Тип. В. В. Исленьева, 1890. – Т. 2 : Иркутская губерния, вып. 3 : Округи: Иркутский, Балаганский и Нижнеудинский, гл. 6-8. – 295 с.
12. Минусинские и ачинские инородцы : материалы для изучения / А. А. Кузнецова, П. Е. Кулаков. – Красноярск : Тип. Енис. губерн. упр., 1897. – 298 с.
13. План работ переселенческого управления на 1908 г. – Санкт-Петербург, 1908.
14. Сибирские окраины : областные установления, связанные с сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства : прил. / С. М. Прутченко. – Санкт-Петербург : Изд-во А. С. Суворина, 1899. – 532 с.
15. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирию. – Иркутск : Тип. Штаба Вост. Сиб. воен. Округа, 1884. – Т. 1 : Всеподданнейшие отчеты Генерал-Губернатора, Командующего войсками Восточного Сибирского военного округа и бумаги по общим вопросам управления гражданского и военного, вып. 1 : Всеподданнейшие отчеты Генерал-Губернатора за время с 1879 по 1882 г. и бумаги по общим вопросам управления гражданского. – 368 с.
16. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032-1882 гг. / сост. И. В. Щеглов ; под ред. В. И. Вагина. – Иркутск : Тип. Штаба Вост. Сиб. воен. округа, 1883. – 779 с.

В. Периодические издания

17. Вестник Европы, 1898. Т. 2. Кн. 6.
18. Отечественные записки. 1858. № 3-5.

19. Журнал Министерства народного просвещения. 1875. № 3 (март).
20. Сибирские вопросы. – 1906. – № 2.

II. Неопубликованные источники

А. Государственный архив Иркутской области (ГАИО)

Ф. 25 – Канцелярия Иркутского генерал-губернатора Министерства внутренних дел Российской империи, г. Иркутск Иркутской губернии 1887 - 1917 гг.

Оп. 9. Т. 1. Содержит копии циркуляров Министерства внутренних дел, сведения о разделении, образовании новых волостей, о причислении, перечислении переселенческих участков в состав волостей, планы, отчеты о работе переселенческих управлений Иркутской, Енисейской губерний (1911-1915 гг.), Енисейского и Иркутского поземельно-устроительных отрядов (1902-1904 гг.), планы землеустроительных работ. А также, ведомости, сведения о поземельном устройстве сельского населения Иркутской и Енисейской губерний (1898-1902 гг.) – 19 дел.

Оп. 12. Т. 1, Т. 2. Содержат копии циркуляров Министерств внутренних дел, решения, сведения, переписка об упразднении степных дум, разделении инородческих ведомств на инородческие управы, утверждении инородческих начальников в должностях и их увольнении. Жалобы инородцев на деятельность инородческих должностных лиц – 10 дел.

Оп. 24. Содержит Всеподданнейшие отчеты Иркутского генерал-губернатора (1889- 1892 гг.), Приамурского генерал-губернатора (1886–1891 гг.). Отчеты о деятельности Иркутского и Якутского губернаторов (1891 г.). Сведения об упразднении в Иркутской и Енисейской губерниях степных дум с учреждением вместо них инородных управ, об образовании отдельных сельских обществ – 1 дело.

Оп. 27. Содержит отчеты Енисейского, Иркутского, Якутского губернатора и обзоры губерний и области (1893-1894 гг.). Журналы общего

присутствия Иркутского губернского управления. Сведения об образовании в Иркутском генерал-губернаторстве управлений государственными имуществами; об изменении границ участков крестьянских начальников. Отчеты, обзоры деятельности Забайкальского областного (1894 г.), Красноярского (1893-1896 гг.) переселенческих комитетов. Отчеты, рапорты, ведомости, статистические сведения, переписка о деятельности переселенческих пунктов – 18 дел.

Оп. 28. Содержит копии журналов общего присутствия Енисейского губернского управления (1912 г.), а также доклад Иркутского военного генерал-губернатора о порядке управления инородцами (1901 г.), переписка об образовании отдельных инородческих обществ – 2 дела.

Ф. 32. Иркутское губернское управление канцелярии Иркутского генерал-губернатора, г. Иркутск Иркутской губернии 1822 - 1917 гг.

Оп. 4.

21. Д. 216. Отчет по ревизии Крестьянских начальников 1-го участка Верхоленского уезда – 177 л.

22. Д. 303. Со сведениями о современном положении общественного и земельного устройства инородцев Иркутской губернии.

Оп. 14.

23. Д. 35. Об утверждении инородческих начальников – 254 л.

Ф. 171. Заведующий землеустройством и переселением в Иркутской губернии Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, г. Иркутск Иркутской губернии (1896-1917 гг.)

24. Оп. 1. Д. 7. По представлению сведений и заключений по поземельному устройству инородцев – 211 л.

25. Оп. 1. Д. 221. Смета, план работ и выполнение последнего по образованию участков и землеустройству бурят Иркутской губернии в 1911 г. общему землеустройству и построению основных сетей в 1911 г.

Ф. 715. Аларская Степная дума (1851-1888) – 25 дел

Ф. 717. Балаганская Степная дума (1851-1888) – 2 дела

Ф. 223. Верховенская Степная дума (1821-1883) – 5 дел

Ф. 237. Идинская Степная дума (1857) – 1 дело

Ф. 224. Родоначальник 11 аларских родов Аларского бурятского ведомства Иркутской губернии (1867-1869) – 1 дело

Ф. 534. Контора главного тайши Балаганского ведомства (1775-1803) – 5 дел

Ф. 151. Ленская инородная управа (1837-1916) – 847 дел.

Б. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ)

Ф. 1. – Кудинская Степная дума

Оп. 1. Т. 3.

26. Д. 3081. Сведения о членах родовых управлений – 83 л.

27. Д. 3163. Дело об определении должностных лиц степной думы и родовых управлений – 85 л.

28. Д. 3315. Сведения об определении и увольнении должностных лиц степной думы и родовых управлений – 58 л.

29. Д. 3316. Сведения о членах родовых управлений – 18 л.

30. Д. 3323. Дело о доставлении сведений о подсудности членов родовых управлений – 29 л.

Оп. 2.

31.Д. 3711. Сведения об определении и увольнении должностных лиц степной думы и родовых управлений ведомства – 52 л.

Ф. 2 – Селенгинская Степная дума

Оп. 2. Т. 9.

32.Д. 1846. Дело о выборе главного тайши – 55 л.

33.Д. 1848. Сведения об увольнении и выборе новых должностных лиц по ведомству – 174 л.

34.Д. 1991. Общ приговоры о выборах должностных лиц – 74 л.

35.Д. 1992. Дело об увольнении и выборе новых должностных лиц по ведомству – 137 л.

36.Д. 2025. Дело о приводе к присяге всех инородцев ведомства – 26 л.

37.Д. 2026. Дело о награждении инородцев за усердие в службе – 6 л.

38.Д. 2171. Дело о представлении к наградам должностных лиц ведомства – 43 л.

39.Д. 2173. Сведения об увольнении и выборе новых должностных лиц по ведомству – 74 л.

40.Д. 2211. Формулярные списки должностных лиц для предоставления к награде – 27 л.

41.Д. 2355. Дело об адм-х взысканиях с должностных лиц и прочих – 27 л.

42.Д. 2405. Дело об изъявлении оседлыми инородцами желаня принять новую реф волостного управления – 23 л.

Ф. 5. – Кударинская Степная дума

Оп. 1. Т. 1.

43.Д. 1144. Предписания Селенгинского Окружного начальника (СОН) о выборах тайши, заседателей, письмоводителей – 28 л.

44.Д. 1210. Сведения о выборе должностных лиц – 19 л.

Оп. 2. Т 2.

45.Д. 1144. Предписания Селенгинского Окружного начальника (СОН) о выборах тайши, заседателей, письмоводителей – 28 л.

46.Д. 359. Сведения о выборе должностных лиц и найме письмоводителя – 38 л.

47.Д. 392. Общественные приговоры о выборах старшин по Кударинской степной думе – 42 л.

48.Д. 397. Общественные приговоры о выборах старшин по кударинск степной думе – 45 л.

Оп. 2.

49.Д. 392. Общественные приговоры о выборах старшин – 42 л.

Ф. 7. – Баргузинская Степная дума

Оп. 1. Т. 4.

50.Д. 2537. Дело о выборах и увольнении членов думы и родоначальников – 152 л.

51.Д. 2558. Дело о выборах и увольнении членов думы и родоначальников – 159 л.

52.Д. 2618. Дело о выборах и увольнении членов думы и родоначальников – 138 л.

53.Д. 2658. Годовой отчет думы за 1902 – 82 л.

Ф. 32. – Баргузинское инородческое волостное правление, г. Баргузин Баргузинского уезда Забайкальской области (1904-1917)

Оп. 1.

54.Д. 49. Послужные списки должностных лиц волостного правления, прошения о приеме и увольнении о прибавке жалованья – 160 л.

55.Д. 276. Дело о выборах и назначении должностных лиц по волости (не рестравр., неуд. сост.) – 394 л.

Ф. 73. – Крестьянский начальник 3-го участка Баргузинского уезда Забайкальской области, г. Баргузин, 1902-1917 гг. (за 1891-1917 гг.)

Оп. 1.

56.Д. 2. Донесение Военному губернатору Забайкальской области о результатах выборов в инородческие управления за 1902- 1903 годы – 12 л.

57.Д. 30. Книга постановления и приговоров Мухоршибирского крестьянского и инородческого начальника 3-го участка Баргузинского уезда – 59 л.

58.Д. 33. Статистические сведения о состоянии Барун-Харгатской волости за 1912 г. – 38 л.

59.Д. 73. Постановление начальника 3-го участка Баргузинского уезда об избрании крестьянина Горюнова Хонхойским волостным старшиной – 10 л.

60.Д. 150. Список должностных лиц волостных правлений за 1915 год – 263 л.

61.Д. 160. Общественные приговоры сельских сходов – 107 л.

Оп. 2.

62.Д. 2. Документы (предписания, инструкции) о землеустройстве крестьян и инородцев Баргузинского уезда – 39 л.

Ф. 77. – Крестьянский и инородческий начальник 4-го участка Верхнеудинского уезда Забайкальской области, 1898-1916 гг.

Оп. 1.

63.Д. 34. Документы о выборах должностных лиц в волостные правления и сельские управления – 100 л.

64.Д. 52. Документы по землеустроительным вопросам – 29 л.

65.Д. 60. Циркуляры вышестоящих органов о правилах проведения инородческих и крестьянских выборов в Государственную думу, заготовлении знаков отличия должностным лицам – 112 л.

66.Д. 77. Приговоры сельских сходов о выборах должностных лиц – 117 л.

67.Д. 88. Приговоры сельских сходов о выборах должностных лиц – 130 л.

68.Д. 98. Отчеты по ревизии деятельности волостных правлений и судов 4 участка Верхнеудинского уезда за 1910 г. – 15 л.

69.Д. 126. Документы о растратах общественных денег должностными лицами – 10 л.

70.Д. 141. Приговоры сельских сходов о растратах общественных денег должностными лицами – 37 л.

Ф. 78. – Крестьянский и инородческий начальник 1-го участка Верхнеудинского уезда Забайкальской области, с. Онинское 1901-1917 гг.

Оп. 1.

71.Д. 6. Документы о разделении ведомства Хоринской Степной думы на волости и об избрании должностных лиц – 244 л.

72.Д. 46. Документы о выражении недовольства бурятами по поводу введения нового административного управления и суда среди бурят – 177 л.

73.Д. 89. Дело волостным старшинам о производстве разбирательств по жалобам бурят – 34 л.

74.Д. 221. Документы об избрании волостных и булучных старшин – 73 л.

Ф. 79. – Верхнеудинский съезд крестьянских и инородческих начальников 1902-1917 гг.

Оп. 1.

75.Д. 217. Циркуляры министерства внутренних дел – 42 л.

76.Д. 1027. Дело о содержании личного состава крестьянских и инородческих начальников – 361 л.

Ф. 80. – Крестьянский и инородческий начальник 3-го участка Селенгинского уезда Забайкальской области, г. Верхнеудинск 1902-1915 гг.

Оп. 1.

77.Д. 6. Док-ты об открытии сельских обществ, образованных по новому закону... Списки лиц предназначенных к замещению должностей по волостным и сельским управлениям – 69 л.

78.Д. 12. Дело о крещеных инородцах Алтанского селения Селенгинского уезда и устройстве их быта – 4 л.

79.Д. 24. Дело по земельным спорам и вопросам у крестьян и инородцев – 28 л.

80.Д. 75. Формулярные списки о службе должностных лиц волостных правлений – 290 л.

81.Д. 80. Дело о выборе и увольнении должностных лиц среди инородцев Селенгинского уезда – 68 л.

82.Д. 82. Дело об образовании участковых съездов инородческих судов для вновь образованных инородческих волостей бывшего Хоринского, Селенгинского и Кударинского ведомств – 23 л.

83.Д. 202. Дело о выборе и увольнении должностных лиц волостей Селенгинского уезда Забайкальской области – 38 л.

III. Монографии и статьи

84. Алексеев П. С. Вверх по Лене в почтовой лодке : путевые заметки / П. С. Алексеев // Вестник Европы. – 1898. – Т. 2, кн. 6. – С. 741-765.

85. Андреев Ч. Г. Воспроизводство материальных условий жизни народов Сибири на рубеже XIX-XX вв. / Ч. Г. Андреев // Этносоциальные

- процессы в Сибири : сб. тр. конф. – Новосибирск, 2003. – Вып. 5. – С. 103-107.
86. Андреев Ч. Г. Из истории подготовки землеустроительной реформы в Забайкалье в конце XIX – начале XX вв. / Ч. Г. Андреев // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2011. – № 1 (1). – С. 102-115.
87. Андреев Ч. Г. Коренные народы Восточной Сибири во II половине XIX – начале XX века (60-е гг. XIX в. – октябрь 1917 г.): модернизация и традиционный образ жизни : [монография] / Ч. Г. Андреев ; М-во сел. хоз-ва и продовольствия Рос. Федерации, Бурят. гос. с.-х. акад. им. В. Р. Филиппова. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. с.-х. акад., 2001. – 287 с.
88. Андреев Ч. Г. Новации в жизни коренных народов Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX века / Ч. Г. Андреев // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2017. – Иркутск, 2017. – С. 113-119.
89. Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. : монография / И. А. Асалханов ; ред. И. М. Занданов. – Новосибирск : Наука, 1975. – 266 с.
90. Базаров Б. В. Присоединение Бурятии к России: геополитические сценарии трансграничья в XVII-XIX вв. / Б. В. Базаров // Власть. – 2011. – № 5. – С. 9-12.
91. Березин И. Н. Метрополия и колония // Отечественные записки. 1858. № 3-5.
92. Богданов М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа / М. Н. Богданов ; с доп. ст. Б. Б. Барадина и Н. Н. Козьмина ; под ред. проф. Н. Н. Козьмина. – 2-е изд. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. – 304 с.
93. Булычев И. Д. Путешествие по Восточной Сибири / И. Д. Булычев. – Санкт-Петербург : В тип. Акад. наук, 1856. – Ч. 1 : Якутская область, Охотский край, 1856. – 298 с.
94. Варнавский П. К. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (конец XIX – первая треть XX веков) : монография / П. К. Варнавский, Г. А. Дырхеева, Т. Д. Скрынникова ; отв. ред. Т. Д. Скрынникова ; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Иркутск : Оттиск, 2003. – 244 с.
95. Гимельштейн А.В., Дамешек Л.М., Сенина Е. А. Образ «инородцев» на страницах сибирской периодической печати. Вторая половина XIX в. – начало XX в. Иркутск. 2007. – 320 с.
96. Гончаров Ю. М. Демографические процессы в городах Тобольской губернии во второй половине XIX - начале XX в / Ю. М. Гончаров // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2007. – № 7. – С. 158-165.

97. Гончаров, Ю. М. Брачность, рождаемость и смертность в городах Западной Сибири во второй половине XIX - начале XX в / Ю. М. Гончаров // Население. Управление. Экономика. Культурная жизнь Сибири XVII - начала XX вв. – Барнаул : Алтайский государственный университет, 2003. – С. 3-23.
98. Гончаров, Ю. М. Социальная структура населения сибиря в конце XIX - начале XX в / Ю. М. Гончаров // Вестник алтайской науки. – 2014. – № 4(22). – С. 412-416.
99. Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900-1917 гг.) : монография / Л. М. Горюшкин ; ред. И. Д. Ковальченко. – Новосибирск : Наука, 1976. – 342 с.
100. Горюшкин Л. М. Главный труд Н. М. Ядринцева: [Предисловие] // Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / Н. М. Ядринцев. - Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. [Электронный ресурс] : <http://www.prometeus.nsc.ru/science/schools/goryush/works/2003.ssi> (Дата обращения: 20.07.2021).
101. Границы Китая: история формирования : коллект. моногр. / В. С. Мясников, Е. Д. Степанов, А. А. Бокщанин [и др.] ; под общ. ред. В. С. Мясникова, Е. Д. Степанова. – Москва : Памятники ист. мысли, 2001. – 469 с.
102. Григорьев В. В. Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами // Журнал Министерства народного просвещения. 1875. № 3 (март). С. 1-27.
103. Григорьев В. Ю. К вопросу о поземельном устройстве инородцев в Сибири / В. Ю. Григорьев // Сибирские вопросы. – 1906. – № 2. – С. 55-74.
104. Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (Компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002. – 208 с.; Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX вв.), Иркутск, 2005, – 246 с.
105. Дамешек Л. М. Аграрное законодательство самодержавия и народы Сибири в пореформенный период (60-70-е гг. XIX в.) / Л. М. Дамешек // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века : сб. науч. тр. – Иркутск, 1984. – С. 34-48.
106. Дамешек Л. М. Бурятский этнос в имперской системе власти XIX – начало XX вв. : монография / Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. – Иркутск : Оттиск, 2020. – 740 с.

107. Дамешек Л. М. Избранное : в 3 т. Т. 1 : Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.) / Л. М. Дамешек. – Иркутск : Оттиск, 2018. – 417 с. – (Азиатская Россия).
108. Дамешек Л. М. Избранное : в 3 т. Т. 2 : Сибирь в системе имперского регионализма (1822-1917 гг.) / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек. – Иркутск : Оттиск, 2018. – 208 с. – (Азиатская Россия).
109. Дамешек Л. М. Избранное : в 3 т. Т. 3 : Сибирские окраины Российской империи (XVIII – начало XX в.) / Л. М. Дамешек – Иркутск : Оттиск, 2018. – 257 с.
110. Дамешек Л. М. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. : монография / Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас ; отв. ред. Б. В. Базаров ; рец.: А. А. Борисов [и др.]. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. – 503 с. – (Азиатская Россия).
111. Дамешек Л. М. Крестьянские начальники Иркутской губернии (1898-1917) / Л. М. Дамешек, Г. В. Оглезнева // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX века : сб. науч. тр. – Иркутска, 1988. – С. 21-34.
112. Дамешек Л. М. М. М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. (Отв. ред. Л.М. Дамешек). Иркутск: Оттиск, 2003. 262 с.; Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А. Сибирские реформы М.М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Издательство ИГУ. Иркутск. 2017. – 341 с.
113. Дамешек Л. М. Окраинная политика империи и методы инкорпорации коренного населения сопредельных территорий России XVIII – начала XX вв. / Л. М. Дамешек // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2016. – Т. 17. – С. 35-47.
114. Дамешек Л. М. Окраинная политика империи и методы инкорпорации коренного населения сопредельных территорий России XVIII – начала XX вв. / Л. М. Дамешек, И. А. Федореева // Теоретические и правовые основы административно-территориального деления. Особенности организации территории. Серия: История. – 2013. – № 1 (4). – С. 7-17.
115. Дамешек Л. М. Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX – начала XX веков : учеб. пособие / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек ; рец.: О. Н. Катионов, В. П. Шахеров. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2015. – 223 с. – (Азиатская Россия).
116. Дамешек Л. М. Этнический фактор окраинной политики в региональном измерении: сибирский вариант. Ч. 2. У истоков политики патернализма. От имперского регионализма к политике унификации управления / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2021. – № 2 (42). – С. 19-27.

117. Дамешек Л. М. Этнический фактор окраинной политики империи в региональном измерении: сибирский вариант (XVIII-XX вв.) : монография / Л. М. Дамешек ; отв. ред. Б. В. Базаров ; науч. ред. Л. В. Курас ; рец.: Ю. М. Гончаров [и др.]. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2022. – 179 с. – (Азиатская Россия).
118. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Окраины Российской империи: институты и бюрократия. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – С. 8.
119. Долгих Б. О. Расселение народов Сибири в XVII в. / Б. О. Долгих // Советская этнография. – 1952. – № 3. – С. 76-84.
120. Жалсанова Б. Ц. История формирования и развития органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. : монография / Б. Ц. Жалсанова. – Иркутск : Оттиск, 2012. – 363 с.
121. Жалсанова, Б. Ц. «Реформа проводится бесповоротно...» Документы Национального архива Республики Бурятия о волостной реформе в Забайкальской области. 1901-1904 гг / Б. Ц. Жалсанова // Отечественные архивы. – 2008. – № 1. – С. 87-98.
122. Жигунова М. А. Сибирский ракурс региональной идентичности / М. А. Жигунова, А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова // Национальные приоритеты России. – 2014. – № 2 (12). – С. 48-62.
123. Зайцев Д. К. К аграрному вопросу в Сибири / Д. К. Зайцев // Сибирские вопросы. – 1906. – № 2. – С. 49-55.
124. Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России / Е. М. Залкинд ; [отв. ред. Г. Н. Румянцев] ; Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. комплекс. НИИ. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1958. – 319 с.
125. Иванова Л. М. Сибирский фронт: изучение вопроса в отечественной исторической науке / Л. М. Иванова // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 410. – С. 72-76.
126. История Бурят-Монгольской АССР : в 2 т. / под ред. П. Т. Хаптаева. – Улан-Удэ : Бурят-Монг. кн. изд-во, 1954. – Т. 1. – 496 с.
127. История Бурятии : в 3 т. / Л. Л. Абаева, Е. Ф. Афанасьева, Б. В. Базаров [и др.] ; гл. ред. и рук. проекта Б. В. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – Т. 2 : XVII – начало XX в. – 624 с.
128. История Сибири с древнейших времен до наших дней (в 5 томах) / под ред. А.П. Окладникова. Л.: Наука, 1968-1969.
129. Каппелер А. Формирование Российской империи в XV – начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды / А. Каппелер // Российская империя в сравнительной перспективе : сб. ст. – Москва, 2004. – С. 94-114. – (Новые границы).

130. Кауфман А. А. Земельный вопрос и переселение / А. А. Кауфман // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды : сб. ст. – Санкт-Петербург, 1908. – С. 79-140.
131. Кириллова С. В. Нерчинск – Пекин: русские торговые караваны в 1689-1703 гг. / С. В. Кириллова, В. В. Шевцов // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 435. – С. 121-126.
132. Клеменц Д. А. Население Сибири / Д. А. Клеменц // Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды : сб. ст. – Санкт-Петербург, 1908. – С. 37-78.
133. Ковалышкина Е. П. «Инородческий вопрос» в Сибири: концепции государственной политики и областническая мысль : монография / Е. П. Ковалышкина ; [науч. ред.: В. П. Зиновьев, Э. Л. Львова]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. – 323 с.
134. Когут М. Т. Начальный этап поземельного устройства сибирских крестьян (1898-1906 гг.) / М. Т. Когут // Аграрная политика царизма в Сибири : межвуз. сб. науч. тр. – Омск : Изд-во Ом. гос. пед. ин-та, 1989. – С. 3-25.
135. Корнеева Г. А. Разработка закона о землеустройстве 23 мая 1896 г. и вопрос о поземельной собственности в Сибири / Г. А. Корнеева // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX – 1917 г.). – Красноярск, 1982. – С. 15-29.
136. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского / М. А. Корф. – Санкт-Петербург : Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Величества канцелярии, 1861. – Т. 2, ч. 3-5. – 388 с.
137. Кропоткин П. А. 4 января 1863 г., Чита / П. А. Кропоткин // Дневники разных лет / П. А. Кропоткин ; публ. и коммент. А. П. Лебедевой. – Москва, 1992. – С. 287-289.
138. Кружалина А. А. Особенности формирования сибирской идентичности во второй половине XIX в. / А. А. Кружалина // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2017. – Т. 21. – С. 51-57.
139. Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа : очерки / Ф. А. Кудрявцев ; Бурят-Монг. гос. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории. – Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1940. – Кн. 1 : От XVII в. до 60-х годов XIX в. – 242 с.
140. Курас Л. В. Национальное и аграрное движение бурят в начале XX в. / Л. В. Курас // Власть. – 2011. – № 4. – С. 140-143.
141. Майнов И. И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области / И. И. Майнов. – Санкт-Петербург : Тип. В. Ф. Киришбаума, 1912. – 409 с.

142. Мамышева Е. П. Российская империя и коренные народы Сибири: от патернализма к имперскому регионализму / Е. П. Мамышева // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2022. – Т. 42. – С. 122-127.
143. Мамышева, Е. П. Волостная реформа в Хакасии 1908-1914 гг / Е. П. Мамышева // Власть и общество, Абакан, 01–02 октября 2003 года. – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2003. – С. 205-206.
144. Мамышева, Е. П. Институт крестьянских начальников в Енисейской губернии (по материалам 5 и 6-го участков Минусинского уезда) / Е. П. Мамышева // Хакасия в XX веке: язык, история, культура : материалы региональной научной конференции, Абакан, 06 октября 2006 года / Федеральное агентство по образованию, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Гуманитарный научно-исследовательский институт. – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2006. – С. 44-47.
145. Мамышева, Е. П. О деятельности Степных дум в Хакасии (1822 -1892 гг.) / Е. П. Мамышева // Хакасия: история и современность / Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. – Новосибирск : Наука, 2000. – С. 93-100.
146. Мамышева, Е. П. Переселенцы и инородческое население в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Минусинского и Ачинского округов): проблема взаимоотношений / Е. П. Мамышева // Genesis: исторические исследования. – 2018. – № 11. – С. 101-107.
147. Мамышева, Е. П. Столыпинская переселенческая политика и создание волостных учреждений в Енисейской губернии (на материалах минусинских инородцев) / Е. П. Мамышева // Тувинский государственный университет. – Кызыл: ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет», 2018. – С. 231-233.
148. Маншеев Д. М. Буряты в XIX в.: демографические процессы / Д. М. Маншеев // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 4-2. – С. 148-151.
149. Маркарян Э. С. Соотношение формационных и локальных исторических типов культуры / Э. С. Маркарян // Этнографические исследования развития культуры : [сб. ст.] – Москва, 1985. – С. 7-30.
150. Медведев А. Посещение генерал-губернатором Восточной Сибири графом А. П. Игнатьевым Балаганского инородческого ведомства / А. Медведев // Е. И. В. Прибавления. – 1886. – 22 февр. (№ 8).

151. Нанзатов Б. З. Буряты в зоне влияния православной церкви в XIX в. – начале XX в.: трансформация идентичностей / Б. З. Нанзатов // Вестник КИГИ РАН. – 2017. – № 5 (33). – С. 102-110.
152. Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права / Б. Э. Нольде. – Санкт-Петербург : Тип. "Правда", 1911. – [8], 554 с.
153. Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII-XVIII вв.) : монография / А. П. Окладников. – Ленинград : Соцэкгиз, 1937. – 427 с. [С. 290].
154. Патканов С. К. О приросте инородческого населения Сибири / С. Патканов. – Санкт-Петербург : Тип. "Т-ва Андерсона и Лойцянского", 1909. – 58 с. – Отд. оттиск из "Ежегодника России 1908".
155. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. (На основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) / С. Патканов. – Санкт-Петербург : Тип. «Ш. Буссель», 1912. – Т. 3 : Иркутская губерния, Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. – 433-1004 с. [С. 3]. – (Записки Императорского Русского Географического общества по отделению статистики ; Т. 11, вып. 3).
156. Потанин Г. Н. Письма Г. Н. Потанина. В 5 т. Т. 1 / Г. Н. Потанин ; [отв. ред. Н. А. Флоренсов, Ю. П. Козлов]. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1987. – 277 с. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000084477>.
157. Пронин В. И. Население Сибири за 50 лет (1863-1913 гг.) / В. И. Пронин // История СССР. – 1981. – № 4. – С. 55.
158. Резун Д. Я. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов : монография / Д. Я. Резун, М. В. Шиловский. – Новосибирск : Сова, 2005. – 196 с. <http://sibistorik.ru/project/frontier/ch2.html>.
159. Ремнев А. В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. / А. В. Ремнев // Политика. – 2011. – № 3 (62). – С. 109-128.
160. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. – Омск, 1995. – 237 с.
161. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. – Омск, 1997. – 253 с.
162. Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. – Омск, 2015. – 580 с.
163. Российская империя в сравнительной перспективе : сб. ст. / под ред. А. И. Миллера. – Москва : Новое изд-во. – 2004 г. – 384 с. – (Новые границы).

164. Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления : коллект. моногр. / М. Д. Карпачев, А. Ю. Минаков, Н. И. Цимбаев [и др.] ; под ред.: М. Д. Долбилова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 472 с. – (Монографии ; вып. 5).
165. Сафронов С. А. Столыпинская аграрная реформа и ее влияние на хозяйственное развитие Восточной Сибири в 1906-1917 гг. (на материалах Енисейской и Иркутской губерний) : монография / С. А. Сафронов. – Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 2006. – 751 с.
166. Сборник статей, заметок и корреспонденций Н. П. Штейнфельда. 1888-1895 гг. – Казань : Тип. Б. Л. Домбровского, 1896. – 136 с. [С. 38-39].
167. Серебренников И. Н. Инородцы в Сибири их состав и занятия / И. Н. Серебренников. – Иркутск, 1913. – 48 с.
168. Сибирь в составе Российской империи : коллект. моногр. / И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек, В. П. Зиновьев [и др.] ; отв. ред.: Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. – Москва : Новое лит. обозрение, 2007. – 364 с. – (Окраины Российской империи).
169. Скобелев С. Г. Демография коренного населения Сибири: объективистское направление в дореволюционной отечественной историографии (материалы для учебного курса) / С. Г. Скобелев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология, 2013. – № 5. – С. 8.
170. Скубневский В. А. Внегородские центры экономической жизни Сибири второй половины XIX – начала XX в. (к постановке вопроса) / В. А. Скубневский // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII - XX вв. : сборник научных трудов / Институт истории СО РАН; ответственный редактор: М. В. Шиловский. – Новосибирск : РИПЭЛ, 2005. – С. 155-162.
171. Скубневский В. А. Глава 6 Крестьянство и сельское хозяйство во второй половине XIX в. / В. А. Скубневский, Е. А. Носова // История Алтая : В 3-х томах / Под редакцией В.А. Скубневского. Том 2. – Барнаул : Алтайский государственный университет, 2019. – С. 108-121.
172. Скубневский В. А. Города и их воздействие на экономическое развитие Сибири во второй половине XIX в / В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города : Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием, Сургут, 14 ноября 2014 года / СурГУ. – Сургут: ООО «Курганский Дом печати», 2015. – С. 279-294.
173. Соснерж К. А. Административное устройство народов Сибири в первой четверти XIX в. в отечественной историографии // Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения : материалы XV Всероссийской (с международным участием) научной конференции, г.

Томск, 29-30 апреля 2019 г. – Томск : Издательский Дом ТГУ, 2019. – С. 51-55.

174. Соснерж К. А. Административные реформы как средство инкорпорации бурятского населения в состав Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: мат-лы Всеросс. научно-теоретич. конф. Иркутск, 28 апреля, 2020 г. Иркутск : Оттиск, 2020. – С. 102-105.
175. Соснерж К. А. Волостная реформа в Сибири в отечественной историографии // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 35. С. 81–89.
176. Соснерж К. А. Генерал-губернаторская власть и проблема инкорпорации бурятского населения в административное пространство Российской империи (вторая половина XIX в.) // Сибиряковские чтения : Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, г. Иркутск, 24-25 октября 2019 г. – Иркутск : Оттиск, 2019. – С. 48-53.
177. Соснерж К. А. Земельная реформа как средство инкорпорации бурятского населения в состав Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2020. – Иркутск : БГУ, 2020. – С. 150-157.
178. Соснерж К. А. Земледельческая колонизация как основа интеграции Сибири в общероссийское пространство (XIX – начало XX в.) // Сибирь в пространстве международных отношений: прошлое, настоящее, будущее : материалы регион. студ. научно-практической конференции, г. Иркутск, 30 марта 2019 г. – Иркутск : БГУ, 2019. – С. 160-165.
179. Соснерж К. А. Землеустройство бурят Иркутской губернии в конце XIX - начале XX вв. // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2019. – Т. 1. – С. 70-73.
180. Соснерж К. А. Инкорпорация бурятского населения в социокультурное пространство Российской империи во второй половине XIX в. // Северные Архивы и Экспедиции. – 2020. – Т. 4. – № 3. – С. 164-172.
181. Соснерж К. А. Инкорпорация коренного населения Юго-Восточной Сибири в социокультурное пространство российской империи (вторая половина XIX в.) // МНСК: 2020. Серия: История : материалы международной научной студенческой конференции, г. Новосибирск, 10-13 апреля 2020 г. – Новосибирск : ИПЦ НГУ СО РАН, 2020. – С. 74-75.
182. Соснерж К. А. История северо-восточных окраин России эпохи империи в новейших исторических исследованиях / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, К. А. Соснерж // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 37. С. 106-110.
183. Соснерж К. А. Компаративный анализ землеустройства бурят Юго-Восточной Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Актуальные вопросы

истории Сибири : сборник научных трудов / отв. ред. В. А. Скубневский. – Барнаул, 2019. – С. 57-62.

184. Соснерж К. А. Поземельное устройство бурятского населения Иркутской губернии накануне принятия землеустроительного закона (вторая половина XIX в.) // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в. : Сборник научных трудов / под ред. Ю. М. Гончарова, В. Н. Шайдурова. – СПб.: Медиапайр, 2020. – С. 147-155.
185. Соснерж К. А. Поземельное устройство и переселенческое движение на территории Иркутской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. Серия История. 2021. № 2 (144). С. 160-165.
186. Соснерж К. А. Поземельное устройство как средство инкорпорации Юго-Восточной Сибири в общероссийское пространство (вторая половина XIX в.) // КЛИО: 2020 : мат-лы Всерос. ежегодн. науч. конф. Иркутск, 20 ноября, 2020 г. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2020.
187. Соснерж К. А. Проблемы введения аграрного законодательства на территории Иркутской губернии в конце XIX в. // Труды БрГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2020. Т. 1. – С. 98-102.
188. Соснерж К. А. Процесс формирования комплексного подхода к изучению волостной реформы в Юго-Восточной Сибири в отечественной историографии // КЛИО-2021 : материалы Всероссийской ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Иркутск, 26 ноября 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Е. А. Матвеева]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Загл. с этикетки диска. – С. 30-34.
189. Соснерж К. А. Сибирь как колонизируемая окраина Российской империи (XIX – начало XX вв.) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 2 (36). С. 172-176.
190. Соснерж К. А. Управление народами Сибири в период кризиса империи: репрезентация закона и практики / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, К. А. Соснерж // Банзаровские чтения: материалы международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Д. Банзарова и 90-летию БГПИ — БГУ. В 2 ч. Ч. I / научный редактор В. В. Номогоева; ответственный редактор О. Н. Полянская. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2022. С. 104-107.
191. Соснерж К. А. Управление народами Сибири в период кризиса империи: репрезентация закона и практики / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, К. А. Соснерж // Банзаровские чтения: материалы международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Д. Банзарова и 90-летию БГПИ — БГУ. В 2 ч. Ч. I / научный редактор В. В. Номогоева; ответственный редактор О. Н. Полянская. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2022. С. 104-107.

192. Соснерж К. А. Этнический фактор и формирование патерналистских традиций в окраинной политике Российской империи на востоке. Ч. 1 / Л. М. Дамешек, К. А. Соснерж // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2023. – № 1(49). – С. 43-48.
193. Соснерж, К. А. Социокультурная инкорпорация кочевого населения Восточной Сибири как средство «обрусения»: цели, методы, итоги / К. А. Соснерж // Кочевые окраины Азиатской России XVII-начала XX вв.: актуальные проблемы истории управления, социальных отношений, хозяйственного освоения и культуры : Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Якутск, 10 декабря 2021 года / Составители: А.А. Борисов, Т.В. Павлова-Борисова, редакционная коллегия: А.А. Борисов [и др.]. – Якутск: Государственное казенное учреждение Республики Саха (Якутия) «Национальная библиотека Республики Саха (Якутия)», 2022. – С. 84-91.
194. Старцев А. В. Влияние обрабатывающей промышленности на демографические процессы в Сибири во второй половине XIX в / А. В. Старцев // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири : тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции, Новосибирск, 12–14 декабря 1989 года / редколлегия: Р.С. Василевский (ответственный редактор). Том 1. – Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, 1989. – С. 107-109.
195. Старцев А. В. Сибирь и сопредельные территории: история, историография, методология / А. В. Старцев. – Барнаул : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2016. – 446 с.
196. Столыпин П. А. Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 году / П. А. Столыпин. – Санкт-Петербург : Гос. тип., 1910. – 168 с.
197. Сычевский Е. И. Историческая записка о Китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году / Е. И. Сычевский ; сообщает В. Н. Баснин ; Император. О-во Истории и Древностей Рос. при Моск. ун-те. – Москва : Катков и К, 1875. – Кн. 2. – 292 с.
198. Термен А. И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области : очерки и впечатления / А. И. Термен. – Санкт-Петербург : Тип. М-ва внутр. дел, 1912. – 144 с.
199. Турчанинов Н. В. Население Азиатской России : стат. очерк / Н. В. Турчанинов // Азиатская Россия. – Санкт-Петербург, 1914. – Т. 1 : Люди и порядки за Уралом. – С. 64-93.

200. Хромых А. С. Проблема «сибирского фронта» в современной российской историографии / А. С. Хромых // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 5. – С. 106-112.
201. Цветков М. А. Пространство и границы Азиатской России / М. А. Цветков // Азиатская Россия. – Санкт-Петербург, 1914. – Т. 1 : Люди и порядки за Уралом. – 39-44.
202. Шагдурова И. Н. Проблема административно-политического устройства в общественно-политической мысли бурят в первой четверти XX в. / И. Н. Шагдурова // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 4-3. – С. 227-232.
203. Шилина А. С. Население Восточной Сибири накануне и во время Первой мировой войны: гендерное соотношение / А. С. Шилина // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2015. – № 3. – С. 216-222.
204. Щукин Н. С. Буряты / Н. С. Щукин // Журнал министерства внутренних дел. – 1849. – № 3 (март). – С. 427-428.
205. Юрганова И. И. Русская православная церковь в Восточной Сибири: от фронта до окраины / И. И. Юрганова // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2022. – № 3. – С. 32-41.
206. Ядринцев Н. М. Сочинения. Т.1. Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Её нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. Санкт-Петербург, 1882 [Электронный ресурс] : <https://elib.tomsk.ru/purl/1-648/> (Дата обращения: 15.06.2021).

IV. Справочно-статистические издания

А. Статистические сборники

207. Волости и населенные места 1893 года / [авт. предисл.: дир. Центр. стат. ком. Н. Тройницкий ; картограф А. Н. Петровский]. – Санкт-Петербург : Типо-лит. Ю. Я. Римана, 1894. – Вып. 4 : Иркутская губерния. – 100 с. – (Статистика Российской империи ; 27).
208. Волости и населенные места 1893 года. – Санкт-Петербург : Типо-лит. Ю. Я. Римана, 1896. – Вып. 8 : Забайкальская область. – 47 с. – (Статистика Российской империи ; 27).
209. Гагемейстер Ю. А. **Статистическое обозрение** Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. В 3 ч. Ч. 3 / Ю. А. Гагемейстер. – Санкт-Петербург : Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Величества канцелярии, 1854. – 109 с.

210. Географическо-статистический словарь Российской империи : в 4 т. / сост. П. Семенов. – Санкт-Петербург : Тип. В. Безобразова и комп., 1863. – Т. 1. – 716 с.
211. Ежегодник России 1905 г. (год второй). – Санкт-Петербург : Центр. стат. ком., 1906. – 404 с.
212. Обзор Забайкальской области за 1908 год. – Чита : Тип. Забайкал. Обл. правления, 1909. – 84, [78] с. : табл.
213. Обзор Забайкальской области за 1911 год. – Чита : Тип. Забайкал. Обл. правления, 1915. – III, 97, [70] с. : табл.
214. Обзор Иркутской губернии за 1908 год. – Иркутск : Губерн. тип., 1910. – [1], 61, [24] с. : табл.
215. Обзор Иркутской губернии за 1911 год. – Иркутск : Губерн. тип., 1912. – [2], 91, [31] с. : табл.
216. Обзор Якутской области за 1908 год. – Якутск : Тип. Якут. обл. упр., 1910. – [2], 73 с., [11] л. табл. : табл.
217. Обзор Якутской области за 1911 год. – Якутск : Тип. обл. упр., [1913]. – III, [1], 204 с. : табл.
218. Общий свод по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года : в 2 т. – Санкт-Петербург : Тип. Н. Л. Ныркина, 1905. – Т. 1. – 268 с. [С. 3].
219. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Санкт-Петербург : Тип. Э. Л. Пороховщиковой, 1904. – Т. 75 : Иркутская губерния. – [4], XVI, 172 с. [С. 1].
220. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Санкт-Петербург : Тип. СПб. акционер. о-ва «Слово», 1904. – Т. 4 : Виленская губерния, тетр. 3 (последняя). – [4], XII, 179 с. [С. 2].
221. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Санкт-Петербург : Тип. кн. В. П. Мещерского, 1903. – Т. 35 : Рязанская губерния. – [4], XIV, 259 с. [С. 1].
222. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Санкт-Петербург : Тип. кн. В. П. Мещерского, 1904. – Т. 8 : Волынская губерния. – [6], XX, 282 с. [С. 1].
223. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Санкт-Петербург : Тип. кн. В. П. Мещерского, 1904. – Т. 47 : Херсонская губерния. – 319 с. [С. 1].
224. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Санкт-Петербург : Тип. кн. В. П. Мещерского, 1904. – Т. 50 : Ярославская губерния. – [4], XII, 233 с. [С. 1].

225. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Санкт-Петербург : Паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1904. – Т. 36 : Самарская губерния. – [4], XII, 201 с. [С. 1].
226. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Санкт-Петербург : Тип. кн. В. П. Мещерского, 1901. – Т. 26 : Новгородская губерния, тетр. 1. – II, 64 с., [1] л. цв. карт. [С. 1].
227. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Санкт-Петербург : Т-во «Художественной печати», 1905. – Т. 24 : Московская губерния. – 349 с. [С. 1].
228. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Санкт-Петербург : Тип. Т-ва «Народная польза», 1905. – Т. 80 : Якутская область. – [4], XIV, 120 с. [С. 1-3, 84-85].
229. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. — Санкт-Петербург : Тип. кн. В. П. Мещерского, 1904. – Т. 73 : Енисейская губерния. – [4], X, 185 с. [С. 1-3, 116-117, 120-121].
230. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Санкт-Петербург : Тип. Т-ва «Народная польза», 1904. – Т. 74 : Забайкальская область. – [4], X, 184 с. [С. 1].
231. Статистический обзор Енисейской губернии за 1908 год. – Красноярск : Тип. Енис. губерн. упр., 1909. – [4], 91, [52] с. : табл.
232. Статистический обзор Енисейской губернии за 1911 год. – Красноярск : Енис. губерн. тип., 1912. – [4], 68, [55] с. : табл.
233. Статистический обзор Енисейской губернии за 1914 год. – Красноярск : Енис. губерн. тип., 1915. – Ведомость № 9. – (82 с.).

Б. Словари

234. Демографический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / гл. ред. Д. И. Валентей. – Москва : Сов. энцикл., 1985. – Режим доступа: <http://geography.su/demogr/item/f00/s00/e0000894/index.shtml> (дата обращения: 17.03.2023).
235. Демографическое старение // Демографическая энциклопедия / гл. ред. А. А. Ткаченко. – Москва, 2013. – С. 244-245.
236. Конституционное право : энцикл. слов. / С. А. Авакьян, К. Ф. Гуценко, А. И. Ковлер, М. Н. Марченко ; отв. ред. С. А. Авакьян. – Москва : Норма : Норма-Инфра, 2001. – 675 с.
237. Психологический словарь / Р. С. Немов. – Москва : ВЛАДОС, 2007. – 559 с.
238. Словарь социолингвистических терминов / В. А. Кожемякина, Н. Г. Колесник, Т. Б. Крючкова [и др.] ; отв. ред. В. Ю. Михальченко ; рец.: Т.

Г. Боргоякова, М. И. Исаев. – Москва : Рос. акад. наук. Ин-т языкознания, 2006. – 312 с.

239. Энциклопедический словарь : в 86 т. / изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – Санкт-Петербург, 1897. – Т. 20А (40) : Наказный атаман – Неясыти. – 481-960 с.

V. Диссертации и авторефераты диссертаций

240. Андреев Ч. Г. Образ жизни коренных народов Восточной Сибири (бурят, хакасов, якутов) во второй половине XIX – начале XX вв. (60 гг. XIX в. – октябрь 1917 г.): историческое исследование : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Ч. Г. Андреев ; науч. конс. Л. М. Дамешек ; Бурят. с.-х. акад. им. В. Р. Филиппова. – Улан-Удэ, 2001. – 469 л.
241. Кружалина, А. А. Национальный вопрос в общественном мнении сибиряков во второй половине XIX века: на материалах периодической печати : историческое исследование : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. А. Кружалина ; науч. рук. Л. М. Дамешек ; Иркутский гос. университет. – Иркутск, 2013. – 296 с.